

Святитель Серафим (Соболев)

Русская идеология

ВСТУПЛЕНИЕ

На Соборе Архиереев Русской Зарубежной Церкви, бывшем в декабре 1937 г., Председателем Русского Архиерейского Синода, Высокопреосвященнейшим Митрополитом Анастасием мне предложено было дать идеологию Русскому Христианскому Трудовому Движению. Это предложение мною было исполнено. Составленный мною доклад касательно русской идеологии был заслушан на Архиерейском Соборе в августе 1938 г. Выводы доклада были Собором приняты, и в соответствии с этим было вынесено соборное постановление.

Помимо этого, на Соборе 1938 г. Русских Архиереев при участии мирян, некоторые из мирян – членов Собора, – представители от епархий в Югославии и Западной Европе, просили меня дать им сведение относительно русской идеологии и в частности – обоснование Царской Самодержавной власти.

Это побудило меня заняться выяснением настоящего вопроса, животрепещущего и столь близкого для сердца русских людей, плодом чего и явилась моя книга: «Русская идеология».

В первой главе этой книги указывается, что русская идеология состоит в православной вере и основанной на ней жизни русского человека во всех ее проявлениях. Эта вера была усвоена русским народом с самого момента его крещения, как главное правило жизни, что свидетельствуется тем, что самыми любимыми книгами для чтения русских людей, помимо книги живота – Библии, были – Житие Святых (Четьи Минеи). Но особенно о жизненности этой веры свидетельствовала святая иноческая жизнь в монастырях и благочестивая жизнь мирян, о чем говорит безчисленное множество в России храмов и церковный быт наших предков, которым они открыто исповедовали свою веру, – их великие молитвенные подвиги и в храмах, и у себя дома, – их искреннее глубокое покаяние во грехах и чистота их православной веры. В той же главе отмечается то дивное покровительство и заступление, которое оказывал Господь русскому народу за его преданность православной вере и стремление к святости, что-то же – к жизни, сообразной с этой верою.

Во второй главе нашей книги изображается другая – печальная сторона жизни русского народа – его отступление от православной веры и, прежде всего, посредством усвоения им протестантизма. Здесь показывается, что не сразу произошло это отступление, а постепенно, начиная с Иоанна III, со времени поступления на русскую службу немцев. Но особенно катастрофичным для России было отступление от православной веры при Петре Великом. Этому несчастью содействовали его противцерковные реформы, которыми производилась ломка самой православной веры.

Особенно пагубными были реформы в отношении монастырей с отображением монастырского и вообще церковного имущества. Вследствие этого, монастыри утратили свое великое значение церковных просветительных центров в жизни русского народа. Воспитание и просвещение были отняты от Церкви и перешли в руки государства и стали

вестись по линии удаление от Церкви и Ее спасительного влияния. К отступлению русского народа от православной веры было направлено и личное поведение Петра.

Конечно, такие его мероприятия не остались без протеста со стороны последнего Патриарха Адриана, Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Рязанского Стефана Яворского и вообще епископата русской Церкви. Но эти протесты не только не имели никакого успеха, но вызывали со стороны Петра лишь суровые репрессии. Благодаря противочерковным Петровским реформам, появилось в образованном русском обществе охлаждение к православной вере, умножение сектантства и даже неверия, таившего в себе начало гибели России.

К сожалению, это неверие еще более стало укрепляться у нас в царствование Императрицы Анны Иоанновны, чрез открытое гонение на православие со стороны Бирона, и в особенности в царствование Императрицы Екатерины II. Она открыто преклонялась пред безбожником Вольтером и окончательно отобрала в пользу государства церковные имущества.

Конечно, такое отрицательное и пагубное для России отношение к Церкви Императрицы не могло остаться без протестов со стороны представителей русской Церкви, и мы подробно остановили свое внимание на Митрополитах: Ростовском Арсении Мацеевиче и Тобольском Павле, которые своим исповедническим протестом против отнятия церковных имуществ, вместе с тем, выступали против уничтожения русской идеологии, долженствующей быть в основе жизни каждого русского человека и всего русского государства. Своим протестом они предвозвестили гибель его, хотя она наступила не сразу, и показали, что с потерей церковных имуществ Церковь потеряла одно из главных средств распространять православную веру и бороться с ее врагами. Эта потеря лишила Церковь возможности надлежащим образом организовать, для укрепления православной веры, школьное просвещение.

Поэтому неверие продолжало сильно распространяться в России даже и в царствование последующих Императоров, покровительственно относившихся к Церкви. Они уже не нашли в себе силы идти против всего русского интеллигентного общества, которое настолько удалилось от Церкви, что следовало не ее учению, а учению богоборческого гуманизма, давшего русским людям авторитет научности вместо Божественного церковного авторитета. Оно уже глубоко и сознательно стало воспринимать толстовское и социалистическое учения, яд которых почти безпрепятственно разливался по всей русской земле в сельских и городских земских школах, обладавших большими государственными средствами. Земство явилось пагубным учреждением для России.

Неверие нашей интеллигенции вылилось, наконец, в освободительное движение с кровавым террором, направленным к ниспровержению Царской власти. Это движение разделило всю Россию на два лагеря – левых и правых, и, имея в своем полном распоряжении Государственную Думу, открыто и легально насаждало чрез нее в государстве не только

противоцерковные, но и революционные идеи, вынудив правительство издать в 1905 г. в высшей степени вредный закон о свободе совести, и, наконец, чрез заговор против Государя, низвергло его с Престола и погубило Россию.

В третьей главе нашей книги констатируется истина: так как Россия погибла вследствие отступление русского народа от православной веры, то для спасения и возрождения России необходимо всем русским людям вернуться к этой вере, отвергнуть все еретические и богоборческие учения и положить в основу своей жизни учение православной Церкви и все ее уставы. Подобно нашим предкам, мы должны иметь веру аскетическую, живую, которая сопровождается всеми христианскими добродетелями; а вместе с нею – свято блюсти чистоту нашей веры во всей ее апостольской непорочности, чуждой всяких еретических приложений. За это Господь пошлет нам, как посылал нашим предкам, внутреннюю перерождающую благодать Св. Духа, как Царство Божие в его дивных, благодатных проявлениях правды, мира и радости (Рим. 14: 17). К стяжанию этой благодати мы, русские люди, должны стремиться, прежде всего, как к своему небесному счастью, как к высшей цели своей жизни и величайшему своему сокровищу, чрез веру аскетическую и православную.

Отсюда понятно, что мы должны тщательно хранить свою православную веру от ее смешения с инославными исповеданиями и, в частности, католическим и лютеранским. При таком смешении благодать не будет с нами, а без благодати мы никогда не достигнем, как учат св. отцы, истинной нравственности или христианской жизни, и не войдем в вечный небесный чертог.

В той же главе нами отмечается, что это высшее благо – благодать Св. Духа, как внутренняя перерождающая сила, может быть только в православной Церкви. Поэтому мы должны тщательно хранить православную веру, сделать ее основой всей своей жизни, подобно нашим предкам, открыто ее исповедовать и всячески избегать ложного пагубного стыда. Чрез эту исповедническую веру Господь будет царствовать в сердцах наших. Своею благодатью с ее святостью и блаженством и дарует нам опять великую, славную Россию, какою она была, благодаря истинной вере наших предков.

Но вере предков было присуще смирение с его покаянием. Благодаря этому смирению, их вера была аскетической и переходила в исповедническую. Без смирения, по Богооткровенному и святоотеческому учению, нет, и не может быть никаких истинных христианских идеалов. Истинная православная и духовная жизнь начинается смирением, им развивается и доходит до совершенства потому, что только чрез него Господь посылает нам благодать Св. Духа, эту Божественную силу, без которой мы, по слову Христа, ничего доброго не можем совершать (Ин. 15: 5).

Но если это смирение сделало веру наших предков аскетической, то смирение сделало ее и чистою от всяких ересей, ибо гордость, по учению Св. Писания, есть начало греха и отступление от Господа (Сирах. 10: 15) и

является причиною всех ересей, как учат и св. отцы Церкви. Смирением и покаянием предки наши ограждали и свою веру от ересей, и свою Родину от гибели; и как только русские люди вступили на путь отступление от православной веры, на путь гордости, так постепенно и, прежде всего, в очах Божиих началась гибель нашей Родины, несмотря на то, что после Петра Россия внешне увеличивалась в своем могуществе и славе. Но это могущество и слава обязаны той же вере русского народа, который в своей массе и в своем низу не мог так скоро отступить от православной веры, вопреки всем усилиям безбожной русской интеллигенции скорее развратить его.

Будем всегда помнить, за что мы наказаны Богом, и не только помнить, но и стремиться возродить Россию своим возвращением к вере наших предков, основанной на смирении и покаянии, вере аскетической, православной и исповеднической.

Поэтому, пусть в жизни нашей будет эта вера, и, прежде всего, как вера смиренная с покаянием в самом тяжком грехе, в котором повинны русские люди или активно, или пассивно. Мы имеем в виду грех бунтарства против Самодержавной власти Царя – Помазанника Божиего. Этот грех является крайне тяжким, ибо он есть следствие отступление русского народа от православной веры, от Церкви и от совести.

В четвертой главе указывается, в чем должно состоять покаяние русских людей в их тяжком грехе бунтарства против Самодержавной Царской власти. Не все одинаково повинны в этом грехе, почему и покаяние должно выразиться не у всех в одинаковой степени. Для одних оно должно состоять в радикальной перемене своей греховной настроенности на благодатную, чем сам собою уничтожится у них тяжкий грех бунтарства и произойдет изменение в их отношении к Самодержавной Царской власти. Для других покаяние должно состоять в открытом исповедании истины, что одною из основ возрождение России является исконная Царская Самодержавная власть Помазанника Божиего; что никакая другая форма государственного правления не приемлема для России, ибо несообразна с православной верой и на ней не основана.

Мы так говорим потому, что только эта власть, по учению Свящ. Писание и св. отцов, является Богоустановленной и происходит от Бога, о чем прекрасно говорит Митрополит Московский Филарет. Он же очень хорошо свидетельствует о благодетельном значении для человеческой жизни Царской Самодержавной власти на основании Священного Писания, резко осуждая посягателей на эту власть, хотевших в России вместо нее ввести слепую, жестокую власть не от Бога, а от народа – власть народной толпы. Означенное учение М. Филарета о происхождении Царской Самодержавной власти и ее благодетельном значении для народа не только основано на Св. Писании, но совпадает с таким же учением и св. Феодора Студита.

Впрочем, в Св. Писании мы находим еще учение о царе, как Помазаннике Божиим (1Цар. 9: 16; 10: 6; 16: 12–13). Отсюда ведет свое начало таинство миропомазания, которое совершалось и над Царями в Византии, а

затем стало совершаться и у нас, в России. Таинство св. миропомазание делает личность Царя священной, сообщает благодать Св. Духа для несение подвига царствования, возвышает его авторитет в глазах всего народа, как нации, возводит Царя на степень верховного покровителя православной Церкви в защите ее от еретиков и всех ее врагов, почему св. Иоанн Златоуст и учил, что Царская власть, разумеется христианская, есть начало, которое удерживает пришествие антихриста.

Таковыми покровителями св. православие не только для России, но и для других православных стран, были и наши русские цари, благотворное влияние коих ощущалось даже во всем мире, как об этом печатно свидетельствовал так недавно итальянский профессор-историк Ферреро.

В той же четвертой главе мы указываем, что к учению Священного Писания о Царской власти нужно отнести и учение об отношении к Царю со стороны его подданных. Это отношение определяется, по свидетельству Откровения, двумя Божественными заповедями. Бог, во-первых, повелевает: не прикасаться к Его Помазанникам и, во-вторых, оказывать почитание Царю чрез наши молитвы о нем и повиновение ему. Первою заповедью, данною еще в Ветхом Завете в словах: Не прикасайтесь помазанным Моим (1 Цар. 16: 22), Господь ограждает Царя от всего того, что колеблет его власть и выражается в недовольстве Царем и его осуждении подданными, и о чем очень хорошо опять таки говорить тот же Митрополит Филарет.

Эта Божественная заповедь нарушается и чрез ограничение Самодержавной власти Царя, чего русские люди требовали с неистовством из-за рабского, слепого подражание европейским народам. Требование этого ограничения также способствовало гибели нашей Родины.

Нет нужды доказывать, каким ужасным прикосновением к Помазаннику Божию является низвержение подданными своего Царя. Здесь нарушение настоящей Божественной заповеди достигает по своей преступности самой высокой степени и влечет за собою гибель государства. Такое, именно, прикосновение к Помазаннику Божию было допущено русскими людьми, поэтому мы во всей полноте знаем гибельность и для себя, и для России отвержение людьми данной Божественной заповеди.

Что касается положительной заповеди, повелевающей нам почитать Царя (Мф. 22: 21; 1 Пет. 2: 17), то первым выражением ее является возношение нами молитв и благодарений о Царе, к чему призывал Ап. Павел Епископа Ефесской Церкви Тимофея. Этот призыв может вызывать удивление, так как тогда царями были язычники и гонители. Но прекрасное истолкование этого апостольского призыва дается М. Филаретом, которое и приводится в нашей книге.

Другим выражением почитание Царя подданными является их повиновение ему. Ап. Петр повелевает повиноваться Царю Господа ради (1 Петр. 2: 13 – 14), т.е. ради православной веры в Бога. Этот мотив для повиновения Царю является высшим. Если бы русские люди относились к своему Царю согласно этой заповеди Св. Писания, то не был бы снят с его головы Царский венец преступными руками предателей, и Россия не

погибла бы. Только одна православная вера побуждает, как должно повиноваться Царю. Только она одна заставляет в этом повиновении любить Царя, Помазанника Божиего, жертвовать собою, страдать и умирать за Царя и смотреть на него, как на отблеск славы и Божественного величия.

Так, в строгом соответствии с православною верою относился к Царю, так почитал его русский народ, о чем очень хорошо свидетельствует и наше народное творчество, выраженное в песнях, сказках, пословицах, былинах и присловиях. С таким почтением и любовью относился русский народ в лице истинных сынов его к своему Царю не только в древности, но и до самого последнего времени, ибо простой верующий народ без слез умиление не мог смотреть на Царя. Он в действительности, по выражению Митрополита Филарета, был главою и душою русского народа. Поэтому, когда не стало этой души, не стало и России.

В пятой главе нами устраняются два возражение против учреждение в будущей России исконного начала государственной жизни – Царской Самодержавной власти. Имеется в виду, во-первых, мнение, что эта форма правление изжита, и, во-вторых, что для Церкви будто безразлично, какая форма правление будет в России. Что касается первого мнения, то оно направлено против спасительного на нас влияние Священного Писания, ибо Царская власть в России была основана на его словах. А эти слова являются глаголами вечного живота (Ин. 6: 68; срав. Евр. 4: 12). Поэтому такое мнение является неразумным. Если нельзя сказать, что слова Божественного Откровение изжили себя, то нельзя сказать, что и Царская власть, как на них основанная, изжила себя. Действительность, напротив, свидетельствует, что не Царская Самодержавная, а парламентарная власть изжила себя. Русским людям в вопросе о будущем строе правление нашей Родины надо сообразоваться с Богооткровенным и святоотеческим учением и следовать не за врагами, а за истинными и гениальными ее сынами, каковыми были Достоевский и Пушкин («Разговоры Пушкина». Москва 1926 г.), свидетельствовавшие всю необходимость для счастья и могущества России не демократического, а, именно, Царского Самодержавного строя.

Относительно второго, такого же ошибочного, мнение нужно сказать, что для Церкви не может быть одинаковой власть, покровительствующая ей, и власть богоборческая, царствующая у нас в настоящее время, при наличии которой православная Церковь в России может исчезнуть. Эта власть такова, что невольно возбуждает в умах русских людей вопрос: не настал ли сейчас момент окончательной гибели нашей Родины? Этот вопрос будет особенно волновать нас, если мы вспомним два письма оптинского старца иеросхимонаха о. Амвросия, с истолкованием им двух страшных замечательных сновидений, касательно судеб нашей России. Об этих сновидениях и их истолковании о. Амвросием говорится нами в настоящей главе.

Однако мы питаем надежду, что момент для конечной гибели России еще не настал, ибо имеем пророчество св. Серафима Саровского, что Господь избавит Россию от всех ее бедствий ради православной веры, и она

будет существовать, как сильная держава, до скончание века. Эта вера есть в русском народе. Она исповедуется им даже в великих настоящих страданиях России. Поэтому мы должны молиться, чтобы Господь укрепил эту веру и скорее бы избавил Россию от богоборческой власти. Самый тот факт, что мы вместе со всею зарубежною русскою Церковью и с нашими братьями, находящимися в России, молимся об этом, свидетельствует, что для Церкви далеко не безразлично: будет ли Россия возглавляться впредь богоборческою властью.

Точно так же не безразлично для Церкви, какая будет в России после советской власти государственная форма правления. Православная Церковь не может предпочесть власть народа, что то же – народной толпы, Царской власти по той причине, что народоправство не есть Богоустановленная власть и не коренится в Св. Писании. Мало того, республиканская и конституционная власть являются ниспровержением Богоустановленной Царской власти. Правда, в конституционной форме правление монарх остается, но Самодержавие от него отнимается народоправством и для него создается неестественное и тяжелое положение, при котором он «царствует», но не управляет; о чем хорошо в свое время писал Иоанн Грозный в своих письмах князю Андрею Курбскому и заявлял шведскому королю и польскому королю – Стефану Баторию.

Таким образом, как республиканская, так и конституционная форма правление – не только не являются Богоустановленною властью, но самое их бытие начинается с ее отрицания. Св. Церковь наша не может закрыть своих глаз на это отсутствие религиозной основы в том и другом демократическом образе правления, поэтому и не может желать его введение в будущей России.

Кроме того, демократический строй не соответствует религиозно-нравственному идеалу русского народа. Этот идеал состоит в устремлении русских людей к святости, или единению со Христом чрез православную веру и любовь со всеми прочими христианскими добродетелями. Но этот идеал русского народа совершенно чужд республиканской или конституционной форме правления. И это понятно, ибо демократическое государство управляется не этическими, а юридическими нормами. Зато монархия в России как нельзя лучше соответствовала русской идеологии. Об этом говорит самое назначение монарха быть представителем идеала русского народа и направлять свою государственную деятельность сообразно с этим идеалом. Являясь первым и верным сыном Церкви, Царь был и покровителем русского народа в удовлетворении его высших религиозных потребностей, будучи для него и в других областях его жизни олицетворением высшей милости и отеческой любви.

Отсюда ясно, почему русский народ так верен был своим монархам с готовностью полагать за них свою жизнь. Русский народ даже в унижении Царской власти в период смутного времени винил не ее, а себя, видел в этом наказание Божие за грехи свои и ревностно отвергал все посягательства на Самодержавие Царя...

К сожалению, в 1825 г. произошло восстание декабристов. Это восстание показало, что в русском народе стал меркнуть религиозно-нравственный идеал и стал заменяться идеалом политическим, и чем дальше шло время, тем сильнее и сильнее заявляло свои права в русском обществе конституционное и даже республиканское движение, которое вылилось в освободительное, низложило Царя и погубило Россию.

Несомненно, Господь за эту замену идеологии и наказал русский народ. Но Он и помилует его за великие страдания, веру и покаяние и дарует ему избавление. Однако чтобы возродить Россию, мы должны вернуться к своему религиозно-нравственному идеалу и на основании его воссоздать Царскую Самодержавную власть, так как другие формы правления не соответствуют нашей русской идеологии.

Этим несоответствием не исчерпываются все мотивы, почему Церковь должна отворачиваться от демократических форм правления. Последние не только не имеют данного соответствия, они даже враждебны религиозно-нравственному идеалу русского народа. Поэтому при появлении в России того или другого демократического строя, наша православная Церковь окажется в положении гонимой, т.е. тогда произойдет фактически отделение Церкви от государства.

Не надо забывать, что только либеральные круги России требовали демократического строя, а все истинно-русские люди отстаивали Самодержавие.

Отсюда ясно, что Церковь не может быть безразличной к форме правления в будущей России. Для собственного своего блага и ради возрождение России она может стремиться к восстановлению у нас только одного государственного строя – Самодержавной власти Царя – Помазанника Божиего.

В шестой главе мы призываем всех русских людей стремиться, как к величайшей милости Божией, к учреждению в будущей России истинной монархической власти, которая может быть такою только при своем отношении к Церкви на основе симфонии в смысле ограничение Самодержавной Царской власти Церковью – ее Божественными законами. Мы имеем в виду симфонию, теория которой изложена в 42-й главе славянской Кормчей, взятой из VI новеллы Юстиниана. В настоящей главе нами дается толкование этой симфонической теории, которая обязывала носителя Царской власти быть защитником догматов православной веры и почитать Церковь, т.е. исполнять все ее каноны, сообразовать с ними законы гражданские и заботиться о ее материальном благополучии.

В соответствии с этой симфонией определяли свои отношения к Церкви византийские императоры, прежде всего, оказывая покровительство ей в ее борьбе с еретиками на Вселенских Соборах и после них, в особенности в виду страшных насилий, вплоть до уголовных преступлений, которые совершались еретиками по отношению к православным людям.

Согласно этой симфонии, византийские императоры оказывали и почитание Церкви в лице ее власти, т.е. не вмешивались в дела Церкви, и

самих себя считали подсудными церковной власти в делах веры и нравственности, о чем свидетельствует их отношение к Вселенским Соборам, на которых они никогда не председательствовали и постановления коих они считали обязательными к исполнению не только для всех их подданных, но и для себя самих, и даже признавали силу гражданских законов только в том случае, если они не противоречили св. канонам.

Для осуществления той же симфонии византийские императоры считали своим священным долгом заботиться и о материальной стороне жизни Церкви. Конечно, главный приток пожертвований в пользу Церкви делался верующим народом во исполнение Божественной заповеди о десятинах. Но самое главное здесь заключалось в том, что св. каноны закрепляли это церковное имущество, как принадлежащее Самому Богу, за Церковью, как неприкосновенное. Этой неотчуждаемости церковного имущества содействовала и Императорская власть, делавшая своими законами его неприкосновенным и ограждая его заклетами.

В настоящей главе мы отмечаем, что в данной теории не указывается, в чем должно проявляться для этой симфонии отношение Церкви к государству и в частности к той же Царской власти. Мы объясняем это обстоятельство тем, что Церковь по свойству своей веры православной не могла нарушать симфонии и проявлять папоцезаризм, и что, действительно, этого никогда не бывало. Однако Церковь всегда участвовала в этой симфонии властей и очень много делала для нее, возрождая благодатными средствами своих членов и чрез воспитание и просвещение делая их великими сынами отечества, воодушевляя их любовью к Царю и родине до готовности полагать за них свою жизнь.

С таким значением теория симфонии перешла из Византии и к нам в Россию. И здесь она действовала, определяя взаимные отношения между церковной и государственной властями, пока не была нарушена в царствование Алексея Михайловича. Действительность показывает, что и наши вел. князья, а затем цари были защитниками православной веры и боролись вместе с Церковью с еретиками, о чем свидетельствуют наши древние Соборы, на которых они нередко присутствовали и осуществляли все соборные меры по отношению к еретикам.

Так же, как византийские императоры, наши вел. князья и цари осуществляли симфонию в отношении св. канонов и в отношении церковной власти, в особенности в лице русских церковных Соборов, считая их постановления для себя обязательными.

Подобно византийским императорам, относились они и к церковному имуществу, являя заботы о материальном благоденствии Церкви и личными своими пожертвованиями, и посредством ограждения церковной собственности своими уставами и грамотами.

В последней седьмой главе нашей книги говорится о нарушении симфонии властей при Алексее Михайловиче, причем в этом отношении проводится аналогия между Россией и Византией. В последней симфония нарушалась многими императорами чрез их цезарепапистское

вмешательство в дела Церкви. Но в особенности нарушителями ее, вплоть до ее уничтожения, были византийские императоры иконоборцы, которые своим нарушением основ симфонии: православной веры и св. канонов, – совсем уничтожали ее и даже делались гонителями Церкви. В этом уничтожении симфонии Церковь видела причину падения Византии.

Такое уничтожение симфонии властей у нас случилось при Петре I. Оно, в силу закона постепенности, имело раннейшую свою подготовку в царствование Алексея Михайловича, когда произошло нарушение симфонии вместе с появлением «Уложения» в 1649 г. и, в частности, его Монастырского приказа. Этот приказ был вопиющим вмешательством в церковные дела, которое проявлялось в суде над духовенством даже по духовным делам, в назначении духовных лиц на должности и в частичной конфискации церковного имущества.

Величайшим защитником русской идеологии, борцом против нарушения симфонии властей и, вместе с тем, проповедником истинной Самодержавной Царской власти явился Святейший Патриарх Никон. Сознавая всю губительность для Церкви и государства цезарепапизма, Патриарх Никон протестовал, как это видно из его сочинения: «Раззорение», – против суда светской власти над духовенством по гражданским и церковным делам. Такой же энергичный протест был проявлен с его стороны и против частичной конфискации церковного имущества. Он видел, что на этом государство не остановится, и отнимет от Церкви все средства, при помощи которых она могла бы осуществлять свои высшие задачи относительно воспитания и просвещение русского народа и тем самым предохранить его от гибели. Поэтому Патриарх Никон на библейских примерах показывал, какие страшные наказания следуют от Бога за отнятие у Церкви ее имущества, «Уложение» называл «проклятою уложенною книгою», а в Монастырском Приказе видел толчок к расцерковлению русского государства и начало гибели России.

Так как оцерковление русского государства посредством гражданских законов, не противных св. канонам и проникнутых духом Церкви, зависело от истинной Царской Самодержавной власти и ее отношении к Церкви на основе симфонии, то борьба Патриарха Никона против «Уложения» и Монастырского Приказа имела своею целью возглавление русского государства властью такого Царя, при котором только и возможно осуществление симфонии властей и процветание Церкви и государства. За эту борьбу он тяжело страдал. И в этой борьбе он пал, но оставил завет всем русским православным людям – чему они должны следовать для возрождение России.

Поэтому П. Никон должен быть истинным, великим наставником для нас в наших стремлениях восстановить Россию посредством истинной Самодержавной власти Царя – Помазанника Божиего.

По той же причине мы постарались снять с личности Патриарха Никона то нареkanie, которое может принизить его авторитет в наших глазах. Мы имеем в виду обвинение его в непомерной гордыне, будто побуждавшей П. Никона стремиться к властительству над самим Царем

Алексеем Михайловичем и ко вмешательству в дела государственные. Это обвинение не соответствует действительности прежде всего в силу того, что оно исходило от врагов П. Никона – раскольников; и каковое обвинение давно устранено научными исследованиями. Главным обвинителем П. Никона в гордости был злейший враг его – Газский Митрополит Паисий Лигарид; но последний, по свидетельству документальных данных, был совершенно аморальной личностью.

Прекрасно опровергает данное обвинение по отношению П. Никона историческая действительность, в которой нельзя найти ни одного факта, свидетельствующего о такой его гордости. Не обнаруживается эта гордость и в его сочинении: «Раззорение», в его поучениях и в его патриаршей деятельности, о чем мы негласно говорим в данной главе.

Нельзя обвинять в гордости П. Никона и на основании его ухода из Москвы в Ново-Иерусалимскую обитель, случившегося 10 июля 1658 г. Обвинители хотят объяснить психологически этот уход, как давление П. Никона на Царя, с целью заставить последнего удовлетворить честолюбие и гордость Патриарха и вернуть его к прежнему величию и славе. Но мы показываем всю несостоятельность обвинения П. Никона на этом психологическом основании. Мы свидетельствуем, что П. Никон в своем уходе обнаружил не гордость, а свой непреклонный и решительный дух в отстаивании истины, свое исповедничество, имевшее целью обличить непокорных Божественным заповедям и св. канонам. Наша настоящая точка зрения совпадает с мнениями проф. Стенли и современника П. Никона, Иерусалимского Патриарха Нектария.

Есть и еще одно основание, устраняющее обвинение П. Никона в гордости, которым является его подвижническая жизнь, с ее исповедническими страданиями и проявлениями благодати Св. Духа.

Ясно, что аскетические подвиги и нравственные страдания от незаконного суда над ним и в особенности от клевет – этого высшего предела нравственных мук, которым преследовали его враги, – П. Никон мог переносить только при помощи благодати Св. Духа. А благодать сия, по учению Св. Писания и св. отцов Церкви, не совместима с гордостью.

Опровергается это обвинение и истинною любовью П. Никона к ближним. Эта любовь была в нем постоянна; он всегда был первым защитником и покровителем всех несчастных. По учению же св. Макария Великого, это постоянство добродетели любви и есть самый верный признак, что ей сопутствует благодать Св. Духа, которая опять-таки, не могла бы быть в П. Никоне, если бы он был одержим страстью гордости.

Но лучше всего данное обвинение уничтожается теми сторонами жизни Патриарха, где благодать Св. Духа проявлялась в нем непосредственно, как особая печать избранничества или помазанности, которая лежала на нем. Эта благодать Св. Духа проявлялась в нем дивным хранением его от смертельных опасностей, даром прозорливости и даром целения недугов, который был присущ ему во время его жизни и в особенности после его смерти, о чем свидетельствуют чудесные исцеления от его гроба.

Поэтому мы должны не обвинять П. Никона в гордости, а вместе с простым верующим русским народом, прибегающим к его небесному заступлению, благоговейно чтить его и содействовать прославлению его мощей в возрожденной России для причисления его к лику святых Российской Церкви.

В данный же момент и на будущее время мы должны следовать заветам П. Никона, как своего учителя, и стремиться к восстановлению в России его идеологии и к осуществлению его исповеднической проповеди об истинной Самодержавной Царской власти с ее отношением к Церкви на почве симфонии.

Для православных людей ясно: если Господь избавит Россию от настоящих бедствий, то сделает это не для того, чтобы она вскоре опять погибла. Господь спасет Россию для ее возрождения чрез веру. Поэтому при возрождении Родины нашей все в ней, – во всех областях ее жизни личной, общественной и государственной, – должно иметь в своей основе православную веру, начиная с формы государственного правления.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Определение русской идеологии. Ее осуществление в жизни наших предков. Их церковный быт, проникнутый истинною православною верою. Дивное покровительство Божие над Россией ради веры русского народа.

По словам великого писателя Ф. М. Достоевского, русский человек есть православный человек. И это понятно для нас. Православная вера, воспринятая от крещения детскою, простою душою русского человека, сделалась его основой, обнявши всю его жизнь во всех ее проявлениях. В этой вере и в таком жизненном ее усвоении и состоит русская идеология. Русский народ усвоил православную веру не умом только, как теоретическую доктрину, а всем своим сердцем, как главное правило своей жизни. Знаменательно, что для русских людей с давних времен самым любимым чтением наряду со словами вечного живота – со Священным Писанием, были Житие Святых, появившиеся на Руси вместе с христианством; они весьма размножились и дошли до нас в разнообразных письменных памятниках – проповеднических словах, прологах, патериках и в неподобном изложении Четьи-Миней св. Димитрия Ростовского. Причем, устремление к четьи-минейному чтению наблюдалось во всех сословиях без исключения. Такая любовь наших предков к жизни святых свидетельствует о том, что они стремились православную веру воплощать в самую жизнь свою, чтобы их вера не была только на словах, но оправдывалась на деле.

Впрочем, о таком значении православной веры для русских людей свидетельствует иноческая жизнь, которая возникла у нас почти одновременно с крещением Руси. Киево-Печерская Лавра, основанная около 1054 г., показывает, как воспринята была вера нашими предками в лице истинных Печерских иноков. Их вера проявлялась не только в подвигах святой жизни, но и в дивных знамениях и чудесах, которыми так отличались великие подвижники первых веков христианства.

Конечно, не одна Киево-Печерская обитель свидетельствует о жизненном значении православной веры в России. Святостью вера блистала и в других обителях, появившихся на святой Руси. Мы имеем в виду Сергиев, Волоколамский, Кириллов, Чудов, Соловецкий, Суздальский-Евфимиевский и многие другие русские монастыри.

Как показывает Киево-Печерский Патерик, Киевская Лавра была на первое время рассадником кандидатов для замещения епископских кафедр на всю Россию. «Как от Христа Бога нашего во всю вселенную посланы были Апостолы, так из Печерского монастыря Пречистой Богоматери многие епископы поставлены были и, как светила светлые, освятили всю русскую землю святым крещением. Первый из них – великий святитель Леонтий, епископ Ростовский, которого Бог прославил нетлением». (Киево-Печерский Патерик, стр. 24–25. Киев, 1893)

По свидетельству Киево-Печерского Патерика, таких великих светильников-архиереев вышло из Киево-Печерской Лавры до 50-ти человек. И словом, и своею жизнью они призывали русских людей к святой христианской жизни. И этот призыв к святости, конечно, не мог быть бесплодным. Их святую проповедь продолжали монастыри, которые имели огромное влияние на русский народ, как его благодатные просветительные центры. В этих монастырях библиотеки были наполнены книгами библейскими, богослужебными и отеческими, и в особенности последними. Здесь, по руководству великих святых иноков Антония, Феодосия, Сергия, Кирилла, Иосифа и других, читались поучение братии и народу. Отсюда рассылались учительные послания в города, к вельможам, народу и вообще к православным русским людям. (Исторический очерк русского проповедничества, стр. 754, 755. СПб. 1879)

Под влиянием этой монастырской проповеди подвижническая вера не только в русских обителях нашла себе место; в той или иной степени она была присуща и русским людям, жившим в миру. Иначе и быть не могло.

Наша древняя проповедническая литература, русская летопись, письма Патриарха Никона и других святителей подтверждают, что наши предки, миряне, руководствовались в жизни наставлениями иноков. Они «усвоили себе всю монастырскую обрядность и по ней устроили свои действия. Сильная природа их и могучий характер выносили монашеские подвиги твердо, до последнего часа жизни. Не обо всех подвижниках благочестие свидетельствует древняя история... Но общая среда... убеждает в том, что их было неисчетное множество во всех сословиях». (Ibid., стр. 765)

И, прежде всего, эта вера располагала их к общественной молитве. Для этой цели наши предки строили безчисленное множество храмов. В одном Киеве в начале христианства было построено до 600 церквей и 13 монастырей. Русские люди, в особенности богатые, не щадили денег для устройства и украшения церквей. Даже дома свои они украшали иконами в виде иконостаса наподобие церкви. Недаром Максим Грек свидетельствовал, что «русские строят великолепные храмы». А Курбский писал, что «вся земля русская от края до края, подобно чистой пшенице, держится верою в Бога. В ней Божии храмы числом подобны звездам

небесным, в ней множество монастырей, которых никто не в силах перечислить». (Ibid., стр. 768)

Трогательное явление веры наблюдалось в наших селах среди крестьян. Сами они жили в хижинах, крытых соломой, с земляными полами, а храмы их возвышались, как дворцы. Сами они в своем домашнем обиходе пользовались сосудами из дерева и глины, а сосуды для святейшего евхаристического таинства ими делались из серебра и золота. Одеждою для них была самая дешевая самотканая материя, а ризы для священнослужителей были из драгоценной парчи, не говоря уже о ризах св. икон, которые были серебряные, вызолоченные и украшались драгоценными камнями...

Иностранцы поражались церковностью святой Руси и особенно ее наружным благочестием. «Внешний вид русского города и селение показывал, что религия – господствующая сила в стране. Иностранцы видели в городах множество богатых церквей и монастырей. Палаты князей и богатых людей украшались внутри на церковный лад. По городу постоянно слышался звон доброшумных колоколов; на всех улицах стояли часовни, иконы в окладах, с зажженными свечами. Прохожие крестились перед каждою церковью и часовней, иные клали земные поклоны. Здесь можно было встретить духовенство с иконами, крестами, пением и св. водой. Торжественные крестные ходы совершались весьма часто». (Знаменский, История русск. Церкви, стр. 163).

Английский посол при царе Феодоре Иоанновиче Флетчер, осуждая русский народ за его нравственные недостатки, все же сознается, что «набожность господствовала в России». (Истор. очерк рус. проповедн., стр. 767).

Разумеется, нельзя смотреть на дело так, что вера древней Руси исчерпывалась ее внешним благочестием и выражалась главным образом в устроении великолепных храмов. Правда, с точки зрения истинного православного воззрения, храмоздательство является одним из величайших спасительных для нас дел, поскольку здесь проявляется не только наша вера во Христа, но и истинная любовь к Богу, которая стоит во главе всех Божественных заповедей.

Следовательно, здесь нужно констатировать выявление нашими предками самой действенной веры их – той, которая, по слову Апостола, любовью поспешествуема (Гал. 5: 6).

Однако наши предки этим не ограничивались. Они создавали храмы Божии, как места особенных, усердных своих молитв, совершение коих было для них настоящим и великим аскетическим подвигом. Многие посещали церковь каждый день. Мещане и купцы в городах ежедневно ходили к ранней литургии, а нередко – и к поздней. «Ежедневное посещение церкви, в особенности во дни праздников, входило даже и в придворный этикет. Поздоровавшись с боярами, Царь вместе с ними отправлялся к обедне в домовую церковь; в большой праздник – в собор, или в монастырь... Молитвы церковные были продолжительны в посты, при исповеди, особенно – в Великий пост. Алексей Михайлович в Великий

пост выстаивал службу церковную по четыре часа, полагал по 1500 поклонов и этим удивлял иностранцев». (Истор. очерк рус. пропове днич., стр. 719, 767, 771).

Следуя монастырскому уставу, а в особенности словам Священного Писание о непрестанной молитве, предки всего более любили молитву. Поэтому они не только молились в церкви, но и дома.

«В комнате, где стояло наибольшее образов, собиралась вся семья и прислуга, зажигались лампы и свечи, курили ладаном. Хозяин читал вслух утренние молитвы, иногда заутреню и часы, смотря по досугу, уменью и степени благочестия; умевшие петь – пели. У знатных людей и у князей были домовые церкви, и все домашние сходились в церковь, где молитвы, утреню и часы служил священник, а после богослужение кропил предстоящих св. водою. Затем все расходились для своих занятий». (Истор. очерк рус. проповеднич., стр. 766).

Но, несмотря на всю трудность осуществление мирянами молитвенных правил, помещенных в Следованной Псалтири, эти правила они старались выполнять неуклонно. Каждый русский православный человек еженедельно вычитывал или выслушивал всю Псалтирь, весьма многие из них клали ежедневно до 1200 поклонов с молитвою Иисусовой. Молитву Господню, Богородицу и Символ Веры читали по несколько раз в день. Кроме того, они читали молитвы во всякое время за делом, чтобы не развлекаться суетными делами и помыслами. (Ibid., стр. 719)

Такая подвижническая вера наших предков не могла не расположить их к другой аскетической добродетели, столь свойственной православным верующим людям с самых апостольских времен. Мы имеем в виду пост. Русские люди древней России отличались особенно строгим воздержанием во дни Великого поста и в посты, которые налагались на них по поводу общественных или государственных бедствий. Как постились наши предки, об этом лучше всего свидетельствуют слова летописца: «Россияне-миряне, – говорит он, – в Великий пост питаются редькою, капустою и хреном, вареное едят в субботы и недели; от рыбы воздерживаются всячески, кроме Благовещение и недели Ваий. Благоговейнейшие постят за грехи свои строже; только хлеба кусок съедают по полудни, обмакнув его в пепел. А монахи, неравно мирским, держат жестокое житие, всегда, когда постятся, съедают только кусок хлеба с водою в сутки». (Ibid., стр. 772–773)

Воздержание от мяса и рыбы на всю жизнь среди мирян было весьма нередким явлением. А некоторые истинные иноки, например, св. Феодосий Печерский, подобно самому Спасителю, уединялись и выдерживали во дни Великого поста сорокадневное пощение. Послабление в древней Руси не допускались, и высшие лица были образцом строгого воздержания. Алексей Михайлович в понедельник, среду и пятницу в течение каждой седмицы Великого поста ничего не ел, а в остальные дни только обедал. При общественных бедствиях Церковь налагала на всех трехдневный пост, не делая исключения в данном случае и для детей.

Много и других христианских добродетелей было присуще русским людям старой России, как проявление все той же веры их. Но особенно они

отличались милосердием к бедным и гостеприимством. Любовь к ближним во всех ее проявлениях была самой отличительной чертой русского народа искони. Она исходила из их веры во Христа и любви к Нему. Поэтому они творили милостыню бедным и бедствующим своим братьям, относя ее к лицу Спасителя, согласно Его словам, которые Он скажет на Страшном суде Своем творившим милостыню: понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе. (Мф. 25: 40)

Великие князья служили примером милосердия. О многих из них наши летописи говорят: «бѣше милостив паче меры, нищие милуя, старцы и вдовицы заступая, обидимые изымая». В. князь Иоанн получил даже название Калиты, ибо носил с собой мешок с деньгами для раздачи бедным. Известно также, что Патриарх Филарет содержал на свои средства в Москве богадельни, больницы и сиротские дома. Патриарх Никон выстроил в Новгороде четыре, а в Москве две богадельни. Так поступали и другие русские архипастыри. Митрополит Феодосий имел в своей кельи расслабленного, служил ему и омывал его струпья. В домах бояр и купцов содержалось множество нищих и странников.

Конечно, мы далеки от мысли считать наших предков совершенно безукоризненными в области их нравственной жизни. Наряду с высокими добродетелями, как порождениями их действенной веры, им свойственны были и многие нравственные недостатки, о которых свидетельствует та же проповедническая литература нашей древней России. Душа русского человека слишком широка, и наряду с подвигами великой святости в русской жизни наблюдалось много пороков и проявлений тяжкого греха. Недаром Достоевский говорил, что в душе русского человека две бездны. По своему нравственному состоянию русский человек может возвыситься до неба и может ниспасть до самых глубин ада.

Но насколько наши предки тяжело грешили, настолько умели и каяться. По свидетельству того же Достоевского, покаяние было отличительным свойством русского народа. Покаяние это было искренним, глубоким. И если наши предки безчестили праздники пьянством и пресыщением, то умели обуздывать себя подвигами поста. Свои тяжкие грехи они старались загладить перед Богом и милостыней, зная, что милостыня очищает многие грехи.

Впрочем, и за каждодневные грехи свои, грехи человеческой немощи, они приносили Богу в церкви и у себя дома чистосердечное покаяние, молились Ему долго и усердно, с поклонами и часто со слезами и даже ночью вставали на молитву и поклоны.

Это-то покаяние, как средство духовного очищения, вместе с церковным просвещением и воспитанием русского народа и помогло ему сохранить свою веру в том виде, как она была принята от греческой Церкви, т.е. во всей чистоте, чуждой всяких еретических искажений. Здесь причина, почему ереси богомильская, стригольников, жидовствующих, Башкина, Косого⁹⁸, как и католичество, и протестантство, не привились в

⁹⁸ Из Болгарии приходили к нам иноки для жительства, отсюда же получались славянские рукописи и книги. Вместе с тем проникло к нам из Болгарии и богомильство, основателем которого был поп Богомил в X в. В России богомильство появилось в 1004 г. и проповедником его был

древней России к русскому народу, который строго и непоколебимо держался своей православной веры.

Об этой удивительной преданности своей вере наших предков свидетельствовали и иностранные писатели. Вот краткие, но весьма характерные об этом их отзывы. Кромер: «Русь упорно держится греческих обрядов». Стрыйковский: «Все русские народы пребывают твердо и непоколебимо в вере по обрядам греческим». Сарницкий: «русский народ стоит твердо в исповедании (христианском)». Герберштейн: «Русь, как начала, так и до сего дня пребывает в вере по обряду греческому». Иовий (историк первой полов. XVI с., епископ Ноцерский): «Русские с непоколебимою твердостью сохраняют учение и обряды, принятые от греческих наставников». Гванины: «Русские, как приняли веру христианскую, до сего дня крепко и единодушно держатся ее, хотя некоторые бояре, подвластные польскому королю, следуют лютеранскому и цвинглиеву учению, но весь народ, большая часть вельмож и дворян твердо содержат веру по закону греческому, крепко и единодушно стоят в вере, принятой от греков». (Исторический очерк рус. проповедн., стр. 762–763).

За эту истинную православную веру, имевшую за собою подвиги святой жизни с покаянием, Россия называлась святою. За эту веру Господь изливал на русский народ свои великие милости, избавлял его от всяких бедствий, которые не раз могли погубить нашу Россию.

Таким гибельным бедствием было для нас татарское иго, которым воспользовались немцы, шведы и ливонцы и хотели полонить северо-западную Россию. Но Господь воздвиг тогда из среды русского народа для его спасения св. князя Александра Невского. Чрез свою пламенную веру в помощь Божию он с небольшою новгородскою дружиною одержал дивную победу над огромной шведской армией, усиленной финскими войсками и крестоносцами из Западной Европы.

Такую же дивную победу св. Александр одержал и на льду Чудского озера в битве с рыцарями Тевтонского ордена и Меченосцами.

Ради молитв преподобного Сергия Радонежского и в силу одушевления тою же верою великого Московского князя Дмитрия Донского и его войска, Господь сломил и самое татарское иго в битве русских с татарами на Куликовом поле в 1380 г.

Великое заступление Божие было явлено России и в 1591 г., когда шведы вторглись в Новгородскую область, а Крымские татары под предводительством Казы-Гирея с огромным полчищем подошли к Москве. Положение было безвыходное. Но Россия возглавлялась праведным царем Феодором Иоанновичем, который так чтился за свою святую жизнь

монах скопец Адриан. Он осуждал церковную иерархию, епископов, священников, монахов, отрицал обряды и церковный устав. Ересь стригольников по своему учению сходна с богомильскою ересью. Она отрицает иерархию и обрядность. Появилась в Новгороде около 1376 г. Ее распространяли два диакона, Никита и Карп. Ересь жидовская тоже появилась в Новгороде около 1470 г. Она насаждалась выходцем из Литвы жидом Схарией и состояла в проповеди иудейства при отвержении христианства, церковной иерархии и обрядового богослужения. В последнем случае эта ересь была сходственна с ересью стригольников. Ересь Башкина в главных положениях была сходна с ересью жидовскою. Башкин, житель Москвы, отвергал таинства и обрядовое Богослужение. Все Божественное Писание называл баснословием, Иисуса Христа называл неравным Богу Отцу. Это учение было принято им от латинян, переселенцев из Литвы, и развивалось под влиянием свободомыслия на почве прежних ересей и общественных недостатков, которые указывались и прежними еретиками. Означенная ересь появилась около 1554 г. Ересь Косого во многих положениях сходна с ересью Башкина, а вообще – с ересью жидовскою, и представляет собою крайнее ее развитие. Косой – монах из рабов.

современниками и последующим поколением, что в святцах русской Церкви он именовался московским чудотворцем, и поэтому в древнем иконописном подлиннике (Изданном под редакцией Большакова) его изображение описывается наряду с другими иконами святых.

Хотя татары были уже близ Москвы, однако, благочестивый Царь и не думал оставлять столицы. Он возложил все свое упование на покров Пречистой Божией Матери, Которой усердно со слезами молился. По его повелению двинулся крестный ход вокруг Москвы с чудотворной Донской иконой Божией Матери. Эта святыня была затем поставлена среди русского войска. Накануне решительной битвы, ночью, Царь Феодор Иоаннович продолжал свою пламенную молитву пред иконой Царицы Небесной, и во время этой молитвы он получил извещение от Божией Матери, что в битве, которая произойдет на другой день, русское войско по ее предстательству и силою ее Божественного Сына, Господа Иисуса Христа, одержит победу, о чем Царь повелел тогда же известить воинов. Целый день кипело сражение русского войска с превосходящими по количеству полчищами татар. Но вдруг, уstraшенные невидимою силою, татары обратились в бегство. На месте, где стояла среди войска чудотворная Донская икона Божией Матери, был основан Донской Московский монастырь.

Так, верою благочестивого Царя и русских православных людей Господь вновь спас Русскую землю.

Вера православная была главною причиною спасение России и в смутное время в начале XVII столетия. Она одушевляла и духовенство, и народ, и ополчение в борьбе с поляками. Как защитник этой веры и во имя ее, совершал безстрашно свой подвиг святейший Патриарх Московский Гермоген. Во имя веры православной действовал и Архимандрит Дионисий, рассылая свои грамоты во все концы России. «Православные христиане, вспомните христианскую веру, возложите упование на силу креста, молитесь служилых, чтобы быть всем христианам в союзе и стать сообща против предателей... для избавление веры». (Истор. очерк рус. проповедн., стр. 668). Знаменитый келарь Сергиевой Лавры Авраамий Палицын служил в полках молебны и увещевал буйных казаков крепко стать за православную веру. Во имя этой веры действовал в войсках и Митрополит Ростовский Кирилл, разбирая ссоры в войсках, примиряя воевод и укрепляя ратников.

Не мог остаться вне этого религиозного одушевление и весь русский народ. Грамоты, которыми города переписывались между собою, свидетельствуют об этом. «Идем все головами, – писали здесь русские люди, – на помощь государству, прося милости у Бога», или: «за православную веру хотим умереть». (Истор. очерк рус. проповедн., стр. 667–668).

Эта вера в народе и войсках поддерживалась и Самим Богом посредством дивных видений. Сам Минин заявлял своим соотечественникам, что ему «явился св. Сергей и приказал будить уснувших». Тот же Сергей преподобный накануне последнего, решительного сражения русских с поляками явился праведному и больному святителю Арсению, томившемуся в плену у поляков в Кремле, и возвестил

ему, что в этом сражении русские войска заступлением Божией Матери одержат победу, и Москва вместе со всей Россией будет освобождена от врагов. Эта весть тут же перелетела чрез стены Кремля в русские войска, наполнила их сердца великой радостью, одушевлением и героическим духом, и они, действительно, одержали блестящую победу над поляками, чем и окончились тогда наши всероссийские несчастья.

Так же православная вера одушевляла русский народ и при нашествии на Россию всех европейских народов во главе с Наполеоном. Русские люди все свое упование возложили на покров Пречистой Божией Матери. И в городах и селах они со слезами умоляли Ее о помощи. Пред Бородинским сражением ее икону носили в рядах воинов. Накануне боя они исповедовались и причащались св. Христовых таин. И Господь явил дивную Свою помощь русскому народу и спас его от европейского ига.

Можно привести множество и других случаев дивной помощи, которую оказывал Господь русскому народу во дни его великих бедствий, особенно во время войн с внешними врагами.

Впрочем, за эту веру Господь не только спасал Россию от гибели, но постепенно умножал ее силу и сделал ее могущественнейшей и славнейшей державой среди всех народов земли. О, если бы русский народ продолжал держаться своей православной веры доселе и чрез то был в повиновении Божественной воле своего Господа и всем Его Божественным заповедям! Тогда не допустил бы Господь гибели России, и русские люди не подпали бы под иго большевиков – ужасных врагов Божиих. Теперь, как никогда, мы должны вспомнить слова Господа, которые Он сказал чрез Божественного Псалмопевца своему, некогда избранному, а ныне отверженному, народу: Аще быша людие мои послушали мене, Израиль аще бы в пути моя ходил: ни о чесом-же убо враги его смирил бых, и на оскорбляющие их возложил бых руку мою. (Пс. 80, 14–15).

Увы, русский народ отступил от православной веры, отверг волю Своего Господа, стал руководствоваться не православною своею Церковью и ее св. отцами, а всевозможными лжеучителями, ниспровергавшими наше святое православие и даже всякую веру в Бога.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отступление русского народа от православной веры чрез увлечение протестантизмом под влиянием противоцерковных реформ Петра. Усиление греха отступления в царствование Императрицы Анны Иоанновны и в особенности – Екатерины II. Безсилие государственной власти остановить неверие в дальнейшие царствования Императоров, несмотря на их покровительственное отношение к Церкви.

Это великое отступление русского народа от веры своей совершилось не сразу. Оно происходило в течение ряда веков и началось с того времени, когда русское образованное общество подпало влиянию протестантизма. Конечно, отступление от веры было и в ересьях, о которых нами сказано

было выше. Они не могли не оставить вредного влияние на жизнь русского народа.

Но эти ереси не были столь для нас опасны, в силу своего случайного появления и кратковременного своего существования. Не так обстояло дело с протестантизмом. Его распространяли в России немцы, которые со времени Иоанна III-го поступали на русскую службу и жили в Москве в особой «немецкой слободе». После ливонской войны многие немцы были поселены и в других русских городах. При Феодоре в Нижнем даже появилось евангелическое общество. При содействии Бориса Годунова наплыв немцев увеличился, а вместе с этим увеличилась в Москве и немецкая слобода.

Здесь при Алексее Михайловиче уже были три лютеранские кирки и немецкие школы.

Правда, правительство строго воспрещало иноземцам распространять свое учение в России. Но это запрещение не достигало своей цели. Лютеранские проповедники даже открыто вступали в богословские споры с православными^я.

Из догматических споров XV и XVI вв. видно, что в них участвовали не только миряне, но и монахи, причем некоторые из монашествующих обнаруживали неверие в благодать Св. Духа. До какой степени, вследствие протестантского влияния, доходило свободомыслие среди русских людей, об этом свидетельствует либеральное поведение князя Хворостинина^б, который не только не следовал в своей жизни учению православной Церкви, но открыто хулил православную веру и грубым насилием склонял к неверию подчиненных ему людей.

По свидетельству Маржерета^к, «во время междоусобицы многие русские усвоили себе лютеранские убеждения и явно смеялись над православными обрядами и постами». (Историч. очерк рус. проповедн., стр. 502-503).

Особенно протестантизм с отступлением русских людей от православной веры усилился в России во время Петра I вместе с преобразованием им России. Петр окружил себя протестантами, относился к ним с особенным вниманием, предоставлял им важные места на государственной службе, несмотря на то, что они держали себя высокомерно, с презрением относились к русской старине и даже к самой вере русского народа. Конечно, великой ошибкой преобразователя было переустройство на немецкий лад быта русского народа, который весь был проникнут церковностью, так как наши предки до Петра по церковному и монастырскому уставу распределяли время своей жизни, и все, касательно

^я Известно, что пастор Фома был утоплен в 1563 г. за распространение в Полоцке протестантских идей. Сам Грозный увлекался религиозными спорами. Пастору Роките сказал: «Ваш учитель Лютер был лют». А в споре с ливонским пастором Царь ударила его по голове, сказав: «иди к бесу со своим Лютером».

Однако эта лютеранская пропаганда имела некоторый успех. Она колебала православную веру многих русских людей и заражала их религиозным свободомыслием.

^б В указе на его имя около 1632 г., между прочим, говорится: «Князь... ты православную веру хулил, постов и христианские обычаи не хранил, и был за то сослан под начало в Иосифов монастырь. После того опять начал приставать к польским и литовским попам и в вере с ними соединился... Многие о православной вере... непригожие и хульные слова в письмах твоих объявились... Ты не велел людям своим ходить в церковь, а которые пойдут, тех бил и мучил».

^к Маржерет – французский офицер. Служил в войске при Борисе Годунове.

их одежды, общественного этикета и взаимных отношений членов семейства, носило на себе печать религии и считалось православным в отличие от «басурманского» – еретического.

Но эта ошибка стала еще более тяжелой и даже губительной для России, благодаря тому, что Петр в своих реформах производил ломку нашей православной веры на почве явных своих симпатий к протестантизму. В его указе от 22 февраля 1722 г. на имя Святейшего Синода говорится: «Чтобы в Москве и городах из монастырей и приходских местных церквей ни с какими образами к местным жителям в дома отнюдь не ходить... Смотреть, чтобы с образами по Москве, по городам и уездам для собирания на церковь или на церковное строение отнюдь не ходили. А кто будет ходить тех брать». (Поселянин. «Отечественные подвижники XVIII в.», стр. 22). В том же году, 28 марта, Петр I издал указ, возбудивший в Москве сильное волнение. В этом указе воспрещалось устройство часовен на торжищах и перекрестках, в селах и других местах и совершение здесь пред иконами священниками Богослужений. Указ определяет: «Пред вышеупомянутыми вне церквей иконами молебны и свещевозжжения, тамо безвременно и без потребности бываемыя, весьма возбранить. Также и часовен отныне в показанных местах не строить, и построенные деревянные разбирать, а каменные употребить на иные потребности тем, кто оные строил». (Ibid., стр. 22–23). В одном из своих указов Синоду Петр ограничивает и другие проявления религиозности русского народа: «Понеже всю надежду, – говорится здесь, – кладут на пение церковное, пост, поклоны и тому подобное, в них же строение церквей, свечи и ладон».

Согласно таким взглядам Петра, был издан регламент, в котором изложены были правила относительно религиозного воспитания народа и который представляет собой колкую сатиру на религиозность наших предков. Руководствуясь этим регламентом, Синод издал постановление против обрядности, крестных ходов, хождения с образами, дорогих окладов на иконах, умножения часовен, годичного хранения артоса⁹⁸, богоявленской воды и т.п. (Историч. очерк рус. проповедн., стр. 411).

Еще пагубнее для русского благочестия были мероприятия Петра, имевшие своей целью реформировать наши монастыри, каковые были выражены в его указе от 31 января 1724 г.

По учению св. Феодора Студита, «как Ангелы являются светом для иноков, так иноки являются светом для мирян». Это святоотеческое учение нашло себе наилучшее воплощение в жизни до-Петровской России, когда идеалом русского благочестия и руководителями нравственно-христианской жизни русского народа были иноки. Не так смотрел Петр на монашество. Воздавая похвалу первоначальным монастырям глубокой древности за их трудолюбие, он в упомянутом указе говорит, что лет чрез сто от начала сего чина монахи стали ленивыми, тунеядцами и развращенными. Здесь резко осуждается умножение монастырей в Константинополе и в ближайших ему местах, что оказалось будто бы

⁹⁸ Квашеный, кислый хлеб, освящаемый в первый день Пасхи и раздаваемый в субботу Светлой Седмицы народу. – Прим. Ред.

причиною поразительной малочисленности воинов, которые так нужны были при осаде Константинополя врагами греков. «Сия гангрена, (т.е. умножение монастырей) – сказано в указе, – зело было и у нас распространяться начала». По воззрению Петра, монахи не стоят на высоте своего призвания, едят даровой хлеб, и никакой прибыли от сего обществу нет. Поэтому он требует, чтобы в русских монастырях были благотворительные учреждения для престарелых солдат и устроены были семинарии, откуда бы образованные воспитанники, ищущие монашества для архиерейства, могли бы постригаться по достижении 30-летнего возраста. А незадолго до своей смерти Государь издал указ, чтобы Московские монастыри: Чудов, Вознесенский и Новодевичий – были предназначены для больных, старых и увечных; Прервинский – для школы, Андреевский – для подкинутых младенцев. (Русские подвижники XVIII в., стр. 22–26). Вообще, число монахов в России при Петре было очень ограничено, они были стеснены особыми правилами, а самые монастыри были по преимуществу обращены в богадельни. (Истор. оч. рус. пропов., стр. 413).

Главное зло, и притом для всей России, заключалось здесь в том, что Петр отобрал от монастырей и вообще от русской Церкви ее имущество. Последнее представляло собою дары, которые приносились верующими в Церковь во исполнение Божественной заповеди: давать Господу десятину от своих имений. (Лев. 27, 30, 34; Чис. 18, 21, 24, 26–28; Втор. 12: 6; 14: 22–23, 28; 26: 12). Это церковное имущество было Божественною собственностью и потому закреплялось за Церковью св. канонами, как неприкосновенное и неотчуждаемое. «Монастырям, – говорится в 24-м правиле IV-го Вселенского Собора, – однажды освященным по изволению епископа, пребывать монастырями навсегда, и принадлежащие им вещи хранить в монастыре, и впредь не быть им мирскими жилищами. Допускающие же это подлежат наказаниям по правилам». («Деяние Вселенских Соборов», т. IV, стр. 142. Казань. 1908 г.). То же самое устанавливается и 49-м правилом VI-го Вселенского Собора (Ibid., т. IV, изд. III-е. Казань. 1908. стр. 287), а также 1-м правилом Двукратного Собора и 12 правилом VII Вселенского Собора. Ввиду такой священной неприкосновенности церковного имущества, византийским Императором Маврикием был издан следующий закон: «Если кто ради овладения ли или по взятке причинит обиду Церкви или захватит вещи, отданные Богу и Его Церкви и что находится под Митрополитами, Архиепископами, Епископами и монастырями, будет ли то доходы или имущества, то пусть он не видит милости Св. Троицы в день судный, но отпадет от христианского имени, как отпал Иуда от 12-и Апостолов, и да будет проклят всеми святыми». (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», часть II, стр. 296. Варшава. 1934 г.).

В соответствии всему этому и наши русские великие князья и цари ограждали от захвата церковное имущество своими заклетьями. Так, в уставе св. Владимира и Ярослава проклятию предаются те, которые захватят доходы Церкви. (Ibid., стр. 277, 296; Историч. очерк рус.

проповедн., стр. 639, 642–646). В своей грамоте Иверскому монастырю от 6-III 1654 г. Царь Алексей Михайлович таким же проклятием ограждает эту обитель от захвата пожертвованного им имущества. Так поступали и другие князья и цари и вообще церковные благотворители.

Ясно, что отобрание церковного имущества в другие руки является тягчайшим грехом, нарушением Божественной заповеди и св. канонов, низводит страшные проклятия и в сей, и в будущий век от церковных благотворителей и есть по существу святотатство.

Гибельные последствия этого греха не замедлили сказаться еще при жизни Петра.

Как мы видели выше, монастыри в России не только учили русский народ жизнью своих истинных иноков, но и озаряли его истинным христианским просвещением. Превращая их в благотворительные учреждения, Петр тем самым уничтожал основу для истинного просвещения России. Это в особенности достигалось отнятием монастырских и архиерейских имуществ при возобновлении Петром Монастырского Приказа 24 янв. 1701 г. Чрез этот Приказ (Монастырский Приказ при Петре возглавлялся боярином Мусиным-Пушкиным) Петр, упразднив патриаршество, лишил Церковь ее самостоятельности и средств для приобретения книг и учреждения школ к просвещению русского народа⁹⁸.

Таким образом, отобрание церковных имуществ было великим злом для всей России, ибо последняя лишилась истинного, церковного и патриотического просвещения, которое распространяла Церковь, благодаря своим богатым средствам. Интересно отметить, что так смотрел на отнятие у Церкви ее имуществ и наш гениальный Пушкин. Еще в ранней своей молодости, проживая в Кишиневе, он высказал однажды свое письменное мнение, что отобрание церковных имений нанесло сильный удар просвещению народа в России. (Русский архив, 1866 г., стр. 1141).

Гибельность этой реформы сказалась тогда же, именно в том, что за недостатком церковных средств стали закрываться прекрасные школы при

⁹⁸ Церковные имущества до Петра достигали очень больших размеров. По свидетельству Котошихина, во владении духовенства находилось 118.000 крестьянских дворов. Однако, при Иоанне III государством уже были подняты вопросы об имуществе и правах духовенства. Но В. Князь не решился посягнуть на церковные имущества, ввиду резкого протеста против этого со стороны Митрополита Симона. «Отец твой Симон, – писал он Иоанну III, – Митрополит вся России, епископы и собор говорят, что святители везде держали монастыри, города и села... Не Владимир ли и Ярослав сказали в Уставе: «Кто преступит его из детей или потомков моих, захватит церковное достояние и святительские десятины, да будет проклят в сей и будущий век». Самые орадыские цари боялись Господа, щадили собственность святительскую и монастырей: «Не дерзаем и не благоволим отдать церковное стяжание, ибо оно есть Божие и неприкосновенное». Сильный протест против захвата собственно митрополичьих имений боярами и даже Великим Князем Василием Димитриевичем был со стороны Митрополита Московского и всея России Фотия. Он издал увещание похитителям, в котором грозил им, в случае невозвращения Церкви имущества, отлучением. Затем он написал два послания В. Князю. Во втором из них, резко по содержанию, он ссылается на постановление Константина, Феодосия Великого и Мануила Комнина о церковных имуществе. «Но ныне, – пишет Фотий, – все древнее молчит и велеречит новос... Не на что больше смотреть. Тебе же да будет ведомо, что ты уничижаешь Церковь Божию, захватывая насильно не принадлежащее тебе». Церковные имущества были возвращены. Впоследствии Иоанн IV воспретил увеличение церковных имуществ. «Уложение» Алексея Михайловича, подчинив духовенство гражданскому суду, решительно воспретило увеличение церковных имуществ и учредило Монастырский Приказ, который ведал сборами с церковных имений. В таком же направлении по отношению к церковным имуществам действовал и Феодор Алексеевич. Патриарх Никон, еще в сане Архимандрита, протестовал против учреждения Монастырского Приказа, указывая, что он противен св. канонам. Но протест его не имел успеха. Последний голос в защиту церковных имуществ был поднят Патриархом Адрианом. Им составлены были статьи о святительских судах и имуществе с выписками из «Номоканона», устава Владимира и Ярослава и ханских грамот. Он умолял государственную власть сохранить эти постановления. Но в это время Петр составлял новое уложение, которое не ограничилось уже сборами с церкви и монастырей, но безповоротно отняло церковные имущества в государственную казну. (Истор. оч. рус. проп., стр. 639, 642–646.).

святительских кафедрах. Одною из таких школ была образцовая семинария Святителя Димитрия в Ростове⁶⁹.

Обнищание архиерейского дома святителя Димитрия дошло до такой степени, что ему не только нельзя было содержать своей школы, но нечего было подать просящему милостыню. Это обстоятельство, в связи с неприятностями, которые чинил св. Димитрию присланный от Монастырского Приказа стольник, а также некоторые реформы Петра, направленные против Церкви, побудили св. Димитрия обратиться к Митрополиту Рязанскому Стефану Яворскому с письмом, в котором он писал ему, как своему другу: «Толико беззаконий, толико обид, толико притеснений вопиют на небо и возбуждают гнев и отмщение Божие». (Рус. подв. XVIII в., стр. 43–44; 48–49).

К великому сожалению, православная вера разрушалась не только реформами Петра, но и личным его поведением. Мы имеем в виду учреждение им так называемого «Всепшутейшаго и всепьянейшаго Синода», в котором он кощунственно и открыто пред русскими людьми высмеивал иерархические степени до Патриарха включительно и в котором сам участвовал, принявши на себя должность протодиакона.

Отсюда естественно, почему русские люди говорили: «Государь ездил за море и возлюбил веру немецкую». Многие из народа, в особенности раскольники, его считали даже антихристом. Враги Царя, пользуясь либерализмом его, раздували о нем дурную молву, заявляя: «Это не наш Государь, а немец. А наш Царь в немцах в бочку закован, да в море пущен». (Истор. оч. рус. проп., стр. 404, 414).

Разумеется, такая противоцерковная деятельность Петра не могла остаться без протеста со стороны нашей иерархии и, прежде всего, ее главы – последнего Патриарха Адриана⁷⁰. Между ним и Петром была глубокая рознь. Он резко осуждал вводимые царем новшества, но вскоре, к неудовольствию народа, вынужден был замолчать, в особенности после не принятого Петром печалование Патриарха за опальных стрельцов⁷¹.

После смерти Патриарха открыто протестовал против Петра в защиту православной веры и основанного на ней порядка и быта в России местоблюститель патриаршего Престола, друг св. Димитрия Ростовского, Митрополит Рязанский Стефан Яворский. М. Стефан был человеком больших дарований, большого ума, блестящего европейского образования.

⁶⁹ В эту школу св. Димитрий вложил всю свою душу. Он часто посещал ее, присутствовал на уроках, даже сам обучал семинаристов Священному Писанию. Он ввел мягкое, любящее, отеческое обращение учителей к ученикам. Сам св. Димитрий относился к питомцам школы, как к родным детям. При всем том и педагогическое дело в этой семинарии было поставлено очень высоко, почему в отношении познаний греческого и латинского языков, по преподаванию в ней наук, она была образцом для других подобных школ. К сожалению, в силу отобрания церковных имуществ, эта школа просуществовала недолго. Об этом печальном факте св. Димитрий писал Архиепископу Новгородскому Иову: «Я, грешный, пришедший на Престол Ростовской паствы, завел было училище греческое и латинское; ученики поучились года два и больше, и уже начали было грамматику разуметь недушно. Но попушением Божиим скудость архиерейского дома положила препятствие. Питающий нас вознегодовал, будто много издерживается на учителей и учеников, и отнято все, чем дому архиерейскому питаться».

⁷⁰ После смерти в 1700 году Патриарха Адриана нового Патриарха Царь Петр Алексеевич избирать запретил, а незадолго до своей смерти, в 1721 году, и вовсе ликвидировал патриаршество, учредив для управления Церковью Святейший Синод. Патриаршество было возобновлено в 1917 году, но в 1925 году после смерти Патриарха Тихона большевики воспрепятствовали избранию нового Патриарха. Окончательно патриаршество возродилось лишь в 1943 году, уже после написания свт. Серафимом этой книги. – *Прим. Ред.*

⁷¹ Патриарх явился в застенки к Царю. Он пришел сюда в мантии с образом Пречистой Божией Матери. «Зачем ты здесь, – закричал Петр, – скорее уходи и поставь икону на свое место: знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой долг и истинное благочестие обязывают меня заботиться о народе и карать злодеяния, ведущие к общей гибели». Разумеется, в словах Царя не было истины. Если бы он чтил Бога, то с почтением, а не с грубостью относился бы и к Патриарху.

Мужественный, благородный, откровенный, он говорил правду Петру, окруженному протестантами. За это Царь возненавидел Стефана, как непримиримого стойкого врага своего. Петр, хотя сам возвысил его, настолько с ним разошелся, что стал уклоняться от свиданий с ним. Впрочем, такое отношение Петра к М. Стефану не остановило последнего от протестов, которые он подавал Царю против новшеств в духовной жизни русского народа, несмотря на то, что эти протесты обрушивались на его же голову, вызывая против него Царский гнев. Он даже не страшился открыто обличать Петра в своих проповедях.

Так, в своем слове по поводу тезоименитства находившегося тогда за границей царевича Алексея, в день памяти св. Алексия человека Божия, М. Стефан жалел царевича и открыто становился на его сторону, осуждая Петра за ссору с царственным сыном, которая окончилась для последнего столь прискорбно⁸. «О, угодниче Божий, – говорил он здесь, – не забуди и тезоимениника твоего и особенного заповедей Божиих хранителя и твоего преисправного последователя. Ты оставил еси дом свой – он такожде по чужим домам скитался. Ты удалился от родителей – он такожде. Ты лишен от рабов, слуг, подданных, друзей, сродников, знакомых – он такожде. Ты человеке Божий – он такожде раб Христов. Молим убо, святче Божий, покрый своего тезоимениника, едину нашу надежду».

А в другом своем слове М. Стефан, обличая Петра за восстание против православной веры и благочестия, говорит: «Море свирепое, море – человеке законопреступный – почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берег есть закон Божий; берег есть – во еже не прелюбы сотворити, не вожделети жены ближняго, не оставляти жены своея; берег есть во еже хранить благочестие, посты, а наипаче четьредесятницу, берег есть почитати иконы». (Русские подвижники XVIII в, стр. 15).

Так мужественно обличал Петра в своих проповедях и святой Димитрий Ростовский. Правдолюбивый святитель, подобно Стефану Яворскому, не склонял пред гневом Петра головы своей.

В одной из своих лучших проповедей святитель обличал чрезвычайную гневливость Царя; а в другой он говорил: «Смертен ты быти памятствуй, о Царю, а не во веки живуща – днесь вси тебе предстоят, а утро сам един останешися в недрах земных. Днесь всем страшен, а утро мертва ты кто убоится. Днесь неприступен еси, а утро лежащ во гроб ногами всех попираем будеши». (Ibid., стр. 48). Признавая пользу некоторых реформ Петра, он резко осуждал то, что шло против православной Церкви. Когда, по распоряжению Царя, был издан указ о несоблюдении постов в полках, один солдат был судим за то, что, вопреки воле начальства, он не желал нарушить пост. Это распоряжение о постах возмутило св. Димитрия, и он произнес резкое слово о двух пирах – Иродовом и Христовом. В проповеди обличаются блудники и пьяницы, подражающие Бахусову ученику Лютеру, разрешающие посты в полках.

⁸ Царевич был казнен самим Петром.

Конечно, не могла примириться с таким лютеранским отрицательным отношением к православной вере и большая часть епископов нашей Церкви, выступление которых против Петра вызвали с его стороны ужасный террор против них. Мы это говорим, имея в виду свидетельство Льва Тихомирова, основанное на документальных данных, приводимых историком Доброклонским в его труде «Синодальный период»: «За первое десятилетие, – говорит Тихомиров, – после учреждения Синода большая часть русских епископов побывала в тюрьмах, были расстригаемы, биты кнутом и т.п. Я это проверял по спискам епископов в сочинении Доброклонского. В истории Константинопольской Церкви, после турецкого завоевания, мы не находим ни одного периода такого разгрома епископов и такой безцеремонности в отношении церковного имущества^я. (Лев Тихомиров. «Монархическая государственность» ч. III, стр. 111, Москва 1905 г).

Так проводил Петр реформы в России для приобщения ее к европейской цивилизации. Несомненно, можно было бы насаждать в русском народе европейские познание технического и общеобразовательного характера и без ломки православной веры. Но Петр этого сделать не мог, благодаря своей настроенности. От сердца бо исходят помышление злая, сказал Господь. (Мф. 15: 19) Именно потому и хотел Петр реформировать нашу Церковь на лютеранский лад, что сердце его влеклось к лютеранству. Он слишком высоко ставил Лютера. (А. Доброклонский. «Руководство к истории Русской Церкви», Вып. IV, стр. 69).

В итоге противоцерковных реформ Петра в жизни русских людей получилось охлаждение к православной вере и всем внешним формам ее проявления. Умножились вольнодумцы, осуждавшие, по началам протестантским, обрядность. Еще современное Петру русское образованное общество, проникаясь европейскими протестантскими взглядами, начало стыдиться своей прежней детской и простодушной религиозности и старалось скрывать ее, тем более, что она открыто с высоты Престола и начальственными лицами подвергалась резкому осуждению.

Еще при Петре усилился раскол и начало размножаться сектантство. В самой Москве появилось сектантское учение кальвинизма, распространителем которого был полковой фельдшер Тверитинов^я.

Дело дошло до того, что религиозное свободомыслие пришлось опровергать особыми сочинениями, вроде «Камня веры» Митрополита Стефана Яворского, и доказывать в проповедях необходимость православной веры, добрых дел, почитания святых мощей, икон,

^я Однако, террор Петра по отношению к самому народу за его противление реформам, уничтожавшим веру и старину, был несравненно сильнее. Народную оппозицию он сокрушал жестоко. Ослушников своих указов он карал не только батогами, кнутом, денежным штрафом, лишением имущества, каторжной работой, но и смертью. Для преследования виновных были учреждены «фискалы», были устроены застенки, Преображенский Приказ и Тайная Канцелярия. Много здесь было пролито и невинной крови наших предков. Император своими собственными руками отпускал палочные удары и даже при смертной казни нередко исполнял должность палача. Всего стрельцов было казнено при Петре до 7000 человек, причем пред смертью они выносили страшные пытки. Жестокими казнями были истреблены противники реформ Петра, поборники старины и сообщники царевича Алексея вместе с ним самим (Истор. оч. рус. проп., стр. 405).

^я Набравшись неправославных мыслей у врача-иноземца, он начал проповедовать хульное учение против св. икон, креста, мощей, Св. Причастия, поминовение усопших, постов и добрых дел. (Русские подвижники XVIII в., стр. 14.).

разъяснять догматы о воскресении мертвых, будущей жизни, вечном блаженстве и вечных мучениях⁸. (Историч. очерк рус. проповедн., стр. 414–415).

Вред от противоцерковных реформ Петра I не исчерпывался только тем, что протестантизм еще при нем стал сильно распространяться чрез умножение сект в русском обществе. Главное зло здесь заключалось в том, что Петр привил русскому народу протестантизм, имевший в себе самом великий соблазн и привлекательность, в силу чего он стал жить в России и после Петра. Протестантизм привлекает тем, что, по-видимому, возвышает человеческую личность, так как дает перевес его разуму и свободе над авторитетом веры и обольщает независимостью и прогрессивностью своих начал. Поэтому протестантизм сделался главной основой, на которой, с легкой руки Петра, у нас стало распространяться свободомыслие в виде вольтерьянства, масонства, сектантства, гуманизма, социализма, нигилизма и других заблуждений. И это понятно, ибо лютеранство с своею свободою в области веры породило в Германии такое множество сект, которое приходится считать целыми сотнями. А недавняя анкета среди лютеранских пасторов показала, что половина их не верует во Христа, как Бога.

Но и этим не исчерпывается зло, которое причинил Петр России. Русская Церковь могла бы с успехом бороться с отступлением от православной веры русских людей на почве протестантизма посредством школьного просвещения. Но Петр отнял у Церкви имущество. В силу этого, просвещение русского народа не было в ведении Церкви, распространялось не на исконных исторических началах нашей православной веры, но с XIX столетие даже внедряло отрицательное отношение к вере и потому в себе таило гибель России.

К сожалению, не сразу после Петра стали возглавлять Россию наши императоры, которые были покровителями православной веры и защитниками ее не только для России, но и для других православных стран. Русскому народу пришлось и после Петра пережить ряд глубоких потрясений в своей вере. Мы имеем ввиду, прежде всего, царствование Императрицы Анны Иоанновны, когда окружавшие ее немцы-протестанты во главе с масоном Бироном открыто гнали православную веру⁹, а затем долгое царствование Императрицы Екатерины Второй.

Последняя исполняла все требование наружного благочестия, восхищалась проповедями Митрополита Платона, целовала руки у духовенства, шла в крестных ходах, бывала в Троицкой-Сергиевой Лавре; однако, не имела православной настроенности и ценила религию, как и Петр, исключительно с точки зрения ее политического значения, – ее пользы для государства. В особенности плохо было то, что она

⁸ По свидетельству исследователя русского масонства Пынина, масонство в России ввел сам Петр. По свидетельству другого исследователя русского масонства Лонгинова, Петр открыл масонскую ложу в Кронштадте. (Пынин. «Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в.»; Лонгинов. «Н. М. Новиков и московские мартинисты»; В. С. Иванов: «От Петра Первого до наших дней. Русская интеллигенция и масонство», 1934 г. Харбинь. Стр. 82–83).

⁹ За издание сочинения Митр. Стефана Яворского «Камень веры», направленного против протестантизма, Архиепископом Феофилактом, последнего пытали в тайной канцелярии Бирона, три раза поднимали на дыбу, били батогами, объявили лишенным архиерейского сана и монашества и заточили в Петропавловскую крепость. За ту же вину Киевского Митрополита Варлаама Ванатовича вызвали в тайную канцелярию, лишили сана и заточили в Белозерский монастырь (Русские Подвижники XVIII в., стр. 78–80).

преклонялась, и даже чрезмерно, пред безбожником Вольтером, заискивала пред ним и советовалась с ним в своих планах касательно тех или других реформ для России.

Отсюда для нее естественно было назначать на должность обер-прокурора Св. Синода таких неправославных лиц, каковыми были Мелиссино и бригадир Чебышев. Первый из них предложил Св. Синоду снабдить Синодального депутата для заседания в Комиссию Уложения такими предложениями относительно реформ в церковной жизни: ослабить и сократить посты, уничтожить почитание икон и св. мощей, запретить ношение образов по домам, сократить церковные службы для избежания в молитве языческого многоглаголения, отменить составленные в позднейшие времена стихиры, каноны, тропари, назначить вместо вечерен и всенощных бдений краткие моления с поучениями для народа, прекратить содержание монахам, дозволить избрание из священников епископов без пострижения в монашество, с разрешением архиереям проводить брачную жизнь, разрешить духовенству носить «пристойнейшее платье», отменить поминовение умерших, дозволить вступать в брак свыше трех раз и запретить причащать младенцев до десятилетнего возраста. Св. Синод отклонил эти предложения и составил свой наказ.

Обер-прокурор Чебышев был совершенно неверующим человеком. Он открыто пред публикой заявлял о своем неверии в бытие Божие; непристойно держал себя в присутствии членов Св. Синода, позволяя себе недопустимые ругательства, задерживал издание сочинений, направленных против распространявшегося тогда модными писателями неверия. («Русские подвижники XVIII в.», стр. 116–117).

Таким образом, если при Петре русской Церкви пришлось тяжело страдать от протестантизма, то при Екатерине II Церковь переживала сильное давление не только от протестантизма, но и от неверия.

Но в особенности тяжкий удар Екатерина II нанесла Церкви чрез окончательное отобрание в казну монастырских имений и введение монастырских штатов. В силу этой пагубной для Церкви реформы, сразу было закрыто из 954-х раньше существовавших монастырей 754; следовательно, осталась в России лишь пятая часть их. При отобрании церковных имений было дано обещание обеспечить духовные школы и духовенство, но оно не было исполнено государственною властью. К тому же последняя не получила от этой реформы большой пользы, так как огромная часть монастырских имений была роздана Императрицей в дар ее фаворитам. («Русские подвижники XVIII в.», стр. 117–118).

Ясно, каким болезненным ударом по сердцу верующих русских людей была эта реформа. Запустили места, освященные подвигами св. иноков. Заросла тропа, по которой направлялись народные массы к святым старцам для духовного руководства, к святым могилам – для молитв. Закрылось при церквях и монастырях множество школ, больниц и богаделен. Вместе с закрытием монастырей остановилось и великое дело просвещения инородцев в Сибири и других местах необъятной России. Народное чувство было слишком возмущено, ибо отобрание церковных имуществ было

вопиющим нарушением прав собственности и воли тех, которые завещали свои имения церквам и монастырям на дела благотворения, на поддержание иночества и на помин души. Эта реформа была в глазах народа великим грехом, ибо на пожертвования в пользу церквей и монастырей, о чем было сказано выше, Церковь всегда смотрела, как на посвященное Богу.

Поэтому современники этого грустного явления в жизни Церкви не могли не протестовать. Самым резким был протест со стороны Арсения, Митрополита Ростовского. Его личность вызывала и вызывает глубокое к себе уважение, так как он безстрашно всегда защищал правое дело. Еще при Императрице Елизавете Петровне, назначенный членом Св. Синода, он не явился в Синод для принесения установленной присяги, находя несогласными со своею совестью слова: «Исповѣдаю же с клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самую Всероссійскую Монархиню, Государыню нашу», находя, что единственный крайний Судия и Глава Церкви есть Христос, и подал о сем объяснение самой Государыне^я. Он даже подал прошение об удалении на покой по болезни. Но добрая Императрица не утвердила доклада об этом Св. Синода и даже лично заботилась о выздоровлении М. Арсения. С таким уважением она относилась к нему.

В своей епархии М. Арсений занимался духовно-административными и училищными делами и борьбой с иновением и расколом. Он составил возражение на поданный протестантами пасквиль против сочинения М. Стефана Яворского в защиту православия – «Камень веры», и дополнил сочинение исповедника Архиепископа Тверского Феофилакта Лопатинского. А также, подражая ревностному борцу против раскола св. Димитрию Ростовскому, он составил обличение раскольников, оставшееся в рукописи, и дополнил сочинение Феофилакта Лопатинского «Обличение неправды раскольников». (Напечатано в Москве в 1745 г).

Так ревностно трудился в своем архипастырском служении М. Арсений. Но незабвенным для Русской Церкви он остался по преимуществу за свое выступление против отобрания церковных имуществ. По поводу этого печального события М. Арсений подавал в Св. Синод один протест за другим. В Неделю Православия он к обычным анафематствованиям присоединил анафему «обидчикам церквей и монастырей».

Обо всех этих поступках М. Арсения было доведено до сведения Екатерины. Было назначено в Синоде расследование дела о М. Арсении. Последний был вызван во дворец, где его допрашивали в присутствии самой Императрицы. М. Арсений говорил столь резко, что Императрица зажала себе уши, а ему самому «заклепали рот». Екатерина повелела самому Синоду судить своего собрата^я. Синод присудил М. Арсения к лишению архиерейского сана и преданию, по расстрижении из монашества, светскому суду, который должен был за оскорбление Величества осудить его

^я Это окончилось для него без плохих последствий. Ему пришлось только оставить Св. Синод и уехать в Ростов.

^я В состав Синода входили тогда следующие члены: первенствующий Новгородский Митрополит Димитрий Сеченов, Московский Митрополит Тимофей Шербацкий, Архиепископ С.-Петербургский Гавриил Кременецкий, Псковский Епископ Гедеон Криновский, Крутицкий Архиепископ Амвросий Зертис-Каменский, Тверской Епископ Афанасий Вальковский и Новоспасский Архимандрит Мисаил.

на смерть. Но Императрица приказала освободить М. Арсения от светского суда, оставить ему монашество и сослать в дальний монастырь⁹.

Прямо с этого заседание Синода Митрополит Арсений был отвезен в Ферапонтов монастырь, место ссылки великого Патриарха Никона, затем в Николо-Корельский, Архангельской губернии. Отсюда, после суда над ним, в котором участвовала сама Императрица, по поводу доноса на него⁸, Митрополита Арсения перевели в тесный каземат в башне Ревельской крепости. Предварительно с него сняли монашеский сан и, одевши его в арестантский полушубок и треух, дали ему имя – «Андрей Враль».

Будучи узником в монастырях, Митрополит Арсений всецело отдавался чтению Священного Писания и молитве. Он молился и за врагов своих, вынимая частицы на проскомидии за «гонящих и обидающих Церковь Божию», разумея, по собственному объяснению, под этими гонителями и врагами Церкви «предателя Митрополита Новгородского Димитрия, Гавриила, Архиепископа С.-Петербургского, и всех немецких чинов, которые об отъятии монастырских вотчин старались и в комиссии присутствовали». А в Ревельском своем каземате на стене тюрьмы начертил углем слова: «Благо, яко смирил мя еси».

Пред смертью Митрополита Арсения произошло одно знаменательное событие, доказывающее, что Господь пребывал с ним Своею благодатию ради его великих страданий во имя русской православной идеологии. Он пожелал быть напутствованным Святыми Тайнами. Пригласили священника. Но, войдя в каземат, священник в страхе выбежал оттуда, сказавши: «Вы мне говорили, что надо исповедовать и приобщить преступника, а передо мною стоит на коленях архипастырь в полном облачении». Когда же пристав вместе с этим священником вошел в каземат, то на койке перед ними лежал арестант, который сказал духовнику: «Сын мой, перед тобою не Митрополит, а недостойный раб Арсений, идущий отдать отчет Господу Богу в своей жизни. Виденное тобою чудо есть знамение Господне неизреченной милости Божией: это значит, что душа моя скоро отлетит от скорбного тела». Напутствовав страдальца, священник попросил у него благословения себе. Умиравший дал ему на память свой молитвенник, на котором была надпись: «Смиранный Митрополит Ростовский Арсений».

Митрополит Арсений был достойнейшим преемником св. Димитрия Ростовского, которого глубоко чтит и любил. Он составил ему службу и открыл мощи святителя. Несомненно, Русская Церковь воздаст ему

⁹ Трогательно до слез было событие снятия сана с Митрополита Арсения. Последнего вызвали на заседание Синода для исполнения над ним указа. В Москве быстро распространился слух, что с Ростовского Митрополита будут снимать сан в Крестовых патриарших палатах. Туда были допущены лишь монашествующие и белое духовенство. Масса народа, движимого состраданием к исповеднику, заполнила все пространство вокруг Синодального двора. Митрополит Арсений явился на последний над ним земной суд в архиерейской мантии, омофоре, белом клобуке, с панайей на груди и архиерейским посохом в руке. По прочтении указа, члены Синода стали снимать с него архиерейское облачение. С негодованием и тяжелою скорбью Митрополит Арсений сделал плачевные предсказания каждому из разоблачавших его архиереев. Эти предсказания в точности сбылись. Митрополиту Димитрию предсказал, что он задохнется собственным языком; и, действительно, Митрополит Димитрий умер в ужасных страданиях: его задушила необыкновенная опухоль языка. Архиепископу Амвросию Крутицкому Митрополит Арсений предсказал, что он будет убит, как вол; Архиепископ Амвросий был убит во время Московской чумы взбунтовавшимся народом. Епископу Псковскому Гедсону Арсений предрек, что он не увидит своей епархии; и вскоре после осуждения Митрополита Арсения, Епископ Гедсон был удален, по Высочайшему повелению, в свою епархию, но умер в дороге, не доехав до Пскова. Добрый Московский Митрополит Тимофей не участвовал в разоблачении Митрополита Арсения. Он не мог удержаться от слез при печальной церемонии и плакал.

⁸ Донос был основан на некоторых словах Митрополита Арсения касательно одного политического вопроса.

должное, восстановит его в святительском достоинстве, прославит его и причислит к лику святых своих, как борца против лютеранства и неверия, как великого русского иерарха-исповедника, пострадавшего за православную веру, и отдавшего свою жизнь во имя спасение России. («Истор. оч. Рус. Проповед.», стр. 119, 123–125, 129–138).

История Русской Церкви говорит нам и о другом подвиге во имя православной русской идеологии опять-таки по поводу отобрания церковных имуществ. Это был протест не менее выдающегося иерарха Русской Церкви – Павла, Митрополита Тобольского.

В ответ на эту разрушительную для нашей родины меру правительства, М. Павел отправил в Синод свое откровенное мнение в резкой форме. Опять возникло дело. Тобольский святитель был вызван в Москву и осужден Синодом на лишение архиерейского сана.

Перед этим М. Павел явился в сонном видении председателю Синода М. Новгородскому Димитрию Сеченову и с гневом сказал: «Некогда отцы наши и, в числе их, некоторые святые даровали Церкви разные земные удобства и неприкосновенность тех пожертвований утвердили заклетьями. И я, человек грешный, недостойный епископ Церкви Христовой, не своими поистине устами, но устами отцев моих проклинаю тебя, предателя церковных имуществ, и предрекаю тебе нежданную смерть». («Русские подвижники XVIII в.», стр. 176).

Императрица не утвердила Синодального постановление о лишении сана М. Павла и даже требовала его возвращения в епархию. Но М. Павел не согласился на это требование и просил Синод разрешить ему жить на покое в Киево-Печерской лавре, где он постригался в иночество, и дал обет пребывать в послушании настоятелю. Синод исполнил его просьбу.

Насколько М. Павел был возмущен отнятием у Церкви имущества и как велика была его ревность о Боге, об этом свидетельствует тот факт, что его, приехавшего из Москвы в Петербург, несколько раз требовала к себе Императрица, и он не поехал. Императрица прислала в дар ему 10.000 рублей, но он не принял их, находя несправедливым обогащаться ему – служителю Церкви – из рук Императрицы в то время, когда Церковь была ею лишена имущества⁹⁸.

Великим уважением и любовью был окружен М. Павел в Киеве благочестивыми русскими людьми, как безстрашный борец за права Церкви. К тому же М. Павел проводил время своей жизни в строгих иноческих подвигах и, несмотря на свое болезненное состояние, часто служил и в Лавре, и в Киевских городских церквях, утешая верующих.

Через два года своего пребывания на покое М. Павел в 1770 г., 4 ноября, скончался, а чрез 57 лет после смерти тело его в склепе под великой лаврской церковью было обретено Киевским Митрополитом Евгением Болховитиновым в поразительном нетлении. («Русские подвижники XVIII в.», стр. 172–181).

⁹⁸ Эти деньги были вручены настоятелю Киево-Печерской Лавры, который приехал сопровождать Митрополита Павла. Когда настоятель просил Митрополита Павла позволить данную сумму употребить на позолоту глав Киево-Печерского собора, Митрополит Павел согласился на это.

Несомненно, своею праведною жизнью, своим исповедническим подвигом М. Павел угодил Богу, так как от его мощей до самого последнего времени исходило много чудесных исцелений. Хотя он еще не причислен к лику святых Русской Церкви, но все верующие русские люди чтят его, как скорого своего заступника. Прославление мощей М. Павла должно было быть одним из первых очередных дел Русской Церкви пред войной с Германией.

Конечно, протесты великих святителей русской земли – Арсения и Павла – не могли остановить отобрания церковных имуществ. Как люди весьма умные и просвещенные, они сами хорошо понимали это. Своим протестом они показывают, что в борьбе за Церковь и истинное благо русского народа надо жертвовать своим временным благополучием и даже не щадить своей жизни.

Вместе с тем этот протест есть ни что иное, как оставленное потомству непререкаемое свидетельство о великом значении церковных имуществ для всей России. Если бы эти имущества были в руках Церкви, то в ее распоряжении осталось бы и просвещение всего русского народа, и он, как воспитанный и просвещенный на началах православной веры, был бы непоколебим гибельными ветрами западных лжеучений, воплощая в себе слова Христа: Всяк убо, иже слышит словеса Моя сия, и творит я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени. И сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветра, и нападоша на храмину ту, и не падеся, основана бо бе на камени. (Мф. 7: 24–25).

Но этого церковного просвещения русского народа, этого главнейшего оружия для отражения разрушительных учений, с отнятием церковных имуществ не стало в России. Поэтому, вместе с лютеранством в его безчисленных видах сектантства, начала западного неверия в виде гуманизма быстро стали распространяться в России и укореняться в жизни русского народа.

Гуманизм не только предоставляет человеческому разуму полную свободу в области веры, но с корнем уничтожает ее, ибо по своему существу – есть неверие в бытие Высшего Божественного Существа, каковым гуманизм считает самого человека, проповедуя человекобожие, что то же – богоборчество. Гуманизм не признает для человека никаких авторитетов, кроме его собственного разума. Поэтому русское общество, увлекаясь гуманизмом, вместо Церкви и ее святоотеческого учения, поставило науку в качестве высшего для себя авторитета. Критерием истины для большинства русских интеллигентных людей была не церковность, осеняемая Духом Святым, Духом Истины, а научность с богоборным духом князя мира сего, который незримо чрез общественное мнение стал властно управлять русским народом, заставляя его преклоняться пред либеральною научностью, отрицающею и ниспровергающею авторитет Церкви. Глубокое влияние гуманизма на русское общество даже среди богословски просвещенных людей хорошо отмечено было Еп. Феофаном Затворником в его письмах. (Собрание писем Святителя Феофана, вып. VII, письмо 1140, стр. 135. Москва. 1900 г.).

К великому несчастью для России, влияние гуманизма сильно укреплялось в русской жизни богоборческими писаниями графа Льва Толстого. Он кощунственно ниспровергал всю нашу веру в Св. Троицу, Иисуса Христа и Пречистую Божию Матерь. Он высмеивал все таинства православной Церкви и в особенности величайшее из них – таинство Божественной Евхаристии. К Иисусу Христу Толстой питал ненависть, как к своему личному врагу, и, в сознании своего превосходства над Ним, составил свое собственное евангелие. В свое время об отношении Толстого ко Христу писал в одном из наших духовных журналов кандидат богословия Петербургской Духовной Академии Добролюбов. Последний посетил Толстого в Ясной Поляне и имел с ним богословский спор. «А что бы вы сказали», – спросил Толстого Добролюбов, – «если бы вам сейчас доложили, что к вам пришел Иисус Христос?» – «Я бы велел передать Ему», – ответил Толстой, – «чтобы Он подождал в приемной, пока я не окончу беседы с вами».

Благодаря своему исключительному таланту, Толстой имел на русский народ огромное влияние. Он глубоко укоренил в своих последователях через свои сочинения начала неверия и анархизма не только против Божественной власти, но и земной, государственной, отрицая все государственные учреждения.

Пагубное влияние Толстого особенно сказывалось на нашей учащейся молодежи. Начитавшись толстовских сочинений с самой гимназической скамьи, молодежь настраивалась на толстовский лад, отрицательно относилась к вере, переставала посещать храм Божий и делалась революционной и анархической. Распространялось толстовство и в наших сельских школах. Здесь учителями в подавляющем большинстве были питомцы учительских семинарий – очагов неверия и революции. Эти семинарии ежегодно выпускали тысячами кандидатов на должности сельских учителей для «просвещения» русского народа.

Этого мало. Гуманизм и толстовство вылились у нас в форму воинствующего социализма, или – революционного освободительного движения. Исходя из богоборчества, оно главным образом было направлено против Самодержавной Царской власти в целях ее уничтожения и образования в России республики на социалистических началах: свободы, равенства и братства. Это движение в последнее время пред второй революцией захватило по преимуществу всю русскую атеистическую интеллигенцию, весь рабочий класс, значительную часть простого народа и нашего воинства. Оно разделило всю Россию на два главных лагеря – на правых и левых, или – на черносотенцев и красносотенцев. Но подавляющее большинство было на стороне последних, в ряды которых становились русские люди или в силу своего неверия и религиозной индифферентности, или в силу ложного стыда, так как все правое, по тону общественного мнения, считалось мракобесием, глупостью и отсталостью; или же в силу страшного насилия со стороны деятелей освободительного движения. Последнее под лозунгами: «долой Самодержавие», «земля и воля», – кровавым террором сметало всех, кто шел против него. Должности

министров и губернаторов, вообще начальнические посты, и даже посты полицейских были в буквальном смысле «голгофою», ибо по преимуществу сюда направляли свои бомбы и пули революционеры. В итоге борьбы этих враждовавших лагерей Россия стала перед лицом весьма сильной организации защитников освободительного движения, при совершенной дезорганизованности поборников Самодержавного строя и порядка. Поэтому левые стали господами положения, и в России водворился, при потворстве и растерянности властей, страшный хаос с бунтами, сатанинским террором, забастовками и кровавыми беспорядками повсюду, не исключая и духовных учебных заведений. Даже в монастырях начались беспорядки. Недаром о. Иоанн Кронштадтский во время первой революции говорил, что Россия превратилась в сумасшедший дом.

Конечно, наши Государи, начиная с Павла, были благожелательно настроены к Русской Церкви. Они способствовали развитию монашества, умножению монастырей и церквей в России и содействовали духовному образованию. Они были покровителями православной веры и не только в Русской земле, но и в других православных странах, не раз побуждая весь русский народ становиться на защиту православия силою оружия. И от всех внутренних врагов православия они всемерно старались охранять св. Русь.

Но неверие слишком глубоко укоренилось в русской жизни. Интеллигенция, движимая неверием, стала одержимой. Руководствуясь сатанинским духом противления и разрушения, она перестала считать для себя авторитетом Самого Бога и установленную Им Царскую власть. В отношении к последней богоборческая интеллигенция сделалась смертельным и неусыпающим врагом. Поэтому Государям приходилось прилагать много забот и усилий не только для защиты Русской Православной Церкви от неверия, но и для сохранения своего царственного Престола, своей, Богом дарованной им Самодержавной власти. И, несмотря на всю силу могущественной Царской власти, ей приходилось гнуться под напором либеральных требований русского противощерковного общества и идти на гибельные для России компромиссные реформы. Такою реформою и было учреждение Александром II земства, которым воспользовалась интеллигенция в своих разрушительных для России целях.

Интересно в данном случае вспомнить одно обстоятельство, имевшее место в жизни весьма любимого св. Серафимом Саровским симбирского помещика Н. А. Мотовилова, исцеленного преподобным от неизлечимой болезни и отдавшего все свое богатое имение в пользу основанной преподобным Серафимом женской Серафимо-Дивеевской обители. Мотовилов был приглашен на торжество в честь учреждения земства. И когда были подняты бокалы, Мотовилов произнес речь, в которой заявил, что с учреждением земства начнется гибель России. Поэтому вместо того, чтобы выпить бокал, он его разбил об пол и вышел из собрания.

Действительно, земство в России сделалось оппозицией министров и губернаторов и всего нашего правительства. Чрез него появилось в России

гибельное двоевластие: земство стало государством в государстве. По его требованию правительство отпускало огромные суммы на земские школы, в то время, как на церковные отпускались сравнительно незначительные суммы. В земских училищах земство допускало и даже поддерживало свободомыслящих и неверующих учителей, которые вместе с земскими врачами были наиболее деятельными проводниками в простом народе противорелигиозных и противогосударственных идей.

Другою губительною для России реформою, вызванною к жизни также под напором либеральных требований атеистической интеллигенции, было учреждение Императором Николаем II Государственной Думы. Избрание членов ее производилось при самом деятельном участии того же земства. Поэтому в большинстве членами Государственной Думы оказывались люди, которые не были в истинном смысле представителями русского народа. Таким образом, здесь совершался величайший обман, и Государственная Дума в целом оказалась не имеющей ничего общего с русской идеологией. Ее прогрессивные и активные члены были атеисты и революционеры, которые только и думали об уничтожении в России ее исконного политического строя. Это были главные и притом легальные разрушители Церкви и Родины, так как открыто и без всякого препятствия выступали против Царя, Помазанника Божиего, и всех, кто его поддерживал. Хотя в главном своем деле разрушения исконных начал, лежавших в основе управления России, большинство членов Государственной Думы было единомысленным между собою, тем не менее, Дума разделила всю Россию на множество политических, враждовавших между собою, партий, что быстро и сильно ослабляло мощь России и приближало ее к гибели.

Какой великий вред приносила Государственная Дума, об этом свидетельствует ее «детище» – изданный в 1905 г. закон о свободе совести. В силу этого закона не только члены Думы, но и все прочие враги России открыто выступали на своих собраниях против православной веры и Царской Самодержавной власти. Благодаря этому закону, книжные магазины во всех русских городах были завалены социалистической литературой, говорившей со слов еврейского учения Карла Маркса, Энгельса и Бебеля о прелестях земного рая с его социалистическими благами – свободой, равенством и братством, – как о грядущем счастье русского народа, если он в основу своей жизни, и прежде всего государственного управления, положит начала социализма.

После обнародования данного закона, духовные старцы Оптиной Пустыни с великою сердечною горечью говорили нам: «Теперь погибнет Россия!»

Для этой гибели не доставало открытого выступления «народных избранников» и, конечно, «от имени народа» – для ниспровержения Царя. Разумеется, такое выступление могло исходить только от людей, отступивших от православной веры и всего святого. И это деяние совершилось, притом – в самый трудный момент жизни нашей родины, во время ее войны с Германией. Оно нашло себе место в той же Государственной Думе в

среде самых видных ее членов во главе с председателем. Мы имеем в виду заговор против нашего Государя, окончившийся отречением Императора от Престола, а затем – гибелью России.

ГЛАВА ТРЕТИЯ

Возврат русских людей к истинной вере, как необходимое условие для возрождения России, и покаяния в грехе бунтарства против власти Помазанника Божиего.

Так отступление от православной веры привело нашу родину к гибели. Здесь, и ни в чем другом – главная причина всех несчастий, переживаемых русским народом в родной стране и за рубежом.

Разумеется, все мы в той или иной мере должны считать себя повинными в гибели России, поскольку мы грешили грехом отступление от своей веры, или чрез увлечение богоборческим освободительным движением социализма, или чрез потворство этому движению своим молчанием, или же, наконец, просто чрез свою греховную жизнь. Но более всех была повинна в этом грехе власть государственная Императора Петра I и Императрицы Екатерины II. Епископ Феофан Затворник⁹⁸ в попустительстве губительного для России неверия считает повинной не только государственную, но и духовную власть в лице нашего Синода и большинства иерархов. (Собр. пис. Еп. Феофана, вып. 7, письмо 1140, стр. 135, 142, 143, 159, 206. Москва. 1900 г).

После всего вышесказанного не трудно теперь ответить на вопрос: что же мы, русские люди, должны делать, чтобы Господь простил наш великий грех отступления от православной веры и даровал нам Россию опять святую, могущественную и славную?

Мы должны вернуться к православной вере наших предков, которая была, прежде всего, верою аскетическою, т.е. сопровождалась постоянною молитвою, постом, милосердием и вообще всеми подвигами добродетельной христианской жизни под водительством матери нашей Церкви.

Все русские несчастия начались с того, что мы удалились в своей жизни от Церкви, перестали руководствоваться ее учением и уставом и положили в основу своей жизни и деятельности всевозможные еретические и богоборческие учения, а лучше сказать – свою греховную страстную волю, которая сделала нас по жизни хуже несмысленных тварей. Некогда св. Серафим Саровский пророчески говорил, что великие беды надвигаются на Россию, так как народ русский начал жить не по уставу Церкви и стал нарушать пост в среду и пятницу. Что бы он сказал, если бы дожил до последнего времени, когда русские люди перестали поститься и в Великий пост, посещали в это время театры, предавались танцам и оргиям до утра даже под праздники, когда публичными падшими женщинами в русских городах делались двенадцатилетние девочки. Мы стали дышать грехом, ибо не захотели дышать веяниями благодати Св. Духа, мы стали

⁹⁸ Еп. Феофан Затворник умер в 1893 г.

пить грех, ибо не захотели пить от воды живой, возрождающей нас и обильно изливающейся на нас в Св. Церкви для нашей святой, блаженной и вечной жизни.

Будем опасаться такого греховного состояние в настоящей нашей жизни. Надо опять всем русским людям православным слиться с Церковью, строго держаться ее устава, как самого спасительного руководства жизни. Мы должны, подобно нашим предкам, иметь действенную, живую веру и потому всегда молиться, чаще читать Слово Божие, творение святых отцов Церкви, Четьи-Минеи (Житие Святых), неуклонно соблюдать все посты и быть милосердными, чтобы вера наша не была мертвой, а живой и спасительной. Эта вера в жизни наших предков сделала Россию великой. Вера и в данный момент жизни нашей спасет Россию, возродит ее и опять сделает ее великой.

Как мы видели выше, вера предков сияла православной, апостольской чистотой. Они тщательно хранили ее от всяких еретических искажений и настолько, что старались избегать даже чисто житейского общения с иностранцами, почему все ереси, бывшие в России в течение первых семи веков после крещения русского народа, не могли в ней укорениться и скоро исчезали по своем возникновении.

Вследствие этой чистоты веры жизнь наших предков в лице иноков древних монастырей не только отличалась величайшими христианскими подвигами, но и благодатию Св. Духа в ее поразительных знамениях или проявлениях, о чем мы говорили в начале первой главы. За эту чистоту веры Господь пребывал со всем нашим народом, как источник перерождающей человека внутренней благодати Св. Духа, которая снизошла на русскую землю, как Царство Божие, вместе с крещением святой Руси.

Эта перерождающая благодать Св. Духа, это Царство сделалось самым драгоценным и высшим благом русского народа, что вполне понятно. Св. Симеон Новый Богослов говорит: «То и было целью и концом всего воплощенного домостроительства Христова, чтобы Духа Святого принимали в души свои верующие в Него... чтобы сей Святой Дух был как бы душою души верующих, чтобы действием сего Духа Святого они, некоторым образом, переплавлялись, пересоздались, обновлялись и освящались, по уму, совести и по всем чувствам». (Творение св. Симеона Нового Богослова. Вып. II-й. Москва 1882 г. Слово 38-е, стр. 291).

Ясно отсюда, почему внутренняя благодать Св. Духа в ее дивных проявлениях должна быть последнею и высшею целью всей земной жизни человека согласно учению св. Серафима Саровского, который сказал: «Цель нашей жизни заключается в стяжании благодати Св. Духа».

Впервые она заблистала в сердцах Апостолов, когда сошла на них в пятидесятый день по Воскресении Христовом и дивно их переродила и изменила, ибо над ними исполнились тогда слова Псалмопевца: Сия измена десницы Вышняго. (Пс. 76: 11). Из немощных она сделала их сильными на борьбу со злом и неверием всего мира, способными к достижению нравственного совершенства и настолько, что Апостол Павел говорил: Вся

могу о укрепляющем мя Иисусе Христе. (Фил. 4: 13). Ум их, немогший до сего момента постигнуть учения Христова во всей глубине и полноте, она наполнила Божественным ведением и обогатила Божественною премудростию, почему тот же Апостол Павел от лица всех Апостолов сказал: Мы же ум Христов имами... глаголем премудрость Божию в тайне сокровенную, юже никтоже от князей века сего разуме, нам же Бог открыл есть Духом Своим. (1 Кор. 2: 7–8, 10, 16). В сердцах их после приятия благодати уже не было места житейской печали, ибо Апостолы стали иметь в себе непрестающий источник Божественной радости. Над ними во всей силе исполнились слова Христа: Вы же печаль имате убо ныне; паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возмет от вас; (Ин. 16: 22) аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей..., радость Моя в вас будет и радость ваша исполнится. (Ин. 15: 10–11) Свойство этой Божественной радости в Апостолах было таково, что во время тяжких скорбей при их Апостольском благовестии о Христе она еще более увеличивалась в них, почему Апостол Павел говорит: якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше. (2 Кор. 1: 5)

Эту-то внутреннюю перерождающую благодать Св. Духа Господь стал посылать всем истинно верующим людям чрез свою Церковь в таинствах крещения и миропомазания. Благодать этих таинств дает нам доступ к другим спасительным для нас таинствам и величайшему из них – Божественному таинству Евхаристии, в котором мы не только перерождаемся, но обожаемся и делаемся благодатно едины со Христом.

К этой-то благодати, как Царству Божию, к его правде, миру и радости о Дусе Святе (Рим. 14: 17) устремлялись наши предки, как к своему Божественному предназначению, как к своему религиозно-нравственному идеалу чрез свою аскетическую, истинную православную веру. И Господь за это исполнял над ними слова Свои: ищите же прежде Царствие Божия, и правды Его, и сие вся приложатся вам, (Мф. 6: 33) и являл дивные знамения Божественного заступления, изливая Свои великие милости на наш народ, что содействовало славе и могуществу России.

Будем и мы, подобно предкам нашим, согласно с Богооткровенным и святоотеческим учением, устремляться прежде всего и больше всего к благодати Св. Духа, как к высшей цели своей жизни, как к Царству Божию чрез веру аскетическую, сопровождаемую христианскими добродетелями и в особенности любовью, без чего она не может быть спасительною и живою. Будем и мы в этом полагать свой религиозно-нравственный идеал – свою русскую идеологию.

Но следует при этом нам помнить: если благодать Божественного Духа есть самое величайшее для нас сокровище, то таким же сокровищем должна быть для нас и православная вера, как чуждая всяких ересей, ибо отступление от сей веры удаляет от нас Божественную благодать, получаемую нами в таинствах Церкви. Аще и мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет, говорит

Апостол Павел. (Гал. 1: 8). Ясно, что нет большого для нас несчастья, как отступить от православной веры.

Впрочем, отсюда явствует и то, что мы должны тщательно хранить свою православную веру от всякого еретического искажения, памятуя слова св. Серафима Саровского, который сказал: «Горе тому, кто хотя одну букву прибавит или убавит к постановлениям семи Вселенских Соборов».

И мы сохраним ее во всей чистоте, если в этом хранении веры своей будем опять подражать нашим предкам. Они так оберегали ее, что старались избегать всякого общения с иноверными, чтобы не смешаться с ними в вере. Они хорошо помнили слова Божественного Писания: С преподобным преподобен будешь... с нечестивым развратишься. (Пс. 17, 26–27).

Трудно теперь в такой степени иметь нам разобщение с иноверными. Великое множество их живет в России. А мы за границей живем среди них. В таком случае, будем удалять от себя всякую мысль о каком бы то ни было смешении в вере со всеми инославными исповеданиями, и, в частности, с католиками и лютеранами. Мы должны всегда помнить, что вероисповедные различия не являются только временными перегородками, не имеющими вечного значения и для нас, и для инославных христиан в отношении к вопросу о вечном спасении. Эти различия весьма и весьма для нас существенны, ибо только истинная православная вера сообщает действительную спасительную благодать, в которой всё наше спасение и здесь, и там, за гробом. По учению св. Иоанна Кассиана только благодать, сообщаемая нам в таинствах православной Церкви, может спасти нас, ибо только при ее помощи можно побеждать страсти и достигать нравственного совершенства. (Твор. пр. Иоанна Кассиана. Москва 1892, стр. 385, 404–405, 408–409; сравн. Твор. св. Симеона Нов. Бог. В. I, стр. 154; В. II, стр. 542). А по учению св. Симеона Нового Богослова, благодать Св. Духа и есть та одежда, без которой нельзя будет войти в небесный чертог Христа для вечного блаженства. (Твор. св. Симеона Нов. Богосл. В. II, стр. 394; сравн. стр. 416, ибид. В. II, стр. 184, 364).

Но, как видели мы, благодати Св. Духа, в качестве перерождающей и спасающей силы, не могут иметь отступники от православной веры, принявшие, по словам Апостола, иное благовествование. (Гал. 1: 8).

Нельзя не отметить, что Апостолом налагается анафема вообще за приятие иного благовествования. Он не указывает, что мы должны разуметь под иным благовествованием: искажение ли всего благовестия Христова, или же только одной части его. Но, если бы инославные христиане и не много отступили от православной веры, всё равно мы должны относиться к ним, как к отлученным от благодати Св. Духа. Здесь нужно иметь ввиду слова Ап. Иакова: Иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен (Иак. 2: 10). Когда человек заболевает какою-либо частью своего тела, то и другие части страдают с нею: аще страждет един уд, с ним страждут вси уди (1 Кор. 12: 26), и в итоге весь человек является больным. Поэтому наша св. православная Церковь считает то или иное инославное христианское исповедание не истинным и даже недостойным

наименования Церкви, хотя бы оно имело некоторые здравые догматические учения.

Да, католики в лице своей иерархии сохранили апостольское преемство. В силу этого, внутренняя благодать Св. Духа есть здесь. Но она, благодаря многим догматическим ересям католического исповедания, не является здесь спасающей и перерождающей силой. Поэтому католики предоставлены только своим естественным силам в борьбе со грехом и в отношении к стяжанию добродетелей не отличаются от язычников. По учению того же св. Иоанна Кассиана, язычники в своей морали, как не имеющие внутренней благодати Св. Духа, могут возвышаться только до мучительного воздержания от совершения внешних пороков. (Твор. преп. Иоанна Кассиана, стр. 404). Среди них не может быть людей, имеющих благодатный и блаженный мир Христов от страстей и превосходящих невинных младенцев своею внутреннею и постоянною чистотою в добродетелях. (Твор. св. Макарие Египетск. безед. 26, стр. 202–203; Твор. преп. Иоан. Кас., стр. 404). Такое нравственное совершенство может быть только в жизни православных христиан, где действует и царствует Дух Святый своею благодатию.

Этого нравственного совершенства не может быть у католиков, хотя их иерархии, в силу преемства, сообщается благодать Св. Духа. Но последняя не действует и не спасает ни их самих, ни их пасомых, почему католическая иерархия более несет ответственности пред Богом, чем ее паства, ибо она прияла ключ разумения, но и сама не входит в Царство Христово, и других не допускает войти в него. (Лк. 11: 52; Мф. 23, 13). Католической иерархии следует всегда помнить печальный образ Иуды. Он удостоился от Бога принять Тело и Кровь Его. Но это величайшее Божественное дарование послужило ему не во спасение, а в погибель и вечное осуждение.

О лютеранах говорить не приходится. Они совсем не имеют внутренней перерождающей благодати Св. Духа, так как у них нет таинства Св. Миропомазания, в котором подаются дары Св. Духа для укрепления и возвращения в христианской жизни.

Конечно, мы никогда не допустим нашего смешения с католиками, лютеранами и другими инославными христианами и сохраним свою православную веру в неприкосновенной чистоте, если глубоко усвоим непререкаемую для нас истину, что, будучи только в ограде нашей Церкви, мы пребудем с благодатию Св. Духа, как источником нашего временного и вечного спасения, и что вне этой ограды мы лишимся сей благодати и погибнем навеки.

Поэтому пусть православная вера не только будет нами тщательно хранима, но пусть будет основою, проникающею все наше существо в движениях его ума, воли и сердца. Иначе сказать, православная вера должна быть для нас критерием истины при оценке всякого человеческого учения или деяния. Эта оценка вне всякого сомнения, будет соответствовать истине, ибо православная вера побудит нас для разрешения того или другого вопроса обратиться к Богооткровенному и святоотеческому учению, проникнутому Духом Святым, Которого Господь назвал Духом

истины. (Ин. 14: 17; 15: 26; 16: 13). В православной вере мы должны получать оружие для борьбы со грехом и несения креста наших скорбей, так как чрез веру в церковных молитвах, богослужениях и таинствах нам подается Божественная сила от Того же Духа Святого, Которого Господь назвал силою. (Деян. 1: 8). Вера православная должна быть для нас и средством к получению Божественной радости, ибо только при ее наличии св. Церковь обильно изливает на нас утешение в таинствах и других источниках благодати Св. Духа, Которого недаром назвал Господь Утешителем. (Ин. 14: 16, 26; 15: 26; 16: 17).

И пусть православная вера, господствуя, таким образом, во всем нашем существе, будет в то же время верой исповеднической, да знают все, что она есть для нас самая главная сила, есть наша победа, победившая мир. (Ин. 5: 4)

В данном случае наши предки должны опять быть для нас примером. Всем своим религиозным бытом они открыто исповедовали свою православную, царствующую в них веру и свидетельствовали, что она для них дороже всего в мире. Они не стыдились быть православными, и в своей личной, общественной и государственной жизни и деятельности показывали, что вера православная составляет сущность их жизни и к ней направлены всецело их сердца.

К несчастью для России, уже при Петре, как видели мы, наши предки под влиянием протестантизма и западного просвещения начали стыдиться своей веры, стали прятать ее. Этот стыд своей веры, исходящий из тщеславного опасения показаться отсталыми пред либерально и атеистически настроенными образованными людьми в последнее время, пред гибелью нашей родины, достиг высшей своей степени. Не вера православная, а этот пагубный стыд стал господствующей силой в России, в особенности для интеллигентного русского общества. Движимое ложным стыдом множество русских людей становилось в ряды безбожной и революционной интеллигенции, хотя их разум и совесть были против этого малодушия.

К великому сожалению и до сих пор большая часть русских людей, по крайней мере, проживающих за границей, не может расстаться с этим позорным и гибельным стыдом, и хотя имеет православную веру, но ее не исповедует, как свою господствующую силу. Поэтому к ним относятся слова Христа: Иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех. (Мф. 10: 33). Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда придет во славе Отца Своего со Ангелы святыми. (Мк. 8: 38).

Приведенные слова Христа показывают, что недостаточно только веровать православно: надо еще нашу веру исповедовать, если мы не хотим быть отверженными от Бога за наш ложный стыд, который, конечно, исходит из нашего тщеславия. А грех тщеславия так велик, что при нем нельзя даже иметь истинной спасительной веры во Христа, почему Он и сказал: Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще. (Ин. 5, 44).

Разумеется, мы не имеем исповеднической веры не только по тщеславию, но и по другим основаниям. Мы скрываем свое православие в силу страха от смертельной опасности, что в особенности наблюдается теперь в России; или – вследствие опасения лишиться временных для нас выгод, что имеет место не только на родине нашей, но и здесь, за границей.

Да не будет этого в нашей жизни, какие бы основания ни побуждали нас воздерживаться от исповедания православной веры. Пусть православная вера проникает всю нашу деятельность во всех ее областях. Некогда св. Иоанн Рыльский, небесный покровитель великого пастыря о. Иоанна Кронштадтского, в своем послании благочестивому Болгарскому Царю Петру увещевал его лежать в ногах матери своей Церкви и склонять свою верховную власть в Царских государственных делах пред ее первосвященниками: «Валяйся под ногама матери твоея Церкви. Припадай усердно, и верх преклоняй тоя первопрестольником». («Житие и жизнь преподобного и Богоносного отца нашего Иоанна Рыльского чудотворца». Белград 1836 г., стр. 26–27).

Как же после этого нам, русским православным людям, не склоняться пред православною Церковью, в лице ее иерархии и церковной власти, во всех своих не только личных, но и общественных делах?!

Пусть все русские организации, вплоть до политических имеют своею основою православную веру и ее учение, действуют во имя этой веры и с благословение церковной власти, оказывая безусловное ей послушание. Пусть эти организации даже именуются православными, ибо имя православный должно быть для нас самым драгоценным и возжеланным, и, как жизненное руководство, должно обязывать не отступать от православной веры в нашей деятельности, напротив, направлять последнюю к ее торжеству.

Так, мы должны исповедовать свою веру в сознании, что чрез нее наши предки достигли того, что Господь царствовал в сердцах их Своею благодатию с ее святостью и блаженством.

Но эту же верою наши предки приобретали и то, что Сам Господь покровительствовал России Своею всемогущею силою, покрывая ее Своим безконечным милосердием, почему она и сделалась самою могущественною и славною страню.

Все эти блага подаст Господь и нам, если мы, подобно нашим предкам, будем иметь их веру или идеологию, которая может заключаться в двух только словах: православная вера.

Впрочем, предки наши, как об этом мы говорили выше, имели еще одно свойство в своей вере. Их вера была смиренной, так как им было присуще покаяние, это истинное выражение смирения.

Благодаря смирению, без которого никакие истинные подвиги христианской жизни невозможны, вера наших предков и была аскетической и переходила в исповедническую. Это понятно: смирением Своим Господь, Спаситель наш, победил диавола, прославился Божественною славою и даровал нам спасение. Смирил Себе, послушав быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе и

дарова Ему имя еже паче всякаго имени (Флп. 2: 8–9). Это смирение Ему угодно было положить в основание и всей нашей христианской жизни по Его Божественным заповедям, которые Он изрек в Своей нагорной проповеди. (Мф. 5: 1–12).

В соответствии с этим, св. Макарий Великий смотрит на смирение, как на основание христианства. «Основанием христианству», – говорит он, – «служит то, чтобы человек, если и совершит дела правды, не упокоивался на них и не почитал себя великим, но был нищ духом». (Твор. преп. Макария Египетск. Св. Троицк. Лавра, 1904 г. стр. 35). По учению сего св. отца Церкви в этом смирении состоит и самый признак христианства. «Вот признак христианства», – говорит он, – «сколько ни потрудишься, сколько ни совершишь праведных дел – оставаться в той мысли, будто бы ничего тобою не сделано... Хотя бы и праведен был ты пред Богом, должен говорить: «я не праведник, не тружусь, а каждый день начинаю только». (Ibid., стр. 197, сравн. Твор. св. Симеона Нов. Бог. в. I. стр. 154).

Так смотрели на смирение и другие св. отцы Церкви. Они учили, что смирение имеет силу истреблять все козни диавола (Поучение пр. аввы Дорофея, стр. 135, изд. Опт. пуст. Москва 1888 г), всякое зло в нас (Учение пр. Исихие о трезвении и молитве. Добротолуб. II т., стр. 171. Москва 1896) и все наши страсти (Поучение пр. аввы Дорофея, стр. 302–303). «Видел я», – говорит преп. Антоний Великий, – «однажды все сети врага, распростертые по земле и со вздохом сказал: кто же избегнет их? Но услышал глас, говорящий мне: смиренномудрие». (Добротолубие, I т., стр. 134. Москва 1895). «Поистине», – свидетельствует авва Дорофей, – «нет ничего крепче смиренномудрия, ничто не побеждает его». (Ibid. т. II, стр. 605. Москва 1896).

Поэтому оно – как учат св. отцы Церкви: Евфимий Новый (Иверский), Максим Кавсокаливит и Григорий Синаит – есть мать, начало и корень всех добродетелей. (Афонский патерик. Изд. Рус. Пантелеим. мон-ря на Афоне, ч. 1, стр.: 108–109, 269, 323. СПб. 1876 г). «Ни страх Божий», – говорит св. Авва Дорофей, – «ни милостыня, ни вера, ни воздержание, ни другая какая-либо добродетель не может быть совершенною без смиренномудрия». (Добротолубие, т. II, стр. 605). Без смирения и самая молитва, как свидетельствует преподобный Макарий Египетский, не будет для нас полезна (Твор. пр. Макария Египетского, стр. 374), и весь подвиг христианской жизни будет для нас суетен (Отечник Еписк. Игнатие Брянчанинова, стр. 400. СПб. 1880 г), так как, по словам св. Исаака Сирианянина, «что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели» (Твор. св. Исаака Сирианянина. Слова подвижнические, стр. 244. Москва 1854 г).

Из этих слов преп. Исаака явствует, что смирение есть критерий, безошибочно определяющий: где есть истинная добродетель, и где ее нет. Им определяется наше нравственное и духовное преуспевание: «насколько человек погрузится в смирение, настолько преуспеет и вознесется». (Отечник Еп. Игнатия, стр. 400).

Только оно, наконец, может довести человека до высоты нравственного совершенства: «Никто не может», – говорит св. Иоанн Кассиан, – «достигнуть после дняго предела совершенства и чистоты иначе, как смирением истинным». (Добротолюбие, т. II, стр. 87). И самое «совершенство человека – есть смирение». (Отечник Еп. Игнатие Брянчанинова, стр. 400).

Спрашивается, почему же смирение имеет такую великую силу для нашей живой веры с ее христианскими добродетелями и подвигами?

Потому, что оно низводит на нас Божественную силу для избавления нас от всех наших врагов видимых и невидимых. Во смирении нашем, говорит Псалмопевец, помянул ны Господь, и избавил ны есть от врагов наших. (Пс. 135: 23–24). Сила смирения состоит в том, что с ним соединяется благодать Св. Духа по слову Апостола: Бог гордым противится, смиренным же дает благодать (Иак. 4: 6; 1 Петр. 5: 5), которая, как на своем Престоле, почивает в смиренных. (Учение пр. Ефрема Сириянина. Добротолюбие, т. II, стр. 479). Отсюда понятно, почему Господь требует от нас, чтобы мы для соединения с Ним научились Его смирению, говоря: Приидите ко Мне... и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем. (Мф. 11: 29). Ясно отсюда и то, почему Господь во главу всех Своих Божественных заповедей положил смирение (Мф. 5: 3), ибо только чрез смирение Господь может даровать нам Свою благодать, без которой нельзя исполнять Его Божественные заповеди и невозможно сделать ничего доброго, согласно с Его словами: без Мене не можете творить ничесоже (Ин. 15: 5).

Но, если смирение сделало веру наших предков аскетическою и исповедническою, то оно было и причиною, почему они свою веру содержали во всей ее православной чистоте, чуждой всяких еретических заблуждений. Это смирение, выражаясь всегда в покаянии наших предков, не допускало гордости владеть их сердцами. По свидетельству Иисуса, сына Сирахова, гордость есть начало греха и отступление от Господа (Сирах. 10–15). Как смирение есть источник всех добродетелей, так гордость, по учению св. Иоанна Кассиана, есть источник всех грехов и преступлений (Добротолюбие, т. II, стр. 84); или, по словам преподобного Иоанна Лествичника, – «начальница и завершительница всех зол» (Ibid. стр. 543).

В частности, гордость является первою и главною причиною всех ересей. Она, по учению преподобного Нила Синайского, «низвергла архангела с неба и сделала то, что он, как молния, спал на землю» (Добротолюбие, т. II, стр. 268; сравн. учение пр. Исихия, *ibid.*, стр. 202). Но что же представляет собою его падение по своей основе, как не ересь, ибо денница, возгордившись своею чрезвычайною славою, помыслил, что он может быть равен Богу. Так гордость родила в нем первую ересь, от которой он навеки погиб.

Так гордость привела и наших прародителей к той же ереси, т.е. к ложной мысли, что они могут быть равными Богу, почему преподобный Филофей Синайский и сказал, что «Адам пал из-за гордости» (Ibid. т. III, стр. 449. Москва 1888 г.).

Так, после этого, гордость стала рождать всякие еретические заблуждения, которые влекли за собою опадение от Бога и, в силу этого – всевозможные несчастья в жизни людей.

Смирение с своим покаянием ограждало наших предков от ересей, а вместе с тем, от гибели родины, и, будучи основанием присутствия в ней великой благодати, было в то же время основанием ее величия и славы. Но как только русские люди вступили на путь диавольской гордости или тяжкого греха еретического и атеистического отступления от православной веры, то благодать Св. Духа, этот источник спасительной жизни, стала оставлять нашу Россию, и она наконец была ввержена в море неслыханных несчастий.

Будем всегда помнить, за что мы наказаны Богом. Да, переживаемые беды случились в нашей русской жизни оттого, что мы отступили от православной веры. Но этого не было бы с нами, если бы мы не возгордились и продолжали бы пребывать в смирении и покаянии, которые украшали веру наших предков. Пусть незабвенными для нас всегда будут слова преподобного Марка Подвижника, сказавшего: «Если бы мы старались о смиреномудрии, то не было бы нужды в наказании нас, ибо все злое и скорбное, случающееся с нами, приключается нам за возношение наше. Если на Апостола, чтобы он не превозносился, попущен был ангел сатанин – да пакости ему деет, тем более на нас, когда превознесемся, сам сатана попущен будет попираť нас, пока мы не смиримся. Праотцы наши владели домами, имели богатство, имели жен, заботились о детях, и вместе с тем, по причине своего ненасытимого смиреномудрия, беседовали с Богом; а мы удалились от мира, презрели богатство, оставили дома и думая, что пребываем с Богом, бываем поруганы бесами за превозношение наше» (Добротолюбие, т. II, стр. 514–515. Москва 1895 г.).

Эти святоотеческие слова должны иметь для нас огромное жизненное значение, ибо они нашли себе оправдание в жизни русского народа. Сила этих слов еще более увеличивается для нас тем обстоятельством, что они представляют в своей сущности богооткровенные слова, сказанные некогда Господом чрез Моисея когда-то избранному, а ныне отверженному еврейскому народу и оправданные самою жизнью последнего. Слова эти имеют глубокое жизненное значение и для нас. Аще же не послушаете Мене ниже сотворите повелений Моих сих... и Аз сотворю сие вам, и наведу на вас скудость, и красту, и желтяницу, вреждающую очи ваша, и души ваша истаявающую: и посеете вотще семена ваша, и поядят я сущесты ваша, И падете пред враги вашими, и поженут вы ненавидящии вас и побегнете никомуже гонящу вас. И аще до сего не послушаете Мене, и приложу наказати вы язвами седмижды за греха ваша; и сокрушу досаждение гордыни вашея, и положу небо вам аки железно, а землю вашу аки медяну. И будет вотще крепость ваша, и не даст земля ваша семене своего, и древа села вашего не дадут плода своего. И аще по сих пойдете страною, и не восхощете послушати Мене, приложу вам язв семь по грехом вашим. И аще сими не накажетесь, но пойдете ко Мне страною, пойду и Аз с вами в ярости страною, и поражу вы и Аз седмижды грех ради

ваших. И наведу на вы меч мстия мести завета и вбегнете в грады ваша, и пошлю на вы смерть, и преданы будете в руке враг ваших... И ясти будете, и не насытитесь. Аще же в сих не послушаете Мене, и пойдете ко Мне страну, а Аз... накажу вы... седмажды по грехом вашим. И ясти будете плоти сынов ваших, и плоти дочерей ваших ясти имате. И сотворю грады ваша пусты, и опустошу святая ваша, а не обоняю вони жертв ваших; и сотворю пусту Аз землю вашу и удивятся о ней враги ваши, живущии на ней. И разсыплю вы в языки, и потребит вы находяй меч, и будет земля ваша пуста, и грады ваши будут пусты – И не возможете противу стати врагом вашим... И исповедят грехи своя, и грехи отец своих, яко преступиша и презреша Мя, и яко ходиша предо Мною страну; и Аз пойду с ними в ярости страну... тогда усрамятся сердце их необрезанное, и тогда познают грехи своя. И помяну завет Иаковль,... Исааков,... Авраамль; и землю помяну... Не презрех их ниже вознегодовах о них, яко потребити я... Аз бо есмь Господь Бог их⁹¹. (Лев. 26, 14–21; 23–29; 31–33; 37; 40–42; 44. Сравни: Втор. 11: 27; Ис. 1: 19–20).

Конечно, все это мы должны свято хранить в своей памяти, но не должны этим ограничиться. Если мы хотим спасения себе и России, мы должны самым делом вернуться к вере наших предков, и в особенности – к вере, основанной на смирении и покаянии, которая низводила на них благодать Св. Духа, а вместе с нею святость жизни и ограждала их от дьявольской гордости, от ее еретичества и безбожия, как источника всех бедствий, переживаемых нами ныне.

Поэтому пусть смиренная вера предков воплощается в современной нашей жизни. Иначе сказать, пусть наша русская идеология – православная вера, – сопровождается не только христианскими добродетелями, апостольскою чистотою своего учения, как источником действенной благодати, и исповедничеством, но будет основана на смирении, без которого, по словам св. Симеона Нового Богослова, ничего доброго не бывает. (Творен. св. Симеона Нов. Бог. В. II, стр. 542).

Однако, эта смиренная вера будет спасительным достоянием для нас и для России только в том случае, если мы вступим на путь первого выражение смирения, т.е. на путь покаяние во грехах своих, особенно, в самом тяжком грехе нашем, в котором повинны активно или пассивно все

⁹¹ Русский перевод: Если же не послушаете Меня и не будете исполнять всех заповедей сих,... то и Я поступлю с вами так: пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, от которых истомятся глаза и измучится душа, и будете сеять семена ваши напрасно, и враги ваши съедят их; обращу лице Мое на вас, и падете пред врагами вашими, и будут господствовать над вами неприятели ваши, и победите, когда никто не гонится за вами. Если и при всем том не послушаете Меня, то Я всемерно увеличу наказание за грехи ваши, и сломаю гордое упорство ваше, и небо ваше сделаю, как железо, и землю вашу, как медь; и напрасно будет истощаться сила ваша, и земля ваша не даст произрастаний своих, и дерева земли не дадут плодов своих. Если же (после сего) пойдете против Меня и не захотите слушать Меня, то Я прибавлю вам ударов всемерно за грехи ваши. Если и после сего не исправитесь и пойдете против Меня, то и Я пойду против вас и поражу вас всемерно за грехи ваши, и наведу на вас мстительный меч в отмщение за завет; если же вы укроетесь в города ваши, то пошлю на вас язву, и преданы будете в руки врага; хлеб, подкрепляющий (человека), истреблю у вас; десять женщин будут печь хлеб ваш в одной печи и будут отдавать хлеб ваш весом; вы будете есть и не будете сыты. Если же и после сего не послушаете Меня и пойдете против Меня, то и Я в ярости пойду против вас и накажу вас всемерно за грехи ваши, и будете есть плоть сынов ваших, и плоть дочерей ваших будете есть; города ваши сделаю пустынею, и опустошу святилища ваши, и не буду обонять приятного благоухания (жертв) ваших; опустошу землю (вашу), так что изумятся о ней враги ваши, поселившиеся на ней; а вас рассею между народами и обнажу вслед вас меч, и будет земля ваша пуста и города ваши разрушены.... и споткнутся друг на друга, как от меча, между тем как никто не преследует, и не будет у вас силы противостоять врагам вашим; тогда признаются они в беззаконии своем и в беззаконии отцов своих, как они совершали преступления против Меня и шли против Меня, (за что) и Я шел против них и ввел их в землю врагов их; тогда покорится необрезанное сердце их, и тогда потерпят они за беззакония свои. И Я вспомню завет Мой с Иаковом и завет Мой с Исааком, и завет Мой с Авраамом вспомню, и землю вспомню; и тогда как они будут в земле врагов их, - Я не презрю их и не возгнушаюсь ими до того, чтоб истребить их, чтоб разрушить завет Мой с ними, ибо Я Господь, Бог их. (Перевод добавлен в текст Редактором).

русские люди, – в грехе бунтарства против Самодержавной власти нашего Царя – Помазанника Божиего. Этот грех является для нас таким тяжким потому, что имеет за собою утрату русскими людьми совести, удаление их от Церкви, – ее веры, учение и благодати. Он есть верх или плод тех разнообразных религиозно-нравственных тяжких преступлений, которые совершались русскими людьми в течение многих и многих лет.

Означенный грех так велик в очах Божиих, что переполнил чашу Божественного долготерпения. Вот почему после отвержение русским народом своего Царя Господь тотчас отверг и Россию, и она погрузилась в пропасть неслыханных бедствий.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сущность покаяние для русских людей, принимавших активное и пассивное участие в грехе бунтарства против Царской Самодержавной власти.

Спрашивается, в чем же должно состоять наше покаяние в тяжком грехе бунтарства против Царской власти?

Так как не все русские люди в одинаковой степени здесь повинны, то это покаяние не для всех из нас должно быть одинаковым. Для тех русских людей, которые сознательно и активно шли против Самодержавной власти нашего Царя – Помазанника Божиего, – требуется в данном случае полное возрождение своего духа с радикальным уничтожением самой причины страшного греха – бунтарства против священной Богоустановленной власти. От них требуется уничтожение в себе неверия и стяжания, посредством живого общения с православной Церковью, благодатной духовной настроенности и жизни для соединения со Христом.

Этим русским людям надо следовать в своей жизни учению св. отцов Церкви, которые нам показывают, в чем должно состоять покаяние. По свидетельству св. Исаака Сирианина, покаяние состоит в том, чтобы «оставить прежнее и печалиться о нем» («Добротолюбие», т. I, стр. 395, М. 1889 г). Так, в сущности, определяют покаяние и другие св. отцы, говоря, что «покаяние в том состоит, чтобы отвращаться от греха» (Ibid., т. I, стр. 372: Учение св. Авв. Исаии) и «не возвращаться вспять» (Ibid., стр. 24: Учение св. Антония Великого).

Но святые отцы учили, что покаяние не только есть решительное оставление прежних грехов, но и «совершение благих дел, противных прежним грехам» (Ibid., т. II, стр. 495: Учен. св. Ефрема Сирианина), «посредством заповедей Христовых» (Ibid., т. I, стр. 49: Учен. св. Марка Подвижника) и, конечно, благодати Св. Духа. И самое покаяние они называли благодатию. «Как благодать на благодать, – говорит св. Исаак Сирианин, – людям по крещении дано покаяние; потому что покаяние есть второе возрождение от Бога. И то дарование, которого залог прияли мы от веры, приемлем покаянием. Покаяние есть дверь милости, отверстая усиленно ищущим его; сею дверью входим в Божию милость; кроме этого входа, не обречем милости» (Творение св. Исаака С., слово 83, стр. 428).

Этой милостию, даруемою нам от Бога чрез покаяние, по святоотеческому учению, и является наше воскресение еще в земной жизни, что то же – возрождение. «Покаяние, – говорит св. Ефрем Сирианин – есть древо жизни, воскрешающее мертвых грехами..., потому что кого грех губит, тех оно воссозидает к Божией славе» («Добротолюбие», т. II, стр. 349). «Когда, – по словам св. Аввы Исаии, – оставит человек грехи свои и обратится к Богу, то покаяние возрождает его». Как говорит Апостол: якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся и во образ небеснаго (1 Кор. 15: 49). Видишь ли, что Бог дал человеку изменяться чрез покаяние и совершенно новым соделываться чрез него». («Добротолюбие», стр. 413; ср. твор. св. Симеона Н. Б.; Вып. I; сл. 30-е, стр. 118 – 119. Москва. 1882 г.).

Если русские люди, благодаря своему неверию, повинные в активном восстании против Самодержавной Царской власти, покаются в смысле изложенного святоотеческого учения и, тем самым, уничтожат в себе почву, на которой возрос и совершился этот сатанинский грех противления, то само собою изменится их отношение к Царской власти из отрицательного на положительное.

Что же касается множества русских людей, не отступавших от православной веры, но повинных в той или иной мере в предательстве Царя своим попустительством, то их покаяние должно состоять в открытом исповедании истины, что одною из основ возрождения России является Царская Самодержавная власть Помазанника Божиего. Будем свидетельствовать, что никакая иная форма правления в России не приемлема, что наш государственный строй только может быть сообразным православной вере русского народа, так как только об этой власти говорят нам Богооткровенные писатели и св. отцы, как о происшедшей от Бога, свидетельствуют о ее неприкосновенности, требуют почитание ее, которое должно выражаться в наших молитвах за Царя и его власть, как основу благоденственной жизни, и в нашем ей повиновении.

О происхождении Царской власти от Бога мы имеем прекрасное, основанное на Св. Писании, учение Московского Митрополита Филарета. Имея в виду слова Ап. Павла: несть бо власть, аще не от Бога; сущие же власти от Бога учинены суть (Рим. 13: 1), он говорит: «В семействе должно искать начатков и первого образца власти и подчинения, раскрывшихся потом в большем семействе – государстве. Именно: отец есть... первый властитель... но как власть отца не сотворена самим отцом и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека: то и открывается, что глубочайший источник и высочайшее начало первой власти, а следственно и всякой последующей между людьми власти, есть в Боге – Творце человека. Из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется (Ефес. 3: 15); потом, когда сыны сынов разродились в народ и народы, и из семейства возросло Государство, необъятное для естественной власти отца, – Бог дал этой власти новый искусственный образ и новое имя в лице Царя, и таким образом Его Премудростию царие царствуют (Притч. 8: 15). Во времена неведения,

когда люди забыли Творца своего... Бог – вместе с другими тайнами Своими – и тайну происхождения предержавшей власти даже чувственным образом представил пред очами мира в избранном для сего народе еврейском; именно: в патриархе Аврааме чудесно вновь сотворил он качество отца и постепенно произвел от него племя, народ и царство; Сам руководил патриархов сего племени; Сам воздвигал судей и вождей сему народу; Сам царствовал над сим царством (1 Цар. 8: 7); наконец, Сам воцарил над ним царей, продолжая и над Царями чудесное знамение Своей верховной власти. Посему Бог и называется Царь царствующих и Господь господствующих, Им же царие царствуют. Вышний владеет царством человеческим и Ему же восхощет даст е. Господне есть царствие и Той обладает языки (Пс. 21: 29). В руке Господне власть земли, потребного воздвигнет во время на ней (Сир. 10, 4). («Христианское учение о Царской власти из проповедей Филарета Митрополита Московского», стр. 6–7, М. 1901 г).

Говоря о происхождении от Бога Царской власти в ветхозаветные времена, М. Филарет дополнительно указывает, что и в новозаветный период времени Царская, уже христианская, власть, начиная с Константина, произошла тоже от Бога. Это случилось после того, как Господь Сам обратил Константина в христианскую веру перед битвой его с Максентием чудесным явлением ему в солнце креста с надписью: «Сим побеждай». Вслед за тем Господь явился Константину во сне и повелел ему сделать знамя, подобное виденному на небе и употреблять его для защиты от врагов. Св. Константин исполнил повеленное ему от Бога, победил Максентия, сделался единовластным государем римской империи и крестился (Евсевий, «О жизни Константина», кн. 1, гл. 28–29).

Тем же Своим дивным промыслом Господь обратил в православную веру и нашего князя Владимира, основоположника христианской Царской власти в русском православном народе.

Ясно отсюда, что и христианская Царская власть получила свое происхождение непосредственно от Бога, Небесного Царя. («Христ. учение о Царской власти», М. Филарет, стр. 13–14).

Нет нужды доказывать, что Божественное Откровение в своем свидетельстве о происхождении Царской власти от Бога в то же время говорит нам, что она есть власть Самодержавная. Это Самодержавие исходит из самой природы власти. Ведь никто из людей, водимых голосом разума и совести, не будет оспаривать естественное и Божественное право отца налагать свою волю на детей, требовать от них ее исполнения и наказывать их за ее нарушение. Всякое ограничение детьми воли отца и нежелание повиноваться ей в то время, когда она соответствует воле Божией, есть ничто иное, как преступление. Власть отца по отношению к своим детям является Самодержавной.

Такою же Самодержавной является и власть Царя, ибо он получает ее не от народа, и потому она не может быть народом ограничена и перед ним ответственна. Царская власть, как происшедшая от Бога, только перед Ним ответственна и может ограничиваться только волей Самого Бога, его

святыми законами, с которыми она должна строго сообразоваться, не уклоняясь от них ни направо, ни налево.

Впрочем, мы находим на это и прямое указание Св. Писания. При установлении Царской власти в Ветхом Завете, Господь потребовал, чтобы Царь был полным владыкой израильского народа и его повелителем. Господь сказал израильтянам: и вы будете ему раби (1 Цар. 8, 17; срав. главы: 8–12). И будет егда сядет на Престоле власти своея, да напишет себе второзаконие сие в книзе от жрецов левитов, и будет с ним, и да чтет ю во вся дни жития своего, да научится бояться Господа Бога Своего, и хранить вся заповеди сия, и... творити я: да не возвысится сердце его от братии его, да не преступит от заповедей ни на десно, ни на лево, яко да будет многа лета во власти своей, той и сыны его с ним, в сынех израилевых^я (Втор. 17, 18–20).

Таким образом, Св. Писание, повествуя об учреждении Царской власти от Бога, свидетельствует о ее Самодержавности. Но вместе с тем Божественное Откровение показывает нам и ее благодетельное значение для народа. Господь учредил Самодержавную власть Царя для того, чтобы он спасал израильский народ от врагов его (1 Цар. 9: 16). Эта власть обеспечивает тихое и безмолвное житие... во всяком благочестии и чистоте (1 Тим. 2, 1–2), являясь источником временной счастливой, святой и спасительной нашей жизни.

О единодержавной или Самодержавной власти Царя и о ее великом благотворном для нас значении учит тот же Митрополит Филарет. «Как небо, – говорит он, – бесспорно лучше земли, и небесное лучше земного: то так же бесспорно лучшим на земле должно быть признано то, что на ней устроено по образу небесного, как и сказано было Боговидцу Моисею: Виждь да сотвориши по образу, показанному тебе на горе (Исх. 25: 40), то есть на высоте Боговедения.

Согласно с этим Бог, по образу Своего небесного единоначалия, учредил на земле Царя; по образу своего небесного вседержительства, устроил на земле Царя Самодержавного; по образу Своего царства непреходящего... поставил на земле Царя наследственного.

Не вдадимся в область умозрений и состязаний, в которой некоторые люди – более других доверяющие своей мудрости – работают над изобретением... лучших, по их мнению, начал для преобразования человеческих обществ... Но еще нигде и никогда не создали они тихого и безмолвного жития... (1 Тим. 2: 2). Они умеют потрясать древние государства, но не умеют создать ничего прочного... Они тяготеют к отеческою и разумною властью Царя и вводят слепую и жестокую власть народной толпы и безконечные распри искателей власти. Они прельщают людей, уверяя, будто ведут их к свободе; а в самом деле влекут их от

^я Русский перевод: Но когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, (находящейся) у священников левитов, и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии; чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля. (Перевод добавлен в текст Редактором).

законной свободы к своеволию, чтобы потом полноправно низвергнуть их в угнетение.

Надежнее самодельных умствований должно учиться царственной истине из истории народов и царств... писанной не страстями человеческими, а святыми пророками Божиими, то есть – из истории древле избранного и Богоправимого народа Божия. Эта история показывает, что лучшее и полезнейшее для человеческих обществ делают не люди, а человек, не многие, а один. Так: «Какое правительство дало еврейскому народу государственное образование и закон?» – Один человек – Моисей.

Какое правительство распоряжалось завоеванием обетованной земли и распределением на ней племен народа еврейского? – Один Иисус Навин.

Во время судий – один судия спасал от врагов и зол целый народ.

Но как власть была не непрерывная, а пресекалась со смертью каждого судии, то, по пресечении единоначалия, народ приходил в разстройство, благочестие оскудевало, распространялось идолопоклонство и повреждение нравов; затем следовали бедствие и порабощение иноплеменниками. И в объяснение таких нестроений и бедствий в народе священный бытописатель говорит, что в те дни не быше Царя во Израили; муж еже угодно пред очима его, творяше (Суд. 21: 25).

Вновь явился один полномощный силою молитвы и дара пророческого Самуил; и народ огражден от врагов, беспорядки прекращены, благочестие восторжествовало.

Потом, для непрерывного единоначалия, Бог в народе Своем поставил Царя. И такие цари, как Давид, Иосафат, Езекия, Иосия – представляют в себе образцы того, как успешно Самодержавный государь может и должен служить к прославлению Царя небесного в земном царстве человеческом, а вместе с тем – к утверждению и охранению истинного благоденствия в народе своем...

И во времена новой благодати Всепромыслитель Бог благоволил призвать единого Константина, и в России единого Владимира, которые апостольски просветили свои языческие царства светом Христовой веры и тем утвердили незыблемое основание их величию.

Благо народу и государству, в котором единым, всеобщим и вседвижущим средоточием, как солнце во вселенной, стоит Царь, свободно ограничивающий свое неограниченное Самодержавие волею Царя Небесного, мудростию яже от Бога» («Христ. учение о цар. власти», М. Филарета, стр. 15–17).

Настоящее свидетельство знаменитого архипастыря русской Церкви для нас, в особенности теперь, является ценным. Митрополит Филарет принадлежит к числу таких великих святителей православной Церкви, которые насчитываются единицами. Вследствие обильных поразительных проявлений в нем даров Св. Духа – мудрости, целения недугов, прозорливости, богословского ведения, а также по святости жизни и аскетическим подвигам его можно сравнить с такими великими святителями, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов.

Тем, чем они были для всей древней Церкви в защите православия и насаждении в людях чистоты христианской жизни, тем явился для русской Церкви и Митрополит Филарет.

В данных словах своих он не только безподобно изобразил все благодетельное значение Царской Самодержавной власти в жизни ветхозаветного избранного и русского православного народа, но пророчески предрек то ужасное угнетение, в которое последний низвержен ныне Богом, а лучше сказать – сам низринулся по допущению Божию.

Причем здесь указана и причина этого несчастья, которая состоит в том, что русские люди удалились от Божественной истины Св. Писание в его учении о благодетельном значении единодержавной или Самодержавной власти. Они восприняли вместо истины диавольскую ложь тех либеральных русских вождей, вся «мудрость» которых заключалась лишь в проповеди разрушительного еврейского социалистического учение о призрачных свободах. Вся их сила была направлена только на уничтожение православной веры и основанной на ней нашей Царской власти – источника величия и славы России.

Вместе с тем, из настоящих слов Митрополита Филарета мы можем черпать для себя и указание, что следует нам, русским людям, делать теперь для спасения и возрождения нашей родины. Эти золотые слова побуждают нас направить все наши силы к тому, чтобы у нас в России была восстановлена Царская Самодержавная власть.

И мы не можем игнорировать настоящего призыва нашего великого архипастыря, ибо призыв этот основан на Божественном Откровении и святоотеческом учении. Содержание слов М. Филарета совпадает по своей сущности и принципиальному значению, в частности, – с учением величайшего исповедника и отца Церкви св. Феодора Студита.

Вот, как учит сей св. отец о значении единодержавной (Самодержавной) власти: «Един есть Господь, – говорит он, – и законоположник, как написано: одна власть и одно Богоначалие над всем. Это единоначалие источник всякой премудрости, благости и благочиния, простираясь на все, от благости Божией получившие начало, твари, без произволения их, дано по подобию Божию устроить в порядках жизни своей произвольно только одному человеку. Ибо божественный Моисей в описании происхождения мира, из уст Божиих исшедшее, приводит слово: сотворим человека по образу нашему и по подобию (Быт. 1: 26). Отсюда – учреждение между людьми всякого начальства и всякой власти, особенно в Церквах Божиих: один патриарх в патриархате, один митрополит в митрополии, один епископ в епископии, один игумен в монастыре, и в мирской жизни, если хочешь послушать, один Царь, один полководец, один капитан на корабле. И если бы во всем этом не управляла воля одного, то ни в чем не было бы строя и порядка, и не на добро бы это было, ибо разнволие разрушает все» (Добротолюбие, т. II, изд. 2-ое, Москва 1901 г, стр. 93).

Таково учение о Самодержавной Царской власти и ее значении в нашей жизни по данным Божественного Откровения и святоотеческого

учения. Но это не все. В Св. Писании мы находим учение о царе, как о Помазаннике Божиим. Избирая в цари израильские Саула, Господь повелевает пророку Самуилу помазать его елеем (1 Цар. 9: 16), что и сделал пророк, сказавший Саулу, что его осенит Дух Господень. Точно так же, когда Господь predetermined Давида быть царем израильского народа, то Он повелел тому же пророку Самуилу помазать его на царство: Наполни рог твой елеем, встань, и помажи Давида (Ibid. 16, 1, 12). И после этого помазания сошел на него Дух Святой, почему в Библии и сказано: Помаза его посреде братии его: и ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне (Ibid. 16, 13).

Отсюда ведет свое начало таинство миропомазания, которое совершалось над Царями в Византии, а затем у нас в России над великокняжескими и Царскими самодержцами.

Это помазание является многозначительным по своему значению фактом, одинаково – как для Царя самодержца, так и для его подданных, ибо оно увеличивает его авторитет и достоинство, делая его священным и осуществляя над ним слова Св. Писания: Вознесох Избранного от людей Моих: елеем святым Моим помазах его: истина Моя и милость Моя с ним (Пс. 88, 20, 21, 25).

Замечательно, что Господь за много веков до поставления Им Царя Помазанника Божиего обещал Аврааму, несомненно, как величайшую для него награду, происхождение от него царей, говоря: Возращу ты зело зело, и положу ты в народы, и царие изъ тебя изыдут (Быт. 17: 6; Слова и речи Филарета Митр. Московского, изд. 2, ч. II. Москва 1848 г., стр. 170–171). Это обстоятельство, а также тот факт, что учреждение Царя предвозвещалось за много веков прежде еще Аврааму Богом, следовательно, есть дело Его вечного predetermined, показывает нам, как высоко мыслится в очах Бога достоинство Царя Помазанника Божиего. Такое достоинство для нас должно быть понятным. Через таинство миропомазания Царь делается священной особою. С этого момента его власть окружается Божественным ореолом, что в особенности важно в глазах верующего народа для его повиновения своему Царю.

Впрочем, не один только священный авторитет дает Царю его помазание. В последнем сообщаются ему дары Св. Духа, Его Божественная благодать, необходимая для Царского управления, имеющего целью не только заботу о земном благоденствии подданных, но преимущественно с момента его помазания и заботу о их вечном спасении. С этого времени Царь своею Самодержавною властью обязывается быть покровителем православной Церкви, заботиться о водворении мира в святых Божиих Церквях, наблюдать за точным исполнением церковных постановлений в жизни подданных – и мирянами, и духовенством, в особенности – касательно чистоты православной веры, и даже иметь попечение о распространении веры среди язычников (Проф. Курганов, «Отношение между Церковью и гражданской властью». Казань, 1880 г., стр. 50).

И эта благодать не воспринималась Царями тщетно, если только они ей не противились. История Христианской Церкви показывает нам, как

покровительствовали ей цари Помазанники Божии и какие неисчислимые услуги оказали ей христианские государи в борьбе с язычниками и еретиками для торжества православной веры. Помазание делало их, благодаря их Самодержавной власти, могущественным оплотом для борьбы со злом. Вот почему св. Иоанн Златоуст учил, что Царская власть, которая была при нем, разумеется, и Самодержавной и христианской, есть именно то начало, которое удерживает пришествие в мир антихриста.

Так смотрел на Царскую власть Самодержавного Царя Помазанника и Еп. Феофан Затворник и другие светильники нашей Церкви, имея в виду тех царей, которые своею деятельностью оправдывали полученную ими благодать в таинстве миропомазания на царство. Так смотрели на царей Помазанников Божиих и все истинно верующие русские люди, сознавая, что через Богом данную Царям власть ими выполняется их Божественное предназначение быть основой благоденствия России, ограждать ее от антихристового зла и насаждать в ней христианскую жизнь.

Русские Государи были покровителями святого православия даже во всей вселенной; и свое великое благотворное влияние простирали на весь мир. Такое благодетельное значение наших царей сознавалось и иностранцами. Характерно, что наименование государя Александра III Миротворцем изошло не от русских людей, а от европейских народов. Лет пять тому назад во французском журнале «Illustration» была напечатана статья профессора римского государственного университета историка Феррера, в которой он писал, что современный кризис и колебание мира происходит оттого, что в России не стало венценосных Государей, которые держали в своих руках баланс мира всех народов земли, и, благодаря могуществу и их стремлению к миру, Европа за последние сто лет могла спокойно заниматься научным прогрессом и вместе с Америкой и другими странами обогащаться в своей промышленной и хозяйственной жизни.

Некогда прор. Исаия сказал: сие глаголет Господь Бог помазанному Моему Киру (Ис. 46: 1). Обращаясь к Киру, Царю персидскому, и объявляя его имя, Господь называет его Своим помазанником тогда, когда он еще не родился. Называет Кира своим помазанником, не потому, что над Киром будет совершено помазание, которое совершалось над Царями израильского народа, но в смысле предызбрания его для возвращения иудеев из плена вавилонского в их родную землю. «Бог, – говорит М. Московский Филарет, – назначил Кира для исполнения судьбы Своей и восстановления избранного народа израильского; сею Божественною мыслию, так сказать, помазал дух Кира еще прежде, нежели произвел его на свет: и Кир хотя не знает, кем и для чего помазан, движимый сокровенным помазанием, совершает дело царствия Божиего. Как могущественно помазание Божие! Как величествен помазанник Божий! Он есть живое орудие Божие, сила Божия исходит чрез него во вселенную и движет большую или меньшую часть рода человеческого к великой цели всеобщего совершення» («Христ. учение о Царской власти», М. Филарет, стр, 27).

Если Кир, Царь языческий, не получивши помазания с дарами Св. Духа и даже не знавший истинного Бога, но, как послушное орудие

Божественной силы, имел такое великое значение для жизни избранного народа и большей части мира, то какая же величайшая Божественная сила действовала чрез помазание Св. Духа в наших Царях Помазанниках Божиих, и какое благодетельное значение имели они для нового Израиля – избранного русского народа, и для всего мира. Да, русская либеральная интеллигенция не хотела видеть этой силы в наших Царях Помазанниках Божиих. Но диавол видел и чувствовал эту силу и потому со всем своим адом, при содействии противоцерковного русского общества, с неистовством восстал на нее. В течение многих лет сатанинским кровавым террором он изгонял ее с русской земли; и, наконец, руками представителей народа – членов Государственной Думы и других врагов России – погубил носителя сей Божественной силы – русского Царя, а вместе с ним, – русское государство. Пусть современная жизнь в России и всеобщая растерянность народов мира свидетельствуют, какую великую силу для своего народа и для вселенной имел наш Царь, который соединял в себе и Самодержавную власть, и благодать Св. Духа, как Помазанник Божий, согласно учению Св. Писания.

Но и этим еще не исчерпывается Богооткровенное учение о Царской власти. Здесь мы находим, наконец, и учение об отношении подданных к сей власти. Это отношение, как свидетельствует Слово Божие, определяется заповедями, данными людям от Бога или чрез Его Пророков и Апостолов, или непосредственно от Самого Господа нашего Иисуса Христа. Бог нам повелевает, во-первых, не прикасаться к Его Помазанникам и, во-вторых, оказывать Царю почтение, которое должно выражаться нашими о нем молитвами и повиновением ему.

Еще в Ветхом Завете Господь чрез Своего Пророка сказал: не прикасайтесь помазанным Моим (1 Цар. 16, 22). Здесь повелевает Господь подданным Царя оградить его власть от всего того, что ее колеблет и даже уничтожает; и, прежде всего, – чтобы она была неприкосновенна от недовольства и осуждения с их стороны, так как последнее колеблет авторитет Царской власти, расшатывает ее, а вместе с нею и государство. По словам Митрополита Филарета, тогда «государство будет подобно городу, построенному на огнедышащей горе: что будут значить все его твердыни, когда под ними будет скрываться сила, могущая каждую минуту все превратить в развалины? Подвластные, которые не признают священной неприкосновенности владychествующих, надеждою своеволия побуждаются домогаться своеволия; а власть, не уверенная в своей неприкосновенности, самую заботою о собственной безопасности побуждается домогаться преобладания: в таком положении государство колеблется между крайностями своеволия и преобладания, между ужасами безначалия и угнетения и не может утвердить в себе послушной свободы, которая есть средоточие и душа жизни общественной» («Хр. учение о цар. власти», М. Моск. Филарет, стр. 25–26).

Русские люди по горькому опыту теперь знают, к каким губительным последствиям для русского государства привело их недовольство Царскою

властью, их открытое осуждение Императора Николая II, доброго и православного Царя.

Конечно, не этим только осуждением власти подвластные Царю могут нарушать данную Божественную заповедь. «Прикосновение» к Помазаннику Божию происходит и чрез ограничение Самодержавной, данной ему от Бога, Царской власти в пользу народоправства. И мы знаем, с каким неистовством русские люди домогались, из-за рабского подражания европейским народам, этого ограничения. В результате было то, что эти либеральные домогательства также способствовали гибели России. Иначе не могло и быть, ибо, являясь вопиющим нарушением Божественной заповеди о неприкосновенности Помазанников Божиих, стремление русских людей к ограничению Самодержавной власти Царя были тяжким грехом отвержения ими, вместе с этою заповедию, и Самого Бога. Преступно было русским православным людям стремиться к устройству своего государственного правления по образцу конституционных и республиканских правлений Европы в то время, как мы должны были руководствоваться своею православною верою, которая повелевает нам сообразовать свою жизнь во всех ее областях с Божественным Откровением и основанным на нем святоотеческим учением.

Нет нужды говорить, каким ужасным «прикосновением» к Помазаннику Божию является низвержение подданными своего Царя. Здесь нарушение данной Божественной заповеди достигает по своей преступности высочайшей степени, почему и влечет за собою разрушение самого государства («Хр. учение о Царской власти», М. Филарета, стр. 28). Всё это произошло в жизни нашего отечества. И мы по горькому своему опыту и во всей полноте знаем всю гибельность и для себя, и для России отвержения людьми сей Божественной заповеди.

Что касается положительной заповеди, определяющей наше отношение к Царю и повелевающей нам почитать Царскую власть, то она дана Самим Господом нашим Иисусом Христом в Его словах: воздадите кесарево кесареви, и Божие Богови (Мф. 22: 21). Весьма сходственным этим Божественным словам является изречение св. Ап. Петра, сказавшего: Бога бойтесь, Царя чтите (1 Пет. 2: 17).

Удивительно, что эта Божественная заповедь о почитании Царя была дана в то время, когда цари были язычниками и даже гонителями христианства. В частности, при Ап. Петре в Иудее царствовал Ирод, о котором Деяния Апостольские говорят: возложи Ирод Царь руке озлобити некие иже от церкви. Уби же Иакова брата Иоаннова мечем. И видев, яко годе есть иудеем, приложи яти и Петра: его же и емь всади в темницу⁹⁸ (Деян. 12: 1–4). Как видно из Деяний, Петр был бы казнен Иродом, если бы Ангел Господень чудесно не избавил его из темницы и от рук Иродовых. Кроме того, Петр был предуведомлен от Самого Христа о предстоящей ему

⁹⁸ Русский перевод: В то время царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло, и убил Иакова, брата Иоаннова, мечом. Видя же, что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра, - тогда были дни опресноков, - и, задержав его, посадил в темницу, и приказал четырем четверицам воинов стеречь его, намереваясь после Пасхи вывести его к народу. (Перевод добавлен в текст Редактором).

мученической смерти от римских властей, и, несмотря на всё это, Ап. Петр проповедует почтение к Царю.

Еще более удивительным может нам показаться увещание Ап. Павла молиться за современных ему царей, в чем, прежде всего, и должно выражаться почтение к ним со стороны верующих. В своем послании Епископу Ефесской церкви Тимофею он пишет: молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения, за вся человеки, за Царя, и за всех, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте (1 Тим. 2, 1–2).

Таким образом, св. Ап. Павел не только увещевает христиан творить молитвы за царей – язычников, – но и благодарить за них Бога. Для решения этих недоумений обратимся к словам того же М. Филарета. «Неужели, – спрашивает он, – гонители и гонения могут быть предметом даже благодарности? – Недоумение это будет устранено, если примем в рассуждение, что святой Апостол есть не просто наставник, но наставник богодухновенный. Христос Спаситель и всем христианам для важных случаев, когда им нужно с особенною верностию и твердостью изрещи или засвидетельствовать истину Христову, дал такое обетование: не вы будете глаголющими, но Дух Отца вашего глаголяй в вас (Мф. 10: 20). Без сомнения, дар этот в преимущественной силе и полноте дан был Апостолу, как провозвестнику Христова учения для вселенской Церкви. Итак, святой Павел пишет наставление Ефесской Церкви; а Дух Святый в то же время благоизволяет чрез него написать наставление Церкви вселенской... Павел видит современный мрак царств языческих, а Дух в нем Божий провидит будущий свет царств христианских. Взор богодухновенного проникает будущие веки, встречает Константина, умиротворяющего Церковь и освящающего верою царства; видит Феодосия, Юстиниана – защищающих Церковь от ересей; конечно, видит далее и Владимира, Александра Невского и других распространителей веры, защитников Церкви, охранителей православия. После этого не удивительно, что святой Павел пишет: молю творити не только молитвы, но и благодарение за Царя и за всех иже во власти суть, потому что будут цари и власти не только такие, за которых надобно молиться со скорбью... но и такие, за которых, как за драгоценный дар Божий, должно благодарить с радостию» («Христ. уч. о цар. власти», стр. 34–35).

Таким образом, из объяснительных слов М. Филарета видно, что Ап. Павел в своем Богодухновенном увещании – возносить молитвы и благодарение за Царя, – имел в виду вообще Царскую власть, соответствующую своему Божественному предназначению – быть источником безмятежной и спасительной жизни для членов государства.

Но так как это увещание не дает основания полагать, что этих молитв и благодарений не следует совершать в отношении царей язычников и гонителей, то в данном случае нужно иметь ввиду слова М. Филарета, свидетельствующие, что такие молитвы и благодарения допускались христианами Ефесской Церкви, но «со скорбию». Это наблюдается и ныне – в Русской Зарубежной Церкви, которая также молится со скорбию,

умоляя Бога о вразумлении безбожной власти в России или же об освобождении от нее нашего отечества⁹⁸.

Из тех же объяснительных слов М. Филарета явствует, какой великий грех совершил русский народ, предавший своего Царя Помазанника Божиего, который не только не имел ничего общего с Царями язычниками и гонителями, но, как православный и благочестивый Государь, был источником благоденственной и спасительной для нас жизни. Вместо того, чтобы день и ночь воссылать о нем свои благодарственные молитвы, русские люди допустили его низложение на свою собственную и всероссийскую гибель.

Другим выражением почитания Царя подданными является их повиновение ему. В своем первом послании Ап. Петр говорит: повинитесь убо всякому человеку созданию Господа ради: аще Царю, яко преобладающе, аще ли же князем, яко от него посланным, во отмщение убо злодеем, в похвалу же благодетворцем (1 Петр. 2, 13–14.).

Итак, по учению Апостола, надо повиноваться Царю ради Господа. Разумеется, существуют и другие мотивы для этого повиновения. Можно повиноваться Царю в силу эгоистических побуждений, из-за личных интересов, – ради страха быть наказанными, ради тех или других выгод, наград и почестей. Можно повиноваться Царю ради любви к нему, как повинуются дети своим родителям, или ради любви к отечеству, которая движется нашею благодарностью за то, что государство доставляет нам источники пропитания, личную безопасную жизнь, образование и многие другие нужные нам житейские блага. Можно повиноваться Царю, как источнику порядка, благоденствия и могущества государства, как к основе благополучия и личного счастья всех его граждан.

Но обо всех этих мотивах не говорится в словах апостольских. Не говорится по той причине, что они не представляют собою прочных оснований для нашего повиновения Царю, ибо в чрезвычайных, катастрофических обстоятельствах жизни государства настоящие мотивы не могут дать должной силы подданным удержаться в повиновении Царской власти и сохранить страну от гибели.

Мы, русские люди, это хорошо знаем в силу того же своего горького опыта. Все второстепенные мотивы для повиновения нашему Государю Императору Николаю II пред его отречением были у нас в той или иной мере налицо. Но когда совершилось чудовищное преступление, и с головы Государя русские люди сбросили Царский венец, то указанные мотивы к повиновению Царю оказались паутиной: любовь к родине и Государю молчала, и он был оставлен без защиты и предан на величайшие нравственные муки с своей семьей.

Ясно, что высшим и самым прочным мотивом для истинного и неизменного повиновения является тот, о котором говорит Ап. Петр, призывая нас повиноваться Царю ради Господа, точнее – ради православной веры в Него.

⁹⁸ Книга «Русская идеология» писалась свт. Серафимом (Соболевским) еще в 1937 году, в самый разгар сталинских репрессий. Святитель тогда жил в эмиграции в Болгарии – *Прим. Ред.*

Только вера православная может побудить нас неуклонно повиноваться Царю, его власти и всем поставленным от него властям, ибо она говорит нам о небесном происхождении Царской власти в словах Св. Писания: владеет Вышний царством человеческим и ему же восхощет даст (Дан. 4: 29). Им царие царствуют и... вельможи величаются (Притч. 8: 15–16), несть бо власть аще не от Бога, (Рим. 13: 1) и каждый начальник Божий слуга есть, поставленный над нами для нашего же блага (Рим. 13: 4).

Только православная вера одна может побудить нас повиноваться властям (Рим. 13: 1) не только благим и кротким, но и строптивым (1 Пет. 2: 18), ибо она угрожает небесным гневом (Ефес. 5: 6) не покоряющемуся властям, как преступнику, который Божию повелению противляется (Рим. 13: 2).

Только одна вера православная может заставить нас повиноваться властям, как должно – по совести (Рим. 13: 5), а не из-за страха и каких-либо корыстных видов, ибо она предписывает нам служить им, не как людям, а как Самому Господу, и творить их волю, как волю Божию (Ефес. 6: 5–7).

Только православная вера, наконец, заставляет нас любить своего Царя истинною, неотпадающею любовью, побуждающею нас жертвовать собой, страдать и умирать за него, ибо она повелевает нам смотреть на Царя, как на Помазанника Божиего, как на отблеск Божественной славы и величия, а на законы, им изданные, как на святыню. «Там, – говорит М. Филарет, – где разум и воля человеческие покорны вере евангельской – подданные чтят и гражданские законы, как святыню, благоговеют перед властью, как пред Божественным учреждением; а где оскудевает это небесное чувство, где умы, к несчастию общества, заражаются неверием, – там не уважаются и общественные учреждения, там покорность властям кажется тяжким игом: там не может быть общественного благоденствия» («Христ. учение о Царской власти», стр. 43–44).

Так, в строгом соответствии с православною верою, относился к Царю и почитал его наш русский православный народ. Очень хорошо об этом почитании сначала великого князя, а затем Царя, свидетельствует наше русское народное творчество, дошедшее до нас в наиболее живых образцах своих – песнях, сказках, пословицах, присловиях и поговорках. Здесь, при помощи богатого русского языка, сильного по своей образности, простоте и меткости в определениях, передается сущность Богооткровенного учения о Царской власти, изложенного нами выше. И это естественно, ибо в основу своего культурного развития русским народом было положено Священное Писание. Богооткровенные истины были глубоко укоренены в умах и сердцах наших предков святою Церковию. Эти истины и выразил наш народ в кратких изречениях своей народной мудрости. Обратимся к этим изречениям.

«Государь – батюшка, надежа православный Царь», «Царь – от Бога пристав», «Царь земной – под Царем Небесным ходит». Нетрудно понять, что в эти немногие слова русский народ вложил усвоенную им Богооткровенную истину, что Царь, как отец подданных, получил свою

власть непосредственно от Бога, что он от Него поставлен управлять земным царством, и потому непосредственно Им управляется (ходит).

Еще больше мы находим изречений, в которых выразил русский народ свой взгляд на Царя, как на Самодержавного своего верховного повелителя, никем из людей неограниченного в своей власти.

«Одному Богу Государь ответ держит». «Никто, как Бог и Государь». «Народ – тело, Царь – голова». «Царское осуждение – безсудно».

Очень хорошо в этих изречениях выражается взгляд русского народа на Царя, как на Помазанника Божиего, как на священное лицо, призванное Богом творить Божественную правду, изливать на народ Божественную милость и даже ходатайствовать пред Богом за грехи всего народа своими могущественными молитвами. «Правда Божия – суд царев». «Царево око видит далеко». «За Богом молитва, а за царем служба не пропадает». «Где Царь – тут и правда». «Нет больше милосердия, чем в сердце царевом». «Бог милостив, а Царь жалостлив». «Бог помилует, Царь пожалеет». «Как весь народ вздохнет – до Царя дойдет». «Народ согрешит, Царь умолит; а Царь согрешит, – народ не умолит».

Есть в народном творчестве и такие изречения, которые требуют Царской неприкосновенности и настолько, что не позволяют подданным касаться особы Царя даже осудительною мыслью, относя недостаток Царского правления не к нему, а к его окружению: «Никто против Бога, никто против Царя». «Из-за тына (разумеется – Царских приспешников, ближних людей и временщиков) и Царю не видать». «Царские милости в боярское решето сеются». «Жалует Царь, да не жалует псарь». «Не Царь гнетет, а временщик».

Есть здесь изречения, в которых Царь изображается не только, как милующий, но и как карающий преступников смертною казнью. «Где Царь – тут и гроза». «Близ Царя – близ смерти». «Царь – не огонь, да ходя близ него – опалишься». «Гнев царев – посол смерти». «До Царя дойти – голову нести (повинную)». Но и тогда русский народ был далек от осуждения Царя. В этих случаях ответственность в глазах русских людей всецело относилась к преступникам, как «ослушникам, волкам стада государева, Царскому добру досадителям».

Все вышеприведенные изречения нашего народного творчества ярко свидетельствуют о глубоком и благоговейном почитании русским народом своего Царя. Но это почитание переходило в изумительную любовь к Царю, которая побуждала подданных прилагать к Царской личности самые трогательные, ласковые наименования, отдавать всю свою жизнь ему на служение и всегда мыслить себя и Царя, как одно нераздельное целое, в убеждении, что России нельзя быть без Царя. Вот как эта любовь, с такою беззаветною преданностью русского народа, изображается по дошедшим до нас памятникам: «Белый Царь – красно солнышко, Царь – ласковый, славный, грозный, великий». «Светится солнышко на небе, а русский Царь на земле». «Ясные очи государевы – очи соколиные», которые силою своего проникновения видят, кто «народу и государю – друг, кто ворог». «Жить – Царю служить». «Душой – Божий, телом – государев». «Русской земле

нельзя без Государя быть». «Без Бога свет не стоит, без Царя – страна не правится».

Правда, здесь, в приведенных нами изречениях народной мудрости, нет таких, которые говорили бы о необходимости молиться за Царя и повиноваться ему, что составляет, как видели мы, неотъемлемую часть в учении Священного Писания о почитании Царя. Но приведенные нами изречения о великой любви русского народа к Царю своему свидетельствуют, что эта молитва и это повиновение были в самой жизни наших предков. Это естественно, ибо, по учению св. Максима Исповедника: «кого мы любим, о том всегда помышляем и, прежде всего, поминаем в своих молитвах». А по учению Христа, – кого мы любим, того волю мы всегда исполняем: Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет (Ин. 14: 23).

Так относились к своему Царю наши предки, по свидетельству дошедших до нас образцов народного творчества. Так относился наш народ к Царю, в лице истинных сынов России, и не в далекой древности, а совсем еще недавно. Как и раньше, в глазах верующих русских людей Царь был не простым человеком, а Помазанником Божиим, образом Божественной небесной власти, Царем-Батюшкой, воплощением правды и милости Божией на земле. Истинно-русские люди не могли без слез смотреть на него. Когда приходилось русскому Царю быть среди народа, все теснились к нему, никому не хотелось оставить его, лишиться радости его лицезрения, и считали великим для себя счастьем к нему прикоснуться. Нередко, при встрече Государя, русские простые люди от восторга и умиления не могли стоять на ногах, произнести слово и невольно опускались на землю вместе с хлебом и солью, которые держали в руках.

Таким образом, сама жизнь показывала, каким великим и безценным даром Божиим был для России наш Самодержавный Царь Помазанник Божий. Он не на словах, а в действительности был главою и душою русского народа. Не стало этой души, не стало и России.

Такое наименование русского Царя мы заимствовали от того же Митрополита Московского Филарета, который говорил: «Самодержавием – Россия стоит твердо. Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства. Закон, мертвый в книгах, оживает в деяниях, а верховный государственный деятель, возбудитель и воодушевитель подчиненных деятелей – есть Царь» (Из государственного учения Филарета Митрополита Московского, изд. И. Н. Каткова).

И как права была русская народная мудрость, сказавшая: «Русской земле нельзя без Государя быть».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Несостоятельность мнений, что Самодержавный строй уже изжил себя, и что для Церкви безразлична будущая форма государственного правления в России.

Теперь, если мы хотим спасения и возрождения России, то должны всемерно стремиться к тому, чтобы у нас опять был Самодержавный Царь Помазанник Божий, который, как душа русского народа, возродит Россию, и она опять сделается великой и славной на страх всем ее врагам, на счастье своего народа.

Не будем смущаться столь распространенным, к сожалению, среди нас мнением, что Самодержавный Царский строй в России, будто бы, уже изжил себя.

Это мнение направлено против Священного Писания с целью уничтожить спасительное его на нас влияние. Ведь Царская Самодержавная власть в России была основана на словах Св. Писания. А эти слова являются глаголами вечного života (Ин. 6: 68). Дух животворит^я, сказал Господь, плоть не пользуется ни мало^б. Глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть (Ин. 6: 63). Живо бо слово Божие, и действительно, говорит св. Ап. Павел, и острейше паче всякого меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным (Евр. 4: 12).

Отсюда будет в высшей степени неразумно с нашей стороны, если мы скажем, что слова Свящ. Писание изжили себя. Но точно так же неразумно и мнение, что Царский Самодержавный строй изжил уже себя. Если слово Божие всегда должно быть для нас действенным, всегда жизненным, всегда спасительным, то и Царский Самодержавный строй России, как основанный на Слове Божиим, должен быть для нас всегда жизненным и спасительным.

Мнение о нежизненности Царской власти противоречит и самой жизни. Действительность говорит, что Самодержавная власть русского великого князя и Царя собрала воедино все подвластные им племена и народы в один могущественный государственный организм. Эта действительность показывает, что при содействии Самодержавной власти Россия достигла небывалого и изумительного развития в своей культурной жизни во всех ее областях и сделалась самым могущественным государством сравнительно с теми европейскими державами, в основе которых была не Самодержавная, единоличная, а парламентарная власть.

И в данный момент мы не можем не знать, что в Европе более сильными государствами являются те, которые управляются фактически единоличною властью^к.

Действительность говорит нам как раз о противоположном: не Самодержавный Царский строй, а парламентарный образ правление изжил себя.

Следовало бы всем разделяющим ошибочное мнение о Царской власти помнить, что оно исходило из либеральных кругов русского общества,

^я Точнее: Дух есть, иже оживляет. – *Прим. Ред.*

^б Точнее не «ни мало», а «ничтоже». – *Прим. Ред.*

^к В то время, когда писалась книга, большинство государств Европы не было демократическими. В Италии установился фашистский режим, в Германии – национал-социалистический, в Болгарии (где жил святитель), Польше, Испании, Венгрии и др. – авторитарный. Германия и Италия объективно считались самыми сильными государствами Европы того времени. – *Прим. Ред.*

которое, удалившись от Церкви и благодатной истины, перестало в последнее время мыслить своим умом, и стало руководиться абсурдным учением социализма о политической свободе с его бредовыми идеями о благах социалистического рая. А социализм, как известно, был в руках наших врагов могущественным средством для ниспровержения Царского Самодержавного строя и уничтожения самой России.

Таким образом, разделяя этот неправильный взгляд, русские люди сознательно или бессознательно будут приобщаться к тому безумию и ненависти к нашей России, которые ее погубили.

Русским людям следует руководствоваться, касательно вопроса о будущем политическом строе нашего государства, Божественным Откровением, учением св. отцов Церкви о Царской власти и учением тех великих сынов России, гениальная мудрость которых и их беззаветная любовь к России всем нам хорошо известна. Мы имеем в данном случае ввиду в особенности свидетельства о великом спасительном значении в жизни Русского народа Царской Самодержавной власти Ф. М. Достоевского и А. С. Пушкина.

Первый в своих творениях говорит, что две силы лежат в основе могущества Русского Государства: православная вера и Самодержавная власть русского Царя, который, как любящий отец, заботится о благе своих подданных и тесно сплавливает их всех в одну родственную и сильную этим единением семью.

А вот что говорил в последние годы своей жизни о нашей Царской власти Пушкин: «Зачем нужно, чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево, в законе слышит человек что-то жестокое и не братское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же его или не исполнить его никто из нас не должен: для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха – автомат: много, много, если оно достигнет того, чего достигли Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? – Мертвечина. Человек в них выветрился до того, что и выведенного яйца не стоит. Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера. Как ни хороши все будут музыканты, но если нет среди них одного, который бы движением палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. А, кажется, он сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой, да поглядывает на всех, и уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить в том и другом месте какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак – барабанщик или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного сословия» («Разговоры Пушкина», изд. Академии Наук, М. 1926 г).

Эти слова Пушкина должны быть глубоко внедрены в сердцах всех русских людей, которые всегда должны их помнить. Они имеют для нас особенную ценность не только как исходящие от гениального ума, но и как

принадлежащие человеку, в ранние годы свои бывшему по убеждениям в рядах декабристов, имевших поползновение низвергнуть Самодержавный строй в России.

Конечно, когда Пушкин произносил их, он хорошо знал, что и при Царском Самодержавии бывают большие дефекты в государственном управлении. Они неизбежно происходят тогда, когда Самодержавные монархи нарушают этот самый лучший государственный строй, вследствие их противления Божественным Законам. Тем не менее, как видим из его слов, эту форму правления в России нельзя сравнить ни с какою другой формой правления в странах, где нет Самодержавного монарха, как нельзя сравнить небо с землею.

Не будем смущаться и тем мнением, что для православной Церкви будто безразлично, какая государственная форма правления будет в нашей России. Для Церкви не может быть одинаковой власть, покровительствующая ей, и власть богоборческая. Во всяком случае, бесспорно, что советская власть в России такова, что при ее наличии русский народ, как православный, может прекратить свое бытие, а вместе с ним исчезнет и Русская Православная Церковь, как исчезали с лица земли и другие поместные православные Церкви.

Вопрос – не настал ли уже момент этой гибели, волнует сердца многих русских православных людей. И это волнение для нас будет в особенности понятным, если мы вспомним два письма великого старца Оптиной пустыни иеросхимонаха о. Амвросия к графу А. П. Т. от 1866 и 1871 г.г., с толкованием старцем двух видений, бывших одному благочестивому священнику Тверской епархии, сыну знаменитого своею святостью Ржевского протоиерея о. Матфея, и весьма для нас знаменательных, поскольку означенные письма говорят о судьбах России.

Этот священник видел во сне обширную пещеру, слабо освещенную одной лампадою; в пещере много духовенства; за лампадою образ Божией Матери, пред образом стояли в облачениях архипастырь Московский Митрополит Филарет, бывший еще в живых, и покойный протоиерей Ржевский о. Матфей. Все стояли в безмолвии и страхе. У входа в пещеру – сам священник и одно мирское лицо, духовный сын покойного протоиерея; оба они дрожат, а войти не смеют. Среди безмолвных молений слышатся ясно следующие слова: «Мы переживаем страшное время, доживаем седьмое лето». С сими словами пробуждение в большом волнении и страхе. Сон повторяется до трех раз все тот же без малейшего изменения, явный и страшный.

Вот какое толкование дал этому сну о. Амвросий: «Обширная пещера, слабо освещенная одною лампадою, может означать настоящее положение нашей Церкви, в которой свет веры едва светится. А мрак неверия, дерзко-хульного вольнодумства и нового язычества, превосходящего делами своими древнее язычество, всюду распространяется, всюду проникает. Истину эту подтверждают слышанные слова: «Мы переживаем страшное время». Живой священник и покойный протоиерей в облачении, молящиеся вместе пред иконой Божией Матери, дают разуместь, что и

прочее виденное духовенство было двоякое. Видно, достойные пастыри, живые и отшедшие ко Господу, взирая на бедственное состояние нашей Церкви, умоляют Царицу Небесную, да распрострет Она Всевышний Покров Свой над бедствующею Церковью нашей, и да защитит, и да сохранит слабых, но имеющих благое произволение ко спасению... Слова «мы доживаем седьмое лето» могут означать время последнее, близкое ко времени антихриста, когда верные чада Единой Святой Церкви должны будут укрываться в пещерах, и только всемогущие молитвы Божией Матери могут тогда укрыть их от преследования слуг антихриста⁹¹.

Второе сновидение было таково. Благочестивый священник видел, что он находится в своем доме и стоит в прихожей. В комнате за нею на простенке между окон была видна большая икона Бога Саваофа, от которой исходил ослепительный свет, не дававший возможности смотреть на нее. Далее была видна еще комната, в которой находились те же – протоиерей Матфей Ржевский и уже покойный Митрополит Московский Филарет. Она была наполнена вся книгами. Священнику непременно надо было войти в эту комнату, но его удерживал страх от поражающего света. Преодолевая страх, с ужасом, закрыв лицо руками, он проходит первую комнату и, войдя в следующую, видит протоиерея, отца своего, стоявшим ближе к двери. Он держал в руках разогнутую книгу и головою показывал, чтобы и он нашел подобную книгу и развернул ее. В то же время Митрополит, поворачивая листы своей книги, произносит: «Рим, Троя, Египет, Россия, Библия». При этих словах священник в большом страхе проснулся. Его внутренний голос дал объяснение сна, но оно было таким ужасным, что ему не хотелось бы с ним согласиться.

Объясняя последнее сновидение, старец Амвросий говорит: «Кому показано было это замечательное сонное видение, и кто слышал тогда многозначительные слова, тому, по всей вероятности, и внушено было чрез Ангела Хранителя объяснение виденного и слышанного, как и сам он сознается, что ему внутренний голос объяснял значение сна. Впрочем, и мы, как вопрошенные, скажем свое мнение, как о сем думаем.

Видение ослепительного света от иконы Господа Саваофа, и в следующей затем комнате виденное множество книг и стоящие там с книгами покойные: Митрополит Филарет и протоиерей М. А., – и произнесенные одним из них слова «Рим, Троя, Египет, Россия, Библия» могут иметь такое значение: Во-первых, все, касающееся до сотворения мира, судьбы народов и спасение людей, Господь Вседержитель открыл избранным святым мужам, пророкам и Апостолам, просветив их светом Своего Божественного познания, а ими все это передано людям, и написано в Библии, то есть в книгах Ветхого и Нового Завета.

⁹¹ Седьмое число в церковной числительности великое имеет значение. Срок времени церковного числится седмицевыми неделями. Православная Церковь содержится и руководствуется правилами семи Вселенских Соборов. Семь таинств и семь дарований Св. Духа в нашей Церкви. Откровение Божие явлено было семи Азийским церквам. Книга судеб Божиих, виденная в откровении Иоанном Богословом, запечатана семью печатями. Семь фиал гнева Божия, изливаемых на нечестивых, и проч. Все это седмиричное исчисление относится к настоящему веку и с окончанием одного должно кончиться. Века же будущий в Церкви означает восьмым числом. Шестой псалом надписание имеет таковое: Псалом Давиду в конце в песнях о восьмом – по толкованию, о восьмом дне, т.е. о всеобщем дне воскресения и грядущего страшного суда Божия... Неделя Антипасхи или св. Фомы в Цветной Троице называется неделей о восьмом, т.е. вечном дне и нескончаемом, который уже не будет прерываться темнотою ночи.

Во-вторых, множество других, виденных там книг может означать то, что всё, сказанное в Библии прикровенно и неясно, объяснено другими избранными от Бога святыми мужами, пастырями и учителями единой, соборной, апостольской, православной Церкви.

В-третьих, что митрополит Филарет и протоиерей М. А. видены были с книгами в руках, – может означать, что они в продолжении своей жизни поучались о судьбах человечества не из простых книг человеческих (в которых нередко встречаются мнения неправильные, вводящие в заблуждение), а из книг библейских, и сказанное в Библии прикровенно и неясно толковали не по своему разумению, а как объяснено в книгах мужей богодухновенных и просвещенных свыше светом Божественного познания, к чему побуждали и видевшего, чтобы и он на всё искал объяснения не в простых книгах человеческих, а в книгах святых и богодухновенных отцов православной Церкви.

В-четвертых, что протоиерей М. А. стоял в переднем углу, который обычно признается молитвенным, может означать, что он не только поучался сказанным образом, но и молился о вразумлении свыше.

В-пятых, слова «Рим, Троя, Египет» могут иметь следующее значение: «Рим во время Рождества Христова был столицею вселенной и с возникновением патриаршества имел первенство чести. Но за властолюбие и уклонение от истины впоследствии подвергся отвержению и уничижению.

Древняя Троя и древний Египет замечательны тем, что за гордость и нечестие наказаны; первая разорением, а второй – различными казнями и, наконец, потоплением фараона с воинством в Чермном море. В христианские же времена в странах, где находилась Троя, основаны были две христианские патриархии: Антиохийская и Константинопольская, которые долгое время процветали, украшая православную Церковь благочестием и правыми догматами, но впоследствии, по неведомым судьбам Божиим, подверглись владычеству варваров – магометан, – и доселе несут это тяжкое рабство, стесняющее свободу христианского благочестия и правоверия. А в Египте, вместо древнего нечестия, в первые времена христианства такое процветало благочестие, что пустыни его населялись десятками тысяч монашествующих, не говоря уже о численности и множестве благочестивых мирян, от которых они происходили. Но потом, по причине распущенности нравов, и в этой стране последовало такое оскудение в христианском благочестии, что в некоторое время в Александрии патриарх оставался только с одним пресвитером.

В-шестых, после трех знаменательных имен, «Рим, Троя, Египет», помянуто имя и России, которая в настоящее время, хотя и считается государством православным и самостоятельным, но уже элементы иноземного иноверия и неблагочестия проникли и внедряются и у нас и угрожают тем же, чему подверглись вышесказанные страны. Затем следует слово «Библия». Другого еще государства не помянуто. Это может означать, что, если и в России, ради презрения заповедей Божиих и ради ослабления

правил и постановлений православной Церкви и ради других причин, оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в конце Библии, т.е. в Апокалипсисе Иоанна Богослова.

Справедливо видевший это сновидение замечает, что объяснение, которое ему внушает внутренний голос, ужасное. Страшно будет второе пришествие Христово, и ужасен последний суд всего мира, но не без великих ужасов будет перед тем и владычество антихриста, как сказано в Апокалипсисе: и в тые дни възыщут человецы смерти, и не обрящут ея, и вожделеют умерети, и убежит от них смерть (Откр. 9: 6). Приидет же антихрист во времена безначалия, как говорит Апостол: точно держай ныне, дондеже от среды будет (2 Сол. 2: 7), т.е. когда не будет предержавшей власти» (Жизнеописание оптин. старца иеросхимонаха Амвросия. Приложения II-XI. М. 1900).

Имя великого старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха о. Амвросия пользовалось огромным духовным авторитетом в русском обществе во всех его слоях, начиная с крестьянской хижины и кончая Царским дворцом. Когда благочестивые люди приезжали из Оптиной пустыни к о. Иоанну Кронштадтскому и передавали последнему привет от о. Амвросия, то он в ответ говорил: «О, великий старец, земной поклон ему от меня!» Старца о. Амвросия посещали и знаменитые русские люди, в числе которых был и Ф. М. Достоевский⁹⁸. Имя о. Амвросия чтилось далеко и за пределами нашего отечества. Он наделен был от Бога величайшими благодатными дарами Божественного ведения, рассуждения, прозорливости, любви, утешения и целения недугов. К его словам благочестивые современники относились, как к исходившим из уст Самого Бога, и потому он был для них Божественным и спасительным руководством. Таковым он должен быть для нас и ныне, тем более, что мы вместе с Россией переживаем небывалые бедствия и не видим человеческих средств для ее спасения.

Да, приведенные слова о. Амвросия слишком болезненны для нашего сердца: они могут привести нас к печальному выводу относительно дальнейшей судьбы нашего отечества. Конечно, истолковательные слова о. Амвросия, как исходящие из его благодатно-просвещенного разума, должны исполниться. Вся сущность вопроса заключается только в том – когда последует исполнение этих слов, в данный ли период времени, или же Россия восстанет, возродится, а погибнет пред кончиною мира, как это явствует из истолковательных слов о. Амвросия.

Будем верить, что момент конечной гибели нашей родины еще не настал, ибо мы имеем пророчество величайшего угодника Божиего св. Серафима Саровского о том, что Россию, ради чистоты православия, ею исповедуемого, Господь помилует от всех бед, и она будет существовать до скончания века, как сильная и славная держава. К этой чистоте своей веры русский народ, безусловно, возвращается, несмотря ни на какие кровавые гонения, им переживаемые. Ее он свидетельствует своими великими

⁹⁸ Был у о. Амвросия и Л. Толстой. После долгой беседы со старцем, даже он – богоборец – отзывался об о. Амвросии, как о весьма мудром человеке.

исповедническими и мученическими подвигами. Очевидно, Господь восстановит Россию, и она вновь сделается великой и будет самым могущественным оплотом в мире для грядущей борьбы с самим антихристом и всеми его полчищами.

В таком случае, на истолковательные слова о. Амвросия мы можем смотреть, как на грозный предостерегающий урок, или спасительное руководство, которое побуждает нас всеми нашими силами стремиться к правой вере и благочестию, а в отношении нашей родины усердно молиться, чтобы Господь скорее освободил ее от богоборческой власти и восстановил в ней предрешающую Царскую Самодержавную власть, как источник ее возрождения.

Впрочем, мы вместе с зарубежною русскою Церковью и нашими братьями, страдающими в России, усердно возносим эти молитвы и в силу собственной потребности своего сердца. И один этот факт уже свидетельствует о том, что для Церкви далеко не безразлично, будет ли Россия и впредь возглавляться богоборческою властью.

Точно так же не безразлично для Церкви, будет ли в России после советской власти государственной формой правления не Царская Самодержавная власть, а конституционная или республиканская, что то же – власть народа или толпы. Православная Церковь не может предпочесть власть народа Царской власти по той причине, что народоправство не есть Богоустановленная власть, ее нельзя отнести к той, о которой сказал Ап. Павел: несть бо власть, аще не от Бога; сущие же власти от Бога учинены суть (Рим. 13: 1). Говоря эти слова, Апостол имел в виду форму существующей («сущей») в его время власти, т.е. Царскую Самодержавную, или единодержавную власть и все ее разветвление в лице отдельных начальников, подчиненных Царю. Вот почему он просит Ап. Тимофея совершать молитвы, моления, благодарения, прежде всего, за Царя и за всех начальствующих, чтобы провождать тихую и безмятежную жизнь во всяком благочестии и чистоте (1 Тим. 2: 1–2). Только эту Царскую власть имеет в виду и другой величайший Апостол Петр, когда призывает христиан ей повиноваться, говоря: повинитесь убо всякому человеку созданию (т.е. всякому, по словам М. Филарета, от Бога устроенному над человеками начальству) Господа ради, аще Царю, яко преобладающе: аще ли же князем, яко от него посланным, во отмищение убо злодеем, в похвалу же благотворцем (1 Петр. 2, 13–14).

Совершенно напрасно под апостольскими словами: несть бо власть, аще не от Бога, некоторые подразумевают, наряду с Царскою единодержавною властью, власть республиканскую и конституционную⁹⁸. Самый текст апостольского учения о власти свидетельствует, что здесь всё время говорится только о Царской Самодержавной власти.

За это говорит и здравый смысл: как могли Апостолы разуметь под Богопоставленной ту власть, которая Царскую Богопоставленную власть ниспровергает. А республика есть ниспровержение монархии, даже

⁹⁸ Несколько лет назад в русской заграничной прессе был напечатан ряд статей, в которых даже советская власть признавалась богопоставленной.

посредством всякого насилия, вплоть до кровавого террора (А. Тихомиров. Монархич. государ., ч. 1, стр. 103–104).

Нельзя иначе, как ниспровержением Богоустановленной Самодержавной монархической власти, назвать и конституцию. Правда, здесь личность монарха сохраняется, но власть захватывается народом, как в республике, чем фактически уничтожается Богоустановленный монархический принцип и создается неестественное и тяжелое положение Царя, при котором он «царствует», но не управляет (Ibid., стр. 47–48).

Очень хорошо выявляет несостоятельность такого положения, а вместе с ним и конституционно-государственного строя, Царь Иоанн Грозный. В ответ на порицание его поступков кн. Курбским, как несоответствующих, по свидетельству последнего, народному праву других стран, Иоанн Грозный писал ему: «О безбожных человецех что и глаголати! Понеже тии все царствиями своими не владеют: как им повелят подданные («работные»), так и поступают. А российские Самодержавцы изначала сами владеют всеми царствами (т.е. всеми частями Царской власти), а не бояре и вельможи... Если бы у вас, – говорит Иоанн Грозный Шведскому Королю, – было совершенное королевство, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля в товарищах не были бы». По словам Грозного, Шведский король «точно староста в волости». А Польскому королю Стефану Баторию чрез его послов тот же русский Государь заявил: «Мы, смиренный Иоанн, Царь и Великий Князь всея Руси, по Божиему изволению, а не по многмятежному человеческому хотению» (А. Тихомиров. Монархич. государ., ч. III стр. 42, 43; 1923 г).

Таким образом, как власть республики, так и конституционной монархии, одинаково, не только не являются Богоустановленною властью, но самое их бытие начинается с ее отрицания. Ясно, что не Божественная воля, выраженная в Св. Писании, а человеческая многмятежная, греховная воля с открытым ниспровержением Богооткровенного и святоотеческого учения о Царской Самодержавной власти лежит в основе республиканского и конституционного строя.

Поэтому св. Церковь наша не может закрыть своих глаз на отсутствие религиозной основы в демократическом образе правления. Следовательно, она не может быть безразлична к будущему политическому строю нашей страны. Иначе сказать: св. Церковь не может желать водворения в России республиканского или конституционного строя. Она может содействовать восстановлению у нас только исконного государственного строя, каковым была всегда единоличная великокняжеская или Царская Самодержавная власть Помазанника Божиего, как власть самая близкая к Церкви и родственная ей, ибо она имеет своим основанием Божественное Писание и святоотеческое учение, что является источником и нашей православной веры.

Не может наша Церковь с безразличием отнестись к появлению в будущей России, вместо Царской Самодержавной власти, той или другой формы демократического правления и по той причине, что конституция и республика не соответствуют религиозно-нравственному идеалу русского

народа. Этот идеал, как видели мы, состоит в устремлении русских людей к святости, что то же, к единению со Христом чрез правую веру и любовь со всеми ее христианскими добродетелями. Эта вера и эта любовь, о чем мы говорили выше, были отличительными свойствами русского народа, чем поражали они иностранцев. Эти религиозно-нравственные черты были доминирующими в жизни русского народа до Петра I, показывая, с какой силою стремились русские люди того времени к своему идеалу – или к осуществлению своего, Богом данного ему, высшего предназначения, вследствие чего над ними исполнялись слова Христа: вы есте соль земли, вы есте свет мiра; тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на Небесех (Мф. 5: 13-14, 16). В этом идеале было заложено земное счастье и вечное спасение русского народа, а также его мировая религиозно-нравственная миссия.

Но это «святое святых» русского народа не имеет ничего общего с конституционной и республиканской формой правления. Здесь человеческая личность не может найти поддержки в осуществлении своих высших религиозно-нравственных запросов. Здесь самым главным делом является политическая партийная борьба не на живот, а на смерть, и с точки зрения этой борьбы расценивается личность, которая с ее духовными интересами совсем не нужна демократическому строю, а нужна, как механическая частица государственной машины, как количественная сила. И это понятно. Демократическое государство управляется не этическим, а юридическим началом (Л. Тихомиров. Монархич. государ., ч. II, стр. 83). А юридический закон, как выразился Пушкин, есть дерево и весьма далек от высших стремлений человеческой личности. Высшим благом здесь является воля народа, для которой не обязательны нравственные начала (Л. Тихомиров. Монархич. государ., ч. III, стр. 150). И так как демократическое государство основано на количественной силе, то нравственная сила ему даже враждебна (Ibid., ч. II, стр. 316–317).

Ясно, что конституционный и республиканский государственный строй не может иметь какого бы то ни было соответствия самому высшему влечению русского народа, его религиозно-нравственному идеалу.

Зато монархия в России, как нельзя лучше, соответствует этой идеологии; о чем уже говорит самое назначение монархической верховной власти, которое состоит в том, чтобы монарх был представителем идеала народной жизни и направлял государственную деятельность сообразно этому идеалу (Ibid., ч. II, стр. 203).

Как мы уже говорили, это монархическое свое назначение осуществлялось великим князем, а затем царем и на деле. Царь и в своей личной жизни, и в государственной деятельности был выразителем народного идеала⁹⁸. Являясь первым и верным сыном Церкви, он был и покровителем русского народа в удовлетворении его высших религиозных потребностей, будучи в то же время в других областях его жизни по преимуществу олицетворением милости и отеческой любви. В нем

⁹⁸ Конечно, мы не имеем в виду Петра I и Екатерину II.

человеческая личность подданных находила могущественную поддержку и удовлетворение во всех ее духовных порывах и высших ценностях.

А так как для русского народа духовная сторона его жизни была дороже всего на свете, то отсюда будет понятно, почему русский народ относился с такою великою любовью к своим монархам, всецело им доверялся, отличался беззаветною им преданностью, до готовности полагать за них свою жизнь, и свято охранял права их Царской Самодержавной власти.

Интересно отметить, что эта преданность русских людей своему Царю и Царской Самодержавной власти не могла поколебаться даже в период смутного времени. А между тем, тогда для русских людей могло быть очевидным умаление авторитета Царской власти, которая не могла предотвратить смуты и справиться с нею. Ясно было и то, как омрачена была в сознании народа самая монархическая идея деяниями самозванцев-авантюристов.

Но в допетровскую эпоху русский народ в целом был не тронут в своей вере, он не изменял еще своей идеологии. Поэтому, в то время, как бояре, пользуясь кризисом Царской власти, делали попытки ограничить ее – сначала в отношении Василия Шуйского, а затем Михаила Феодоровича, чему благоприятствовало и проявление демократических начал казачьей вольницы, русский народ свято оберегал права Царского Самодержавия. Постепенно, при посредстве земских соборов (1620 – 1625 гг.) он уничтожил все поползновение ограничить власть Царя Михаила, как и самые ограничения, которых успели достигнуть бояре (Ibid., ч. III, стр. 52–55).

Движимый православною верою, русский народ во всех всероссийских бедствиях смутного времени винил не Царскую власть, а себя самого. Вот почему он каялся пред царем Михаилом и торжественно клялся ему, давая обещание исправиться (Л. Тихомиров. Монархич. государ., ч. III, стр. 206–208).

Этот факт является весьма знаменательным. Он показывает, что никакие несчастья смутного времени не могли разлучить русский народ с царем, и изменить его взгляда на него, как на своего Самодержавного повелителя, как на священного и неприкосновенного главу своего, как на Помазанника Божиего.

Но когда православная вера стала расшатываться в русском народе, то соответственно с этим начал изменяться и взгляд его на Царя и его власть. В данном случае нельзя не отметить восстание декабристов, бывшего в 1825 году и имевшего своею целью уничтожение у нас Самодержавного строя. Это восстание также является знаменательным фактом, только весьма прискорбным. Оно показало, что в русском народе стало меркнуть русское мирозерцание, и религиозно-нравственный идеал его стал заменяться политическим идеалом. Здесь причина изменения взгляда русских людей на Царскую Самодержавную власть.

И чем больше отходил русский народ от своего религиозно-нравственного идеала, тем сильнее и сильнее заявляло себя в русском обществе конституционное и даже республиканское движение, которое

вылилось у нас в «освободительное движение» и окончилось свержением Царя и гибелью России.

Несомненно, Господь наказал русский народ за его удаление от Него, за то, что он заменил свой религиозно-нравственный идеал, к которому был призван Богом, политическим идеалом с его стремлением к учреждению в России демократического строя, к чему русский народ никогда Богом не призывался.

Несомненно также и то, что за наше покаяние и за великие страдания русского народа и за то, что он среди всех своих небывалых бедствий сохраняет православную веру, Господь помилует его и дарует нам опять Россию. Но чтобы возродить ее, мы должны опять вернуться к своему религиозно-нравственному идеалу и на основании его воссоздать Царскую Самодержавную власть.

Итак, не трудно отсюда понять, почему наша св. Церковь не может не содействовать учреждению в России только истинного Царского Самодержавного строя, и почему она должна отвращаться от появления в России демократических форм правления, как совершенно чуждых и несоответствующих религиозному идеалу русского православного народа.

Но не в одном только этом несоответствии заключается суть дела. Демократические формы правления не только далеки от религиозной русской идеологии, но и враждебны ей. Поэтому, если та или другая демократическая власть установится в России, то Церковь будет поставлена в положение гонимой, т.е. тогда произойдет, если не юридическое, то фактическое отделение Церкви от государства. Это будет означать, что Церковь окажется без помощи со стороны государственной власти и будет поставлена в такие условия своего существования, которые должны повлечь за собою крайне угнетенное ее положение.

Не надо забывать, что демократических форм правления у нас требовали представители либерализма, в особенности, его крайних направлений, которые не только совсем порвали с религиозно-нравственным идеалом русского народа, но сделались непримиримыми врагами нашей Церкви.

С другой стороны, будем помнить, с какою ревностью, вместе с Достоевским, отстаивали наш истинный Царский Самодержавный строй М. Филарет Московский, Еп. Феофан Затворник, о. Иоанн Кронштадтский, о. Амвросий Оптинский и весьма многие достойнейшие представители православной Церкви и св. нашей Руси. Они открыто осуждали стремление к введению у нас демократического государственного строя, ибо хорошо сознавали, что этим воспользуются все враги России, чтобы погубить св. Церковь нашу, а вместе с нею и всю св. Русь.

Вне всякого сомнения, на отделение Церкви от государства русская безбожная интеллигенция во главе с ее руководителями-масонами смотрела, как на главное средство борьбы с Церковью. «Борьба против Церкви, – по свидетельству исследователей масонства, – кончится, когда отделение Церкви от государства станет совершившимся фактом, когда Церковь

станет частным обществом» (Нис: «Основные черты современного масонства». Стр. 4).

Таким образом, отделение Церкви от государства желали явные враги православной Церкви, как средства ее уничтожения. Но к осуществлению сего желания стремятся и скрытые враги Церкви, которые лицемерно, под предлогом своих, якобы, забот о благе ее, – в целях приобретения ею полной свободы и независимости от государственной власти, проповедают отделение Церкви от государства.

Конечно, это осуществимо только при введении в России демократического строя, ибо мнение, что отделение Церкви от государства допустимо и при монархической Самодержавной власти в России, является абсурдным. Истинный Самодержавный монарх не может согласиться на это отделение, ибо самое главное его назначение заключается в том, что он есть слуга Божий и покровитель Церкви, а не враг ее.

Поэтому отделение Церкви от государства могут у нас провести, по освобождении России, только враги ее, и притом, по учреждении в ней того или иного демократического строя правления, в котором заложена гибель нашей Церкви.

Отсюда ясно, что Церковь не может быть безразличной к тому, какой государственный строй будет в России; она может ради своего собственного блага и ради возрождения своей родины стремиться к восстановлению в ней только одного государственного строя – Самодержавной власти Царя Помазанника Божиего.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Призыв к восстановлению в будущей России истинного Самодержавия на основе симфонии властей. Толкование теории симфонии. Ее осуществление в Византии и России.

Будем и мы вместе с нашей Церковью стремиться к получению от Бога этой величайшей Его милости. Но будем всемерно содействовать тому, чтобы Самодержавная Царская власть была не абсолютистской и деспотической, а истинной монархией. Таковою она и явится, если будет ограничена Церковью в смысле такого к ней отношения, при котором Царская власть будет руководиться законами Божественного Писания и св. каноническими правилами. Иначе сказать, истинная Самодержавная Царская власть та, которая относится к Церкви на основе симфонии властей.

Теория этой симфонии, взятой из IV-й новеллы Юстиниана, изложена в Славянской Кормчей⁹¹, в начале 42-й главы. Здесь говорится: «Великая паче иных, иже в человецех есть дара Божия, от Вышняго дарована человеколюбия Божия, священство же и царство; ово убо Божественным служа сеже человеческими владея и пекийся: от единого же тогожде начала обоя происходят человеческое украшающее житие, якоже ничтоже тако

⁹¹ Православная русская Церковь управлялась на основании греческого Номоканона (называвшегося позднее Кормчей книгой), принесенного в Россию из Царьграда вместе с православною верою.

бывает поспешение царству сего ради, якоже Святительская честь: о обоих самех тех присно вси Богови молятся: аще бо они непорочни будут во всем и к Богу имут дерзновение и праведно и подобно украшати начнут преданные им грады, и сущее под ними будет согласие некое благо, во еже добро человечестей даруя жизни».

Мы поэтому имеем величайшую заботливость о сохранении истинных догматов и о почитании священства; верим, что при почитании его Бог пошлет величайшие нам блага, утвердит те, которые уже имеем, и мы приобретем те, которых еще не было до сих пор. Всё хорошо идет, если принцип дела правилен и приятен Богу.

«Сему быти веруем, аще священных правил блюдение сохранится; их же праведно похваляемии самовидцы Божию славу предаша Апостоли и святии отцы сохраниша же и заповедаша» (М. В. Зызыкин. Профессор Варшавск. Университета. «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи», ч. I, стр. 85. Варшава, 1931 г. Сравн. ч. II, стр. 10).

Итак, в начале настоящей симфонии властей указывается, как самая первая мысль, о различии священства и царства. По терминологии восточных иерархов, здесь слово священство взято, как часть вместо целого, почему под словом священство надо вообще разумеать Церковь. Как видно из текста симфонии, это различие выражается в том, что Церковь служит Божественному, небесному, а государство – человеческому, земному. Это различие полагается здесь во главу угла, ибо симфония властей должна исходить из отличия Церкви от государства, в особенности в представляющих их властях: церковной и Царской. Если этого отличия не будет, то о симфонии не может быть и речи. Тогда, при слиянии двух властей в одну, произойдет или цезарепапизм, или папоцезаризм.

Истина о существовании на земле Церкви и государства, как учреждений различных друг от друга, со своими различными властями, является бесспорной. Она коренится в словах Христа: Воздадите убо кесарева кесареви, и Божие Богови, (Мф. 22, 21) и в словах Ап. Павла о суде Церкви, который он противопоставляет суду государства. (1 Кор. 6, 1–7)

О ней свидетельствует 30-е Апостольское правило и 3-е правило III Всел. Собора, запрещающие получать епископскую власть чрез светских начальников; а также правила: 11, 6, 12 Антиохийского и 117 Карфагенского Соборов, запрещающие клирикам обращаться в светские судилища.

Истина о данном различии явствует и из учения св. отцов, которые не только говорили о различии Церкви и государства, но и о превосходстве первой над последним, конечно, в духовном отношении, поскольку небесные блага, даруемые чрез Церковь, важнее благ земных, получаемых от государства. Вот почему св. Иоанн Златоуст говорит, что «священство настолько превосходить царство, насколько дух превосходит тело. Духовная власть Церкви поднимается над светской более, чем небо над землей» (Слово о священстве). «Закон Христов, – говорит св. Григорий Богослов в своем 17-м слове, – подчинил вас (владык земных) нашей власти и нашему суду, ибо и мы также властвуем, и наша власть даже выше вашей. В самом деле, разве дух должен преклоняться пред материей, небесное пред земным». «Не

Императорам, – учит св. Иоанн Дамаскин, – дана власть связывать и разрешать, но Апостолам, преемникам, пастырям и учителям».

Об этой истине, наконец, говорит и то обстоятельство, что православная Церковь с самых апостольских времен имеет свое собственное законодательство, свое управление и свой суд наряду с такими же учреждениями в государстве.

Впрочем, не эта мысль изложенной теории об отличии Церкви от государства должна в особенности остановить наше внимание. Нам интереснее знать – в чем должно состоять самое согласие или самая симфония Церкви и государства, частнее – государственной и церковной власти? Как мы видели, эта симфония со стороны Императоров выражается в сохранении догматов и почитании священства, в чем они полагали самую главную свою заботу и за что они ожидали от Бога величайших благ.

Таким образом, в силу этой симфонии византийские императоры, прежде всего, действовали, как Божественные стражи и охранители православной веры, оказывая Церкви свое покровительство в ее борьбе с еретиками. Эта деятельность их принесла Церкви необъятную по своему благотворному значению услугу в период Вселенских Соборов, где, по низвержении еретических учений, были составлены православные догматы.

Самые Вселенские Соборы могли бы не состояться, если бы византийские императоры не принимали такого ревностного участия в деле борьбы Церкви с ересями, и не смотрели на эту борьбу и на установление догматических истин, как на первую свою заботу и на главное свое государственное дело. «Я до сих пор, – говорит св. Константин Великий по случаю донатовой ереси, – не могу стать вполне спокойным, пока все мои подданные, соединенные в братском единении, не будут воздавать Всесвятейшему Богу истинно-умного поклонения, предписываемого кафолической церковью» (Проф. Курганов. «Отношение между церковною и гражданскою властью в византийской Империи». Казань 1880 г.; стр. 39–41). В речи Императора Константина отцам Никейского Собора мы находим такие слова: «После того, как при помощи Бога Спасителя мы разрушили тиранию безбожников, выступавших открытою войной, – пусть дух лукавый не осмеливается нападать хитростию и коварством на нашу св. веру. Я вам говорю из глубины сердца: внутренние разногласия в Божией Церкви в моих глазах страшнее всех сражений... Известие о ваших разногласиях повергло меня в глубокую скорбь.. Служители Бога мира, возродите среди вас тот дух любви, который вы должны внушать другим, заглушите всякие семена раздоров». (Лебо. *Histoire du Bas Empire*, т. I, стр. 255–256. Монархическая государственность, ч. II, стр. 54–55)

Характерна в данном случае и речь Императора Маркиана, которую он произнес на VI Халкидонском Вселенском Соборе. «Когда Божественным определением, сказал он, мы избраны были на царство, то между столькими нуждами государства не занимало нас так никакое дело, как то, чтобы православная и истинная вера христианская, которая свята и чиста, пребывала безсомнительной в душах всех... Поэтому мы позаботились

созвать с этим именно намерением святы́й собор и, кажется, показали вам свое старание, чтобы, очищенная от всякого заблуждения и мрака, как благоволило Божество открыть себя людям и показало учение отцов, вера наша... внедренная в умы всех, сияла блеском своей славы». (Деяние Вселенск. Соборов, т. VI, ч. 2. Казань, 1908 г., стр. 54).

Только общепризнанный для подданных авторитет византийских Императоров, их твердая и общеобязательная верховная власть могла обеспечить ход соборных заседаний до благополучного конца, чему, как свидетельствуют деяния III Вселенского Собора (Деяние Вселенских Соборов, т. II, 1902 г), всячески мешали еретики и те смуты, которые они возбуждали, в особенности к моменту этих заседаний при обсуждении их еретических учений.

Нельзя было обойтись без покровительства государственной власти для борьбы с еретиками и по окончании того или другого Вселенского Собора, даже после утверждение соборных постановлений Императорскою властью. Еретики продолжали упорно отстаивать свое лжеучение и смущали народ открытою еретическою проповедью. Некогда св. Лев Папа Римский писал Императору Маркиану: «Мне стало известно, что хотя нечестивый Евтихий по его заслугам находится в ссылке, но в самом месте своего осуждения он еще отчаяннее разливает многие яды злохулений против кафолической чистоты, и, чтобы уловить невинных, с величайшим безстыдством изрыгает то, чего в нем весь мир ужаснулся и осудил. Итак, я нахожу полное основание, чтобы ваша милость повелела переправить его в более отдаленные и уединенные места». (Деяние Вселенских Соборов, т. VI, ч. 11, стр. 182)

И византийские императоры пресекали это дальнейшее распространение ересей среди верующих своими распоряжениями. В указе Императоров Валентиниана и Маркиана по этому поводу сказано: «По нашему повелению собрались в г. Халкидоне почтенные епископы и ясными определениями научили, что должно соблюдать относительно богопочтения⁹⁸. Итак, пусть прекратится невежественная распря, ибо поистине нечестив и святотатец тот, кто, после решения стольких епископов, предоставляет что-нибудь собственному мнению для исследования... Итак, на будущее время, пусть никакой клирик или военный, или какого-либо другого звание не осмеливается заводить общенародно, в присутствии собравшейся и слушающей толпы, рассуждения о христианской вере, изыскивая в том поводов к беспорядкам и зловерию... Не минует наказание презирающих этот закон» (Деяние VI Вселенского Собора, стр. 169).

О том же пресечении государственною властью дальнейшего распространения еретических учений говорится и в указе Императора Маркиана (Ibid., стр. 170–171).

В этом направлении был издан византийским Императором Константином Погонатом, ревностнейшим приверженцем православной

⁹⁸ Здесь имеется в виду определение VI Вселен. Халкидонского Собора о наличии в Иисусе Христе двух естеств – Божеского и человеческого, которым опровергалось учение монофизитской ереси о наличии во Христе только одного Божественного естества.

веры, вердикт (Ibid., том IV, стр. 8, Казань, 1908 г.) против монофелитской ереси после VI В. Собора, им созданного. «После того, как всё сие таким образом постановлено⁶ настоящим шестым Вселенским Собором (и утверждено подписью нашей державы), – говорится здесь, – повелеваем, чтобы никто не предпринимал чего-нибудь другого относительно веры, или не придумывал новой выдумки в догмате, или вообще не развивал учения, или не заводил речи об одной воле и одном действии... Если кто презрит настоящее наше благочестивое объявление, тот, если он епископ или клирик, или одет в монашеское одеяние, подвергнется извержению, если же состоит в чине должностных лиц, будет наказан конфискацией имущества и лишением пояса, если же находится в состоянии частного человека, будет осужден на изгнание из сего царствующего и вообще всякого нашего города и, сверх всего этого, не избежит наказания от страшного и праведного суда». (Деяние Вселен. Соборов, т. IV, стр. 254).

И не одно только упорство еретиков в своих лжеучениях побуждало Церковь искать покровительства и защиты у Императорской власти. Это упорство соединялось у еретиков с крайним насилием, вплоть до уголовных преступлений, которые они совершали в отношении православных людей⁸.

Отсюда понятно, почему Карфагенский Собор, как это видно из его 104-го правила, обратился к Императорской власти с просьбой о вооруженной помощи против еретиков-донатистов. Но отсюда явствует и то, почему VI-й Халкидонский Вселенский Собор, с выражением своей великой признательности за оказанные Императорами Валентинианом и Маркианом услуги Церкви в деле защиты и торжества православия, писал им: «Для сильных болезней нужны и сильные лекарства, и мудрый врач. Поэтому-то Господь всех приставил ваше благочестие к страданиям вселенной, как наилучшего врача, чтобы вы исцелили их приличными лекарствами. И вы, христианнейшие, принявши божественное определение, пред всеми другими приложили приличную заботливость о Церкви, предписывая первосвященникам врачество согласия. Ибо, собрав нас отовсюду, вы употребили все средства, чтобы уничтожить случившееся разногласие и укрепить учение отеческой веры» (Деяние Вселенских Соборов, т. III. Казань, 1908, стр. 280).

⁹⁰ Касательно православного учения, что в Иисусе Христе две воли и два естественных действия, в противовес монофелитскому еретическому учению, утверждавшему, что во Христе одна воля, сообразная одному Божественному естеству.

8. Известно, что во время разбойничьего собора, бывшего в 449 г., его председатель патриарх Александрийский монофизит Диоскор собственноручно избил до смерти Константинопольского Патриарха Флавиана. При его содействии были совершены и другие убийства (Деяния Всел. Соборов, т. III. Казань, 1908 г., стр. 241–242). Великим преступником оказался и другой последователь монофизитской ереси Евтихий – Феодосий. Он с толпой обманутых им людей напал на Иерусалим, произвождая там пожары, убийства почтенных мужей, разбил темницы, освободил преступников, чрез подосланную чернь пытался убить Иерусалимского Патриарха Иувеналия, убил Скифопольского Епископа Севериана и совершил много других гнусных и преступных деяний, чем вынудил Императора послать против него и его разбойничьего отряда войска во главе с великим воеводою Дорифеем (Деяния Всел. Соборов, т. VI, стр. 171–177).

Еще более насильно было совершено еретиками donatистами. Донатисты – последователи Доната, епископа нумидийского, который при избрании Цилилиана в 311 г. отказался признать его за то, что он во время гонения принужден был выдать язычникам священные книги для истребления. Донат назвал его отступником и образовал свою секту. Он проповедывал второе крещение над теми, которые вступали хотя бы из среды православных в его секту. В фарисейском самомнении его последователи считали себя святым обществом и отделились от Церкви, как греховного общества. Последователи Доната господствовали в христианских провинциях северной Африки и в 330 г. уже имели 172 епископа. В 348 г. они напали на Императорское войско, выступившее против них для обращения, и в продолжение 30-ти лет опустошали Мавританию и Нумидию. Занимались грабежом и разбоем и подвергали пыткам тех, которые не принадлежали к их еретическому сборищу. (С. В. Булгаков. Настольная книга для священно-церковно служителей. Изд. 3. Киев, 1913 г., стр. 1614.).

Вот в чем, по тексту VI-ой новеллы Юстиниана, прежде всего, должна выражаться симфония властей со стороны Императорской власти по отношению к Церкви. Поддержание Православной веры в ее догматах – это самая первая забота Императоров.

Но, как мы видели, теория симфонии требует, чтобы византийские императоры с такою же величайшею заботливостью поддерживали и все другие проявления церковной жизни, что обозначено в тексте теории симфонии словами: «о почитании священства», т.е. Церкви. Под этими проявлениями жизни Церкви, конечно, надо разумеать, прежде всего, власть иерархии, в почитании коей симфония даже видит наибольший успех в процветании царства, канонические законы Церкви и, наконец, имущественное благоденствие Церкви при содействии особых гражданских узаконений.

Что касается церковной власти, то ее самостоятельность сознавалась всеми византийскими Императорами и, хотя не всегда, но признавалась ими неприкосновенной, которой и они сами в делах веры и нравственности должны были подчиняться. В своей речи епископам на Первом Вселенском Соборе Константин Великий говорил: «Бог поставил вас священниками и дал вам власть судить мои народы и меня самого; поэтому справедливо, чтобы я подчинился вашему приговору; мне и в голову не придет желать быть судьей над вами» (Проф. М. В. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. 1-я. стр. 266). А византийский Император Маркиан в своей речи епископам на VI Вселенском Соборе сказал: «Мы для утверждения веры, а не для показания какой-либо власти, восхотели, по примеру благочестивого государя Константина, присутствовать на Соборе» (Деяния VI Вселен. Собора, т. VI, стр. 54).

Самый процесс заседаний на Вселенских Соборах показывает, что византийские императоры признавали власть Церкви от них независимой. Они не были председателями Соборов, не участвовали в решении соборных вопросов, их присутствие на них не было даже обязательным, а их комиссары, бывшие на Соборах, не оказывали никакого давления на церковное решение. Разумеется, их предложения, как представителей Императорской власти, имели большое значение, но не настолько, чтобы ими предвосхищалось то или другое соборное постановление. Эти предложения поступали только на обсуждение Собора, на его благоусмотрение, причем он мог даже не делать их предметом своего обсуждения (Деяние VI Вселенского Собора, стр. 215).

По свидетельству Иоанна Епископа Смоленского, участие Императоров на Вселенских Соборах было покровительственным, внешним, имевшим своею целью «соблюдение порядка, мира и церковного благочиния, тогда как только епископы решали религиозные вопросы в качестве Богопоставленных судей... последнее слово всегда оставалось за Церковью» (Проф. М. В. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. 1, стр. 258).

По поводу всего сказанного нами об отношении Императоров к Вселенским Соборам следует заметить, что на этих Соборах церковная власть проявлялась как законодательная, как власть высшего управления

всею Церковию и как власть судебная. Следовательно, признавая решения Вселенских Соборов от себя независимыми, императоры тем самым считали власть Церкви неприкосновенной во всех функциях церковной жизни.

Во исполнение идеи симфонии властей о почитании Церкви, императоры считали такими же неприкосновенными и все установленные властью Вселенских Соборов св. каноны. Они смотрели на них, как на священные законы, которым должны были подчиняться все члены Церкви, не исключая и их самих. Эти каноны были в их глазах неизмеримо выше гражданских законов, и они считали для себя священною обязанностью согласовать последние с первыми, заботились о том, чтобы гражданские законы не противоречили церковным, и только тогда считали их имеющими силу.

Так, в одном из постановлений Императора Юстиниана сказано: «Церковные законы имеют такую же силу в государстве, как и государственные: что дозволено или запрещено первыми, то дозволяется или запрещается и последними. Посему преступление против первых не могут быть терпимы в государстве по законам государственным».

А в 131-й новелле того же Императора Юстиниана указывается, что такими канонами, с которыми должны согласоваться гражданские законы, признаются – правила Вселенских Соборов и все, ими утвержденное, то есть правила св. Апостолов, поместных Соборов и св. отцов. Кодекс Юстиниана считает Императорский закон, по внутренним делам Церкви противный церковным канонам, не имеющим силы (Проф. М. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. 1, стр. 72).

Точка зрения о согласии закона и канона была постоянным принципом в государственном законодательстве Византии. Поэтому в Эпанагоге⁹⁴ говорится, что противоречащее правилам Церкви не должно быть допускаемо, в силу чего Император Лев Философ сделал постановление об отмене всех законов, противоречащих канонам (Тихомиров. «Монархическая государственность», ч. II, стр. 64–65).

Такое отношение византийских Императоров к церковной власти и установленным ею священным законам побуждало их, наконец, заботиться и о материальном благоденствии Церкви. История христианской Церкви сохранила до наших дней известие о том богатейшем «дарении св. Константина Великого», которое он сделал св. Сильвестру Папе Римскому после того, как он был им крещен и одновременно исцелен от своей болезни. Помимо других важнейших привилегий, св. Константин дал Папе свой собственный дворец в Риме, именуемый Латеранским, и весь город Рим и провинцию с западными областями, а свой трон перенес на восток, в город, назвавши последний по своему имени Константинополем. В той или иной мере дары в пользу Церкви делались и другими византийскими Императорами. Конечно, церковное имущество, главным

⁹⁴ Система Эпанагоги Императора Василия Македонянина – памятник IX века, в которой на основании симфонии властей решается вопрос об отношении Церкви к государству, и идеи которой вошли в последующие памятники, например, в Синтагму Матвея Властаря (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. 1, стр. 80, 313.).

образом, нарастало от приношений верующего народа во исполнение Божественной заповеди о десятинах. Эти приношения поступали в Церковь, как дар самому Богу или Божией Матери и святым, на вечный помин.

Самое главное, на что здесь надо обратить внимание, это то, что означенное церковное имущество закреплялось за Церковью, как неприкосновенное и неотчуждаемое, святыми канонами, о чем нами было сказано во второй главе.

Так как все священные каноны византийскими Императорами признавались неприкосновенными, то и эти правила в глазах их были такими же, почему церковное имущество ограждалось ими особыми законами и даже с страшными проклятиями по отношению к его захватчикам (Проф. М. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. II, стр. 296).

Итак, вот в чем состоит теория симфонии властей. В заключение этой теории выражается вера, что Господь сохранит и еще более ниспошлет византийским Императорам государственных благ, если ими будут соблюдаться правила, заповеданные от Апостолов и св. отцов. Иначе сказать, здесь говорится о том, что Господь не оставит Императоров, а вместе с ними, конечно, и все государство Своими величайшими благами, если они будут руководствоваться в своих отношениях к Церкви симфонией властей, основанной на тех же Апостольских и святоотеческих правилах, требующих от всех верующих и, прежде всего, от Императоров защиты православной веры и почитания Церкви с ее властью, законами и имуществом.

В теории симфонии властей не указано, что же должна делать для ее осуществления Церковь по отношению к государству, частнее – церковная власть по отношению к власти Императорской. Это вполне естественно. Со стороны Императоров для нарушения симфонии властей была опасность увлечься цезарепапизмом. Но церковная власть не могла произвести нарушения симфонии проявлением папоцезаризма, ибо православной Церкви совершенно не свойственны стремления папизма к господству над государством. Идеал православной Церкви состоит не в политическом владычестве над государствами, а в достижении нравственным подвигом святости и благодати Св. Духа для вечного единения со Христом в Его Царстве и здесь, и на небесах. Это Царство совсем не похоже на политическое, почему Господь и сказал Пилату: Царство Мое не от мира сего (Ин. 18: 36). Стремление Православной Церкви к политической и государственной власти было бы равносильным стремлению к самоотречению и самоуничтожению. Поэтому никто из представителей церковной власти в Православной Церкви одинаково, как в Византии, так и в России, никогда не стремился к папоцезаризму.

Однако, это не значит, что Церковь не участвует в симфонии властей и ничего не должна делать для ее осуществления во взаимных отношениях Церкви и государства. Она очень много делала для этой симфонии. Эта деятельность с ее стороны состояла в том, что она своею православною верою, низведением верующим Божественной благодати Св. Духа в

таинствах, чрез молитвы и Богослужения, чрез свое церковное просвещение и воспитание возрождает своих сынов от ветхой к новой чистой и святой христианской жизни. Эта жизнь исключает всякое порочное отношение вообще к людям и заставляет верующих, в частности к Императорам, относиться с благоговением, как к Помазанникам Божиим, свято исполнять их законы и быть преданными им до самопожертвования. Это Церковь так воспитывает своих членов и вместе с тем членов государства, что они, в моменты военных опасностей, объединяются вокруг своего Государя, как один человек, представляют из себя грозную силу для врага, не боятся смерти и совершают чудеса своим героическим духом. Здесь не в теории, а на практике Церковь свидетельствовала чрез воспитание своих духовных чад, до какой высшей меры она участвовала в данной симфонии властей.

Такова была симфония, которая осуществлялась в Византии во взаимных отношениях Церкви и государства в лице их властей. Как видим, она была основною догмою для византийского законодательства и ей приписывалось огромное государственное значение и настолько, что в осуществлении ее видели великое благо для государства, а в нарушении ее – великий для него вред.

С таким значением теория симфонии вошла в авторитетнейшие церковные акты и в государственное законодательство и после Юстиниана. Известно, что на VII Вселенском Соборе было заслушано послание епископов Константинопольскому Патриарху Тарасию, который председательствовал на этом Соборе. В послании находятся такие слова: «Он воздвиг нам рог спасения (Лк. 1: 69) и исправления в доме и богоприятном храме Единородного Сына Своего Господа и Бога Спасителя нашего Иисуса Христа. Этот рог – вы, святейший, а также и занимающие по церковному установлению второе место (в Церкви) боговенчаные и богоизбранные императоры. Священство есть освящение и укрепление царства, а царство – сила и твердыня священства... первое упорядочивает и заботится о небесном, а второе, посредством правовых норм, управляет земным. Ныне поистине средостение правды разрушено, согласие (симфония) одержало верх над разногласиями, разъединение уступило место единению и разномыслие изгладилось» (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. 1, стр.312–313).

О таком же величайшем значении симфонии властей говорится в послеюстиниановском памятнике государственного законодательства в Эпанагоге Императора Василия Македонянина. Здесь в §8, гл. 3-й отношения между священством и царством, или между Патриархом и царем, уподобляется отношению души и тела, и согласное действие, что то же – симфония между ними, – определяется, как благо государства. Еще сильнее эта мысль выражена в XII веке в послании Императора Иоанна Комнина к папе Григорию:

«Два предмета, – пишет Император, – в продолжение моего царствования я признавал совершенно отличными один от другого: это власть духовная (т.е. Священство), которая от великого и высочайшего

Первосвященника... Христа дарована Его Апостолам и ученикам, как благо неизменное, чрез которое по Божественному праву они получили власть вязать и решить всех людей, а другой предмет – это власть мирская (т.е. царство), обращенная ко временному по Божественному слову: «Воздайте кесарю, что ему принадлежит» – власть, заключенная в своей сфере. Эти две господствующие в мире власти, хотя разделены и различны, но действуют к обоюдной пользе в гармоническом соединении (симфонии), воспомоществуя и дополняя одна другую. Они могут быть сравнены с двумя сестрами – Марфой и Марией, о которых повествуется в Евангелии. Из согласного обнаружения этих властей проистекает общее благо, а из враждебных отношений великий вред» (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. 1, стр.313–314).

С таким значением теория симфонии властей перешла и к нам в Россию, и притом в ранний период существования нашей Церкви, чрез Номоканон Иоанна Схоластика^я.

Что Юстиниановская симфония была основною догмою для определения взаимных отношений Церкви и государства в лице их власти и у нас в России, об этом свидетельствует действительность русской жизни до тех пор, пока симфония не была нарушена со стороны Царской власти во второй половине XVII столетия. Эта действительность показывает, что и наши великие князья и цари действовали, как и византийские императоры, в духе этой симфонии. Поэтому и они выступали, прежде всего, как защитники и покровители православной веры, что особенно обнаруживалось на Соборах, которые созывались ими для ниспровержения ересей.

Собор 1441 г. осудил Флорентийскую унию, как известно, при ревностнейшей защите православия великим Московским князем Василием Василиевичем. Еще пред Флорентийским Собором (1438 г.) вел. князь убеждал Московского Митрополита Исидора^я не ездить в латинскую землю. Но, ввиду упорства Митрополита, сказал ему: «Если уже ты непременно желаешь идти на Собор, то приноси нам оттуда наше древнее православие, которое мы приняли от предка нашего св. Владимира, а нового и чуждого не приноси нам – мы того не примем» (Граф М. Толстой. «Рассказы из истории русской Церкви». Москва, 1873 г., стр. 262.). М. Исидор клятвенно обещал исполнить просьбу вел. князя. Но эта клятва была нарушена принятием им Флорентийской унии. Возвратившись в Москву, М. Исидор на первой же литургии поминал Папу, а по ее окончании Архидиаконом было прочитано определение Флорентийского Собора.

^я Теорию симфонии получил во второй половине XIII в. Владимирский Митрополит Кирилл от Болгарского деспота Иакова Святослава вместе с Кормчей в сербском переводе, где среди глав И. Схоластика опять было предисловие к 6-ой новелле Юстиниана с теорией симфонии. Отсюда эта теория вошла во все Рязанские Кормчие, которые были положены в основу печатной русской Кормчей, и теория симфонии властей, таким образом, оказалась в качестве действовавшего русского права. После она была напечатана в предисловии к изданному в 1655 г. Патриархом Никоном Служебнику (Проф. Зызыкин, «Патриарх Никон», ч. 1, стр. 314–315; ч. 11, стр. 97–98).

^я Митрополит Исидор – не русского происхождения. Был поставлен в Московские Митрополиты Константинопольским Патриархом без ведома Русской Церкви и великого князя.

Ввиду этого, вел. князь, тут же в храме, обличил изменника М. Исидора, назвал его еретиком, велел низвести недостойного Митрополита с Престола и созвал вышеупомянутый Собор, который не только осудил постановление Флорентийского Собора, но и самого Исидора (Ibid., стр. 268). Вот почему в «Степенной книге» сообщается, что этот князь «един обретется Богом вразумленный ревнитель по Бозе и по Его истинном законе, который осудил унию, познал Сидора волкохищного ересь, и, скоро обличив, посрамил его» (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. 1, стр. 155).

Первый Собор против жидовствующих, бывший в 1488 г. и происходивший под председательством Митрополита Геронтия, был созван великим князем Иоанном III. Трое осужденных на этом Соборе еретиков были по указу великого князя подвергнуты торговой казни. Второй Собор против жидовствующих, бывший в 1490 г., происходил под председательством Митрополита Зосимы в присутствии того же великого князя Ивана Васильевича III. Призванные на соборный суд еретики: чернец Захария, Гавриил – протопоп Новгородский – и Дионисий – поп Архангельский, – были осуждены на заточение, преданы проклятию и извержены из сана. На третьем Соборе против жидовствующих в 1504 г., происходившем под председательством Митрополита Симона, также присутствовал Государь Иоанн III. Присутствовал на нем и его сын Василий, а главным обличителем еретиков был преподобный Иосиф Волоколамский. В целях решительного пресечения ереси Собор вынужден был прибегнуть к крутым мерам по отношению к еретикам, почему виновнейшие из них: Иван Волк, Феодор Курицын, Димитрий Коноплев и др. осуждены были на смертную казнь.

На Стоглавом Соборе, бывшем в 1551 г. под председательством Митрополита Макария, присутствовал Царь Иоанн Грозный. Присутствовал он и на Соборе 1553 г., который происходил под председательством того же Митрополита Макария. На этом Соборе были осуждены еретики: Башкин и Артемий. На этом же Соборе, который продолжал свои заседания и в 1554 г., была осуждена и ересь Феодосия Косого.

На Соборе 1619 г. по делу о справщиках Дионисии, Архимандрите Троицкого монастыря, старце Арсении Глухом и священнике Иване Наседке присутствовал и Государь Михаил Феодорович вместе с двумя Патриархами: Филаретом Никитичем и Феофаном Иерусалимским.

Таким образом, как и византийские императоры, русские великие князья считали своею важнейшею обязанностью заботиться о сохранении во всей чистоте православной веры, что требовалось симфонией властей.

Но последняя, как видели мы, вменяла византийским Императорам в их первейшую обязанность почитать священство, т.е. Церковь и, прежде всего, в лице церковной власти. Это почитание со стороны великих московских князей и царей по отношению к церковной власти и проявлялось на вышеупомянутых Соборах. По примеру византийских Императоров московские великие князья и цари ограничивали свое участие на Соборах только внешним покровительственным отношением к

Церкви. Они только присутствовали на Соборах, но не стремились предвосхищать власть, принадлежащую предстоятелю Церкви, т.е. они не были председателями Соборов.

Так же, как и византийские императоры, наши русские великие князья и государи осуществляли симфонию по отношению к священным законам Церкви, святым канонам. Несомненно, постановления Соборов, которые они сами же созывали, имели значение руководства по церковным вопросам не только для всех верующих русских людей, но и для них самих. Царь Иоанн Грозный на обсуждение Стоглавого Собора, бывшего в 1551 г., представил ранее составленный «Судебник» и 69 письменных вопросов касательно разных сторон церковной жизни. По поводу всего представленного царем были вынесены определения Собора в ста главах, которые обнимали собою все стороны церковной жизни: учение, богослужение, управление, церковный суд, поведение духовенства, монашества и мирян и отношение церковной власти к гражданской⁹⁸.

В 1621 г., при Михаиле Феодоровиче, был созван Собор в связи с вопросом: нужно ли перекрещивать жениха царевны Ирины Михайловны королевича Вольдемара, который на перекрещивание не соглашался. В силу личных и политических причин Царь Михаил Феодорович желал этого брака. Но Собор не согласился отменить перекрещивание католика. И Царь, как ни тяжело ему было, покорился соборному определению (Л. Тихомиров. «Монархическая государственность» ч. III, стр. 54–65.).

Если же таково было отношение великих князей и царей русских к определениям местных Соборов, то постановление Вселенских Соборов, выраженные в св. канонах, несравненно больше имели для них авторитета и, тем более, что они были ревнителями православной веры и первыми покровителями Церкви.

Вследствие этого, наши великие князья и цари относились к св. канонам, как к законам Божественным и неприкосновенным. Тот же Иоанн Грозный на Стоглавом Соборе говорил епископам, что, если бояре или Царь прикажут им что-либо делать не по правилам св. отцов, то пусть они не слушаются, хотя бы им угрожали смертью (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. II, стр. 47.).

Так же, наконец, как и византийские императоры, наши великие князья и цари относились, во исполнение все той же симфонии властей, и к имуществу Церкви. Они считали одною из главнейших своих обязанностей заботиться о материальном обеспечении Церкви. Поэтому, начиная со святого Владимира, великие князья и цари, во исполнение Божественной заповеди о десятинах и согласно св. канонам, давали в Церковь свои дары, как Самому Богу, Его Пречистой Матери и святым, и ограждали церковное имущество своими уставами и грамотами⁹⁹.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

⁹⁸ «Стоглав» сделался сводом узаконений для церковной жизни более чем на сто лет, заменил собою «Кормчую Книгу» и был обязательным руководством для всех, не исключая и царей (Булгаков. «Настольная книга для священно-церковно-служителей», стр. 1759).

⁹⁹ См. подробнее о церковном имуществе во второй главе.

Уничтожение симфонии властей византийскими Императорами-иконоборцами и Петром I. Нарушение симфонии властей Алексеем Михайловичем. Патриарх Никон, как защитник русской идеологии. Несостоятельность обвинений Патриарха Никона в гордости.

Таким образом, наши русские великие князья и цари так же осуществляли симфонию или согласие властей, как она осуществлялась византийскими Императорами.

К несчастью, эта симфония в царствование Алексея Михайловича стала нарушаться, и в этом нарушении Россию надо поставить в аналогию с Византией. Не все византийские императоры в отношении своем к Церкви были подобны св. Константину, Феодосию Великому, Маркиану и Юстиниану. Многие из них нарушали начала симфонии. В особенности этим отличались императоры иконоборцы. В их отношениях к Церкви симфония властей была даже совсем уничтожена, так как они единолично главенствовали и над государством, и над Церковью, причем, вследствие нарушения симфонии и ее основ – православной веры и св. канонов, – они делались жестокими ее гонителями.

В таком уничтожении симфонии иконоборческими Императорами Церковь усматривает причину падения Византии. Этот взгляд ее выражается в Четьи-Минеех под 14 числом июня месяца, где мы находим такие слова: «Умножения же ради иконоборныя ереси, и проливания ради кровей безчисленных благочестия исповедников, люто от иконоборцев мучимых, отторжесе запад от области царей греческих, поставив себе царя инаго. И нача Греческий царь единою токмо Грециею обладати, и то не целою; понеже и святыи град Иерусалим с Палестиною, и Сириею, и Аравиею, такожде и Египет с подлежащими тому странами во область Сарацинскую взяты быша. Сия же вся грех ради христиан, от истиннаго благочестия отпадших, к ересем же уклонившихся, и иконы святыя поправших, от Бога попустишася».

Такое уничтожение симфонии властей у нас в России случилось при Петре I. Хотя кровавых гонений против православной Церкви, подобных тем, которые воздвигались иконоборческими Императорами, при Петре не было, зато уничтожение симфонии при нем было во всей полноте. Своими противоцерковными реформами, своею личною, противоцерковною жизнью Петр положил среди русского народа начало отступления от православной веры в протестантском направлении, по которому шли еще задолго до появления протестантизма иконоборческие императоры. В силу такого отрицательного своего отношения к православной вере Петр уничтожил и другую основу симфонии – почитание со стороны Императорской власти священства или Церкви. Им упразднена была самостоятельная церковная власть, святыя каноны им были нарушены, а церковное имущество было отнято в пользу государства. Такое уничтожение Петром симфонии властей, при его искаженной Самодержавной, вернее – абсолютистской и деспотической Царской власти, – так потрясло исконные начала русского народа, что последний,

несмотря на все покровительство Церкви русских царей XIX в., уже не мог оправиться и встать на свой заповеданный ему Богом путь осуществления религиозно-нравственного идеала – путь святой Руси. Поэтому здесь, в уничтожении Петром симфонии властей, и была заложена причина гибели России.

Но ничто в мире не делается сразу. Все происходит в порядке постепенности. В силу этого не сразу произошло уничтожение симфонии Петром. Оно имело под собою почву в виде нарушения симфонии, которое началось в царствование Алексея Михайловича вместе с появлением его «Уложения» в 1649 г. и, в частности, Монастырского Приказа.

По «Уложению», Монастырский Приказ был учрежден для суда над духовенством, не исключая Митрополитов, Архиепископов и Епископов, по гражданским делам, которые ранее были в ведении Церкви и подлежали святительскому суду. Это чисто государственное учреждение, имевшее в своем составе (за исключением начального периода своего существования) только светских лиц, было совершенно независимым от Церкви. В соответствии с этим и судьи Монастырского Приказа назначались царем, получали содержание от государства и увольнялись им без всякого сношения с Церковною властью. (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. II, стр. 261, 263, 265–266.) На практике Монастырский Приказ в своем вмешательстве в Церковные дела пошел далеко за пределы «Уложения». Он судил духовных лиц иногда и по духовным делам; стал участвовать по финансовым делам в Церковном управлении, назначать на духовные должности и заведывать частичной конфискацией церковных имуществ (Ibid., ч. II. стр. 25), при запрещении «Уложением» в его 42-ой статье XIII главы дальнейшего роста церковных имуществ чрез приобретение духовными властями вотчин (Ibid., стр. 291–293).

На эту последнюю функцию Монастырского Приказа следует обратить особенное внимание, так как, по исследованию проф. Беляева, учреждение Монастырского Приказа вызывалось не столько желанием сделать суд для всех равным и отменить привилегию духовенства в гражданском суде, сколько скрытым стремлением передать церковное имущество государству (Ibid., стр. 294).

Таким образом, здесь, в Монастырском Приказе, мы имеем перед собою покушение на уничтожение одной из двух основ симфонии. Первая основа – догматы православной веры – остаются неприкосновенными Царскою властью; зато здесь нарушается вторая основа симфонии – о почитании священства или Церкви, – отчего нарушается и вся теория симфонии, по слову Ап. Иакова: иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен (Иак. 2: 10).

Против этого нарушения, как неоспоримого зла для русского государства, вступил в борьбу Святейший Патриарх Никон, сделавшись, благодаря ей, для нас величайшим защитником симфонии властей и, вместе с этим, – проповедником истинной Самодержавной Царской власти и поборником русской идеологии. Ввиду такого значения Патриарха Никона

для русской идеологии, мы считаем необходимым остановиться подробнее на его личности.

Монастырский Приказ вызвал борьбу со стороны Патриарха Никона единственно потому, что был проникнут цезарепапистским духом, который бояре постарались внедрить в душу Царя Алексея Михайловича, желая господствовать над Церковью. Когда появилось «Уложение» (1649 г.), Царю было только 20 лет, а Патриарх Никон был тогда только Архимандритом Новоспасского монастыря и не мог противодействовать осуществлению в жизни деятельности Монастырского Приказа. Сделавшись Патриархом, он смог только добиться временного приостановления его действия. Но после ухода П. Никона из Москвы в Новый Иерусалим, бояре, действуя на слабохарактерного Царя, достигли в полной мере осуществления назначения Монастырского Приказа во всех его расширенных ими полномочиях.

Сознавая всю зловредность для государства и Церкви цезарепапистского духа, П. Никон, как это видно из его сочинения «Раззорение»⁹¹, не мог оставить без протеста деятельность Монастырского Приказа, направленную к лишению самостоятельности Церкви. Прежде всего, он протестовал против вмешательства светской власти касательно суда над духовенством по гражданским делам, отмечая нарушение этим нововведением традиций, которые вели свое начало от византийского и русского государственного законодательства. Вся сила этих традиций, по свидетельству П. Никона, заключалась в том, что они связаны были с закланиями устава св. Владимира. «Если кто», – говорится здесь, – «нарушит мой устав, будет ли то мой сын или слуга, или кто-либо из моего рода или из бояр, и вмешается в церковные дела Митрополита, которые я дал Митрополиту, и Церкви, и Епископам во всех городах, согласно канонам, тот будет судим и наказан. Если кто попытается захватить суд церковный, он лишается имени христианина, и все такие да будут прокляты св. отцами» (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон» ч. II, стр. 270).

П. Никон не мог оставить без протеста эту судебную деятельность Монастырского Приказа и потому, что видел в ней повод к еще большему вмешательству в церковные дела и захват церковной власти в светские руки с прямым нарушением св. канонов.

В особенности, одним из таких было вмешательство Монастырского Приказа в управление Церковью. «Что же сказать, – пишет П. Никон в «Раззорении», – о Митрополите Питириме, который в епархиях других епископов и по приказу Царя и вельмож совершает посвящение? Какого великого проклятия он не заслуживает, согласно тому, что избранный светскою властью низвергается вместе с посвятившим! Но теперь Архиепископы, архимандриты и попы в монастыре избраны самим царем,

⁹¹ Свое «Раззорение» П. Никон написал в 1664 г. в опровержение боярина Стрешнева и Паисия Лигарида. Этот замечательный труд не был известен в русской печати. Его перевел английский писатель Пальмер на английский язык. И уже отсюда содержание «Раззорения» стало для нас известным, благодаря весьма ценному для русской Церкви капитальному труду почитателя Патриарха Никона профессора Варшавского университета М. В. Зызыкина: «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи».

и Митрополит Крутицкий их посвящает» (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. II, стр. 26).

По поводу такого вмешательства Патриарх Никон заявляет, что для управления Церковью необходимо иметь благодать Апостолов, а не благодать на управление царством (Ibid., 1 ч. 11, стр. 25). Цитируя слова Ап. Павла и оных убо положи Бог в Церкви первее Апостолов, второе пророков, третье учителей, Патриарх Никон спрашивает: «Почему же Царь не назван на первом месте по высоте Царской власти? Каждый должен знать свою меру» (1 Кор. 12, 28–31; Проф. Зызыкин. «Патр. Никон», ч. II, стр. 27).

В этом захвате царем церковной власти по управлению Церковью Патриарх Никон видит то отступление от Св. Писания и св. канонов, которое будет почвою для появления антихриста (2 Сол. 2: 3). По его словам, Царю следовало бы быть образцом соблюдения св. канонов для всех, и в государственном законодательстве не делать отступления от них. Но это отступление, эта апостасия⁹¹ уже явилась, и потому можно ожидать осуществления предсказаний Апостола о вещах грядущих; исполнения того, что было открыто Богом пророку Даниилу. «Как Мидийская империя, – говорит Патриарх Никон, – была разрушена Вавилоном, а Вавилонская – Персидской, а Персидская – Македонской, а Македонская – Римской, так Римская должна быть разрушена антихристом, а он – Христом». (Проф. Зызыкин. «Патр. Никон» ч. II, стр. 24–25).

Очевидно, Патриарх Никон в понятие Римской империи включает и Россию, как продолжение первой в отношении унаследования от нее Императорской государственной власти, в которой еще св. Иоанн Златоуст видел «удерживающего от среды» (2 Сол. 2: 7), то есть препятствие для появления антихриста.

Так же сильно протестовал Патриарх Никон и против частичной секуляризации Монастырским Приказом церковного имущества.

Хотя секуляризация, произведенная Монастырским Приказом, была частичной и касалась церковных имуществ епископов Московской области и владений патриарших, тем не менее, Патриарх Никон придавал ей огромное отрицательное значение для всего государства. И это понятно, ибо в «Уложении» была проведена мысль, что государство вообще может обращать в свою собственность имущества, которые принадлежат церковным властям и учреждениям. Патриарх Никон ясно видел, что государственная власть своим законодательством намеревается отнять от всей Церкви средство к осуществлению ее высшей задачи – церковного просвещения и воспитания русского народа, и тем предохранить его от гибели.

Отсюда понятно, почему П. Никон в своем протесте против данной секуляризации так настойчиво требовал исполнения государственною властью св. канонов, коими церковное имущество, как собственность

⁹¹ Апостасия – греч. раскол, срьс, отщепенство, отступление от догматов, от принятых основных положений исповедания, в данном случае – православия. – *Прим. Ред.*

Божия, должно быть неприкосновенным и неотчуждаемым (Кормчая; IV Всел. Соб., пр. 24; VI В. С., пр. 29; 1 пр. Двукр. Соб. и 12 пр. VII В. Соб.).

Ясно отсюда и то, почему П. Никон в том же своем протесте указывал, что захват государством церковной собственности влечет за собою страшные наказания от Бога. Он приводил в пример Царя израильского Ахава, который не много взял из того, что посвящено Богу, но гнев Божий пал на весь Израиль. Указывался им и Царь египетский Шишал, которого поразила Господь за поход на Иерусалим с целью овладеть сокровищами Иерусалимского храма, а также ассирийский Царь Сеннахирим, захотевший взять город Иерусалим и осквернить его святыню; Господь рукою Ангела поразила за это смертью 185 тысяч ассирийского войска (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. II, стр. 38.).

Впрочем, указывал П. Никон и на те несчастия, которые случились в России за частичную секуляризацию церковного имущества, напоминая о жертвах чумы 1654–55 гг., о гибели от чумы бояр, оставленных царем в Москве во главе с князем Пронским, и страшное поражение Василия Шереметьева и князя Ивана Хованского (Ibid., ч. II, стр. 300–301.).

В предчувствии несравненно больших несчастий, ожидавших Россию за отнятие церковного имущества и за поглощение государственною властью церковной, П. Никон не мог не обратить внимания Царя Алексея Михайловича на свое страшное сонное видение, бывшее ему в 1661 г. в Церкви Новоиерусалимского монастыря за утрений. Св. Петр, Митрополит Московский, явился П. Никону и повелевал предупредить Царя Алексея Михайловича, что Богу не угодны его посягательства на церковное имущество и восприятие им на себя архиерейского суда; святитель угрожал страшным наказанием Божиим за поступки Царя, которое разразится над Царскою властью в России. Это наказание было показано в видении П. Никону в виде необычайного огненного пламени, испедавшего из Московского Успенского собора и поглотившего Царский дворец.

Вообще П. Никон смотрел на «Уложение», как на противоканонические реформы, которые должны были вести Россию к гибели. Недаром П. Никон называл «Уложение» проклятою уложенною книгою (Ibid., ч. II, стр. 317). В Монастырском же Приказе он видел начало расцерковление русского государства, которое совершилось при Петре. Идея оцерковления России чрез государственное законодательство, непротивное св. канонам и проникнутое духом Церкви, или ее верою, была основным мотивом деятельности П. Никона и его борьбы с расцерковлением, которое осуществлялось чрез «Уложение» и Монастырский Приказ.

Так как оцерковление Русского государства имело своим источником истинную Самодержавную власть в ее отношении к Церкви на основе симфонии властей; а расцерковление его было ничем иным, как нарушением этой симфонии Царскою властью, которая в таком случае уже теряла свой истинный характер, то можно сказать, что борьба П. Никона была исповеднической защитой исконной русской идеологии. Борьба Патриарха была направлена к тому, чтобы Русское Государство возглавлялось истинною Царскою Самодержавною властью, при которой только и возможно

осуществление симфонии властей и, следовательно, – процветание Церкви и государства силою православной веры.

П. Никону не суждено было оказаться победителем в этой борьбе. Он пал, ибо его идея оцерковления Русского Государства не была принята царем и в особенности окружавшими его боярами. Однако П. Никон указал нам путь к возрождению России в лице истинной Самодержавной Царской власти, которая должна относиться к Церкви на основе симфонии властей.

Поэтому пусть П. Никон будет учителем всех русских православных людей в их стремлении к возрождению нашей родины. Пусть он навсегда останется для нас чистым от того нареkania на его светлый великий образ, которое могло бы подорвать его авторитет в наших глазах, если бы имело под собой достаточное основание. Мы имеем ввиду обвинения П. Никона в непомерной гордыне, которое будто бы свидетельствуется с одной стороны его стремлением к единоличному властительству над Церковью и государством, т.е. наличием в его деятельности идеи папоцезаризма; с другой – его уходом из Москвы в Новый Иерусалим, когда его папоцезаристские стремления не осуществились.

Это обвинение не соответствует действительности уже в силу того одного, что оно исходило от врагов Патриарха и, в частности, – от раскольников-старообрядцев. Последние возводили на П. Никона, при его жизни и после смерти, многие клеветнические обвинения, в числе коих было и обвинение в чрезмерной гордости. Они говорили, что П. Никон «возгордился на Царский чин и власть». Все эти клеветы уже устранены исследованиями профессора Субботина и трудом профессора Зызыкина «Патриарх Никон».

Обвинение в гордости в особенности распространял и устно, и печатно (в своей «Истории суда над П. Никоном») самый лютейший его враг Газский митрополит Паисий Лигарид, искавший первого места в Русской Церкви и готовый на все в угоду Царю и боярам. Чтобы иметь истинную оценку данному обвинению П. Никона, надо знать, что представляет собою личность Паисия Лигарида.

Последний был совершенно аморальною личностью и послушным орудием бояр в их стремлении низложить Патриарха. Он отличался крайним двуличием и вымогательством денег у Царя Алексея Михайловича и бояр. Его книга: «История Иерусалимских Патриархов» была направлена против православной Церкви в целях возвышения папской власти. Патриархи Мелетий Константинопольский и Нектарий Иерусалимский на основании этой книги предали Паисия Лигарида анафеме и отлучили его от Церкви. Царь Алексей Михайлович, весьма расположенный к Лигариду и благодарный ему за проведение дела против П. Никона, видел в осуждении Лигарида осуждение всего подъятого им никоновского дела. Поэтому он усердно просил о восстановлении Паисия в сане особой грамотой к П. Нектарию. Но так как на Иерусалимской кафедре оказался уже с 1669 г. П. Досифей, то последним и послан был ответ. Досифеи, уступая крайней мольбе Алексея Михайловича, снял с Лигарида запрещение, но чрез два месяца опять его

запретил, зная, что он тайный католик и содомит (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. ИИ, стр. 215).

Разумеется, для опровержения данного обвинения П. Никона лучше всего нам обратиться к исторической действительности и посмотреть, были ли здесь такие факты в отношениях Патриарха к Царской власти, которые обличали бы его в стремлении к папоцезаризму. Ни одного подобного факта мы не найдем. Напротив, действительность говорит о том, что П. Никон везде и всюду проповедывал учение о необходимости положить в основу взаимоотношений Царской и церковной власти идею симфонии. Это учение им было выражено еще пред самым вступлением в сан патриаршества, когда 22 июля 1652 г. в Успенском соборе он говорил Царю и боярам: «Если вам угодно, чтобы я был у вас патриархом, дайте мне ваше слово и произнесите обет в этой соборной церкви перед Господом и Спасителем нашим и Его Пречистою Матерью, Ангелами и всеми святыми, что вы будете содержать Евангельские догматы и соблюдать правила св. Апостолов и св. отцов и законы благочестивых царей. Если обещаетесь слушаться и меня, как вашего главного архипастыря и отца, во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, в таком случае я, по вашему желанию и прошению, не стану более отрекаться от великого архиерейства». (Ист. русск. Церкви М. Макария, XII; стр. 7.)

Таким образом, в этой речи своей П. Никон требовал от Царя, бояр и духовенства соблюдения догматов и св. канонов, на основании которых они должны были определять свои к нему отношения. Но эти догматы и каноны, как видели мы, являются основами симфонии властей.

Еще определеннее П. Никон выразил свое стремление к осуществлению симфонии в речи на Соборе 1654 г., когда сказал: «По словам благочестивого Царя Юстиниана, два величайшие дара даровал Бог людям по Своей благодати: священство и царство, из которых одно служит Божественным, а другое правит человеческими (делами), но оба, происходя из одного и того же начала, украшают человеческую жизнь; они тогда только могут выполнить свое призвание, если будут заботиться о сохранении между людьми Божественных заповедей и церковных правил». (Ист. русск. Церкви М. Макария. XII, стр. 140.)

То же самое стремление П. Никона ярко было выражено и в том обстоятельстве, что теория симфонии властей была помещена им в предисловии изданного им в 1655 г. Служебника. Здесь о царе и Патриархе говорится, как о «Богоизбранной сей и премудрой двоице», которая в лице Царя Алексея Михайловича и П. Никона председательствовала на Соборе 1654⁹⁸.

В своем сочинении: «Разрешение» П. Никон ясно различает власть церковную и власть Царскую, из коих ни одна не должна подавлять своим вмешательством области другой, но каждая должна блюсти свой порядок за своею собственною ответственностью. «В духовных делах, говорится здесь, воля Царя не может стоять выше церковного закона, ни в отношении какого-либо дела, принадлежащего Церкви, Царь не может делать

⁹⁸ Конечно, Царь мог быть на Соборе только в качестве почетного председателя. Проф. Зызыкин. «Патр. Никон», ч. II, стр. 50, 97-98.

установлений или действовать с властью контролирующей. Так же надо понимать и о церковных канонах, которые повелевают соблюдать и поддерживать Царские законы. Ни один человек не может противодействовать канонам Церкви, учению св. отцов и законам царства, или что-либо возражать против них: каждая имеет свой собственный порядок и права, установленные Богом, и каждая должна поддерживать и защищать свой собственный порядок для себя, на свою собственную ответственность» (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. II, стр. 60.)

На протяжении всей рукописи П. Никона в 900 страниц, переведенных Пальмером на английский язык, нет ни одного слова, которое говорило бы о требовании для Патриарха каких-либо прав в делах государственного управления.

И не только в поучениях, речах и сочинениях П. Никона нельзя найти ничего, что говорило бы о его претензии на участие в управлении государственными делами в какой бы то ни было мере. Этого совсем не было и в его деятельности. В данном случае весьма характерны слова самого Царя Алексея Михайловича, которые свидетельствуют о полном невмешательстве П. Никона в светские государственные дела. Эти слова произнес Царь в 1657 году в ответ на просьбу одного диакона о снятии с него запрещения, наложенного на него П. Никоном. «Боюсь, – сказал ему Царь, – что Патриарх Никон отдаст мне свой посох и скажет: возьми его и паси монахов и священников; я не прекословлю твоей власти над вельможами и народом; зачем же ты ставишь мне препятствие в отношении к монахам и священникам» (Ibid., ч. I. стр. 198.).

Даже титул «Великого Государя», который П. Никон не соглашался принимать, и государственное регенство в отсутствие Царя, принятое по просьбе последнего, на которое П. Никон смотрел, как на службу Государю, абсолютно не говорят о его стремлении к вмешательству в государственные дела. И то, и другое свидетельствует не о политической, а о духовной высоте патриаршества, до которого достигло оно благодаря гениальности П. Никона.

Мы можем в защиту П. Никона сказать еще больше. Он не только не вмешивался в государственные дела Царя, но и в своих церковных делах не стремился к единоличному властительству. Он привлекал к участию в них епископов русской Церкви и того же Царя, о чем свидетельствуют созванные им Соборы⁹. «Не допустимо думать, – пишет Голубинский, – что Соборы только прикрывали своеволие П. Никона. На Соборе 1654 г. был и Царь, кроме якобы деспотического Никона; если Павлу Коломенскому не мешали высказаться против, то не были заграждены уста и другим... Затем на Соборе 1666 г. единодушный голос епископов свидетельствовал, что никоновское исправление было делом всех представителей русской Церкви, кроме одного, следовательно, это было делом всей Церкви» (Голубинский. «К нашей полемике со старообрядцами», Богословский Вестник, 1892 г.).

⁹ Собор 1654 г. был созван П. Никоном для одобрения предприятия, касательно исправления церковных книг. На Соборе 1655 г. было рассмотрено и одобрено исправление Служебника. Собор 1656 г. продолжал исправление книг и установил ряд реформ, в числе коих оказалось запрещение перекрещивать католиков.

Итак, если в исторической действительности не находится никаких фактических данных обвинять П. Никона во вмешательстве в государственные дела, то нет никаких оснований и для его обвинения в непомерной гордости, которая приписывается П. Никону на основании этого мнимого его вмешательства. Все это обвинение взято из собственного ума Лигарида и исходило из злобы врагов П. Никона.

То же самое нужно сказать и относительно обвинения П. Никона в непомерной гордости на основании ухода его из Москвы в Новый Иерусалим 10 июля 1658 г. По мнению С. М. Соловьева, этот уход есть ни что иное, как протест П. Никона против лишения его прежнего значения в государстве, или – средство давления на Царя, имевшее целью заставить удовлетворить честолюбие и гордость Патриарха и вернуть его к прежнему положению в государстве. Соловьев смотрит на свое мнение, как на психологические причины, побудившие П. Никона удалиться из Москвы в Новый Иерусалим (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. II, стр.99-100).

Но это психологическое объяснение ухода П. Никона имеет своим источником взгляд на него, как на крайне гордого человека, все того же Лигарида, и потому является пристрастным и несостоятельным.

И по существу своему это психологическое объяснение является слишком не психологичным. В своем «Раззорении» П. Никон пишет: «Если бы Великий Государь Царь не обещал перед Богом и Матерью Божиею соблюдать заповеди Святого Евангелия, святых Апостолов, и святых отцов, то я бы не помыслил принять такой сан. Но Бог ведает, как Великий Государь Царь дал свой обет в Св. Церкви пред Господом и Богом и всечестным и животворящим образом Всесвятейшей Пречистой и Преподобной Девы Матери Божией и Приснодевы Марии, и пред святыми Ангелами, и пред всеми Святыми, и пред освященным Собором, и перед его Царским синклитом и перед всем народом. И пока он, Великий Государь Царь, сколько мог, держался своего обета, повинуюсь святой Церкви, мы хранили терпение. Но когда он нарушил свой обет окончательно и стал на нас несправедливо гневаться, как Господу Богу известно, тогда мы, помня свое собственное обещание соблюдать заповеди Божии, данные при поставлении в Патриархи собственноручной подписью, войдя в Святую Церковь в годовщину принесения в Москву святой Ризы нашего Господа Бога и Спасителя Иисуса Христа, и окончив святую литургию, засвидетельствовали перед Богом⁹⁸ ... безпричинный гнев Царя и ушли, помня Божественные заповеди (Мф. 10: 22): «Когда же будут вас гнать в одном городе, бегите в другой, ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий». И, выйдя из города, помня заповеди Божии: «Когда не принимают вас и не слушают вас, уходите из дома того, стряхайте прах от ног своих» (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. II, стр. 357).

Таким образом, как свидетельствует сам П. Никон, он ушел вследствие того, что Царь нарушил клятву, перестал слушать его в делах духовных, и в

⁹⁸ Имется ввиду прощальное слово П. Никона пастве, сказанное им 10-го июля, 1658 г., по окончании литургии.

прощальном слове обвинил Царя в своем уходе, поставив его в положение гонителя. Как человек в высшей степени умный и гениальный, он, конечно, не мог рассчитывать, что за такое прощальное его исповедническое слово Царь вернет его. Скорее он мог ожидать, что Царь еще более на него разгневается. Но П. Никон не мог поступить иначе, ибо безкомпромиссно боролся за истину и неуклонно требовал от Царя исполнения клятвы, данной им при вступлении Никона на патриаршество, клятвы соблюдать Божественные заповеди и св. каноны и сообразно с этим относиться к церковной власти.

Этому психологическому объяснению проф. Соловьевым ухода П. Никона надо противопоставить истинное психологическое объяснение слова П. Никона, при вступлении его на патриаршество, какое делает проф. Стенли, в целях уяснения смысла того же ухода П. Никона. По поводу требования П. Никоном от Царя клятвы 22 июля 1652 г., проф. Стенли говорит: «В самом (этом) требовании мы узнаем тот же открытый, решительный и непреклонный характер. Властолюбие, ищущее неограниченного господства, никогда не предложит таких требований и притом в минуту своего возвышения. Оно постепенно, незаметно посягает на права других. Такое требование может сделать только человек, глубоко сознающий важность предстоящих ему обязанностей и всю силу препятствий на пути к их выполнению... Каким вступил он на кафедру – строгим, решительным и непреклонным, таким чрез шесть лет он оставил ее» (Прибавл. к творениям св. отцов, 1862).

Как видим, психологическое объяснение ухода П. Никона профессором Стенли совершенно исключает возможность объяснять уход П. Никона в смысле его непомерной гордости. Напротив, на основании этого ухода оно говорит о нем, как о мужественном исповеднике Божественных заповедей и своих священных патриарших обязанностей. Проф. Стенли, как чуткий и истинный психолог, чрез уход П. Никона вскрывает в нем не гордость, а редкий дух исповедничества.

Это мнение проф. Стенли об уходе П. Никона совпадает с мнением Иерусалимского П. Нектария. Для нас это патриаршее мнение должно быть особенно ценным. В данном случае высказывается весьма авторитетное лицо, о котором его преемник Иерусалимский П. Досифей отзывался в своем письме к Царю Алексею Михайловичу, как о высоком нравственном авторитете. Помимо того, П. Нектарий находился вдали от никоновской московской смуты и не был заинтересованным лицом. Он дает положительный отзыв о П. Никоне, несмотря на то, что ему были представлены чрез иеродиакона Мелетия – друга Лигарида – от врагов П. Никона самые отрицательные сведения относительно последнего. Вот что писал (от 20 января 1664 г.) П. Нектарий Царю Алексею Михайловичу по поводу присланной грамоты. «В сей грамоте мы не нашли ни причины удаления Св. Патриарха вашего Кир Никона, сослужителя и брата нашего о Христе нашего смирения, ни другой какой вины против него, кроме пятилетнего его отсутствия... Итак, просим мы Святейшее Ваше Величество, чтобы вы не преклоняли слуха своего к советам мужей

завистливых, любящих мятежи и возмущения, а наипаче, если таковые будут из духовного сана... Несогласия и возмущения в Церкви страшнее всякой войны, ибо раздирают нетленную одежду Христову, которую не разделили и жестокосердые воины во время страдания Христова; раздирать же одежду Христову есть явный знак гибели души, за которую умер Христос... Итак, помысли о сем, миролюбивый государь, последуй кротости Давида, восприими ревность по вере православной и постарайся со тщанием паки возвести Патриарха вашего на Престол его, дабы во время священного твоего царствование не было положено злого и губительного начала сменять православных и правомыслящих о догматах веры Патриархов ваших. Сие есть начало разрушения Церкви нашей в Константинополе; оно послужило и доньше служит источником многих зол и сделало нас посрамленными перед западной церковью. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у вас не обратилось в губительную привычку. Если Никон говорит, что он не отрекался от Престола, но от непокорных, то ясно, что он обличает непокорность народа. Итак, покажите к нему достоподобное повиновение, как к строителю благодати, не обыкновенное в Церквях Божиих, но каковое предписывают Божественные законы. Отречение же его, которое, как говорят, он сделал в Церкви, может быть принято снисходительнее для соблюдения тишины, тем более, что он Кир Никон, как мы сказали, отрекался от непокорного народа, а не от Престола» (Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон», ч. II, стр. 220–221). Хотя это письмо П. Нектария написано весьма корректно и сдержанно, тем не менее по своему содержанию оно является страшным обвинительным приговором для Царя Алексея Михайловича, бояр и всех врагов П. Никона, которые на языке канонических правил рассматриваются в данном случае, как непокорная паства или непокорный народ, в силу чего св. каноны предвидят оставление его архипастырями.

Прежде всего, здесь выгораживается личность П. Никона от обвинений со стороны его врагов. Затем П. Нектарий обращает внимание Царя Алексея Михайловича на то, что в русской Церкви раздирается риза Христова, совершается ужасная церковная смута, которая страшнее всякой войны и виновником которой является сам Царь, так как он слушает людей завистливых, любящих мятежи и возмущения. Патриарх умоляет Царя с особенной заботливостью и почтительностью возвратить на Престол П. Никона и предупреждает его, чтобы П. Никон не был смещен с патриаршей кафедры, что будет поводом для русских царей так поступать в русской Церкви и впредь, и что является величайшим злом, от которого страдала и страдает Константинопольская Церковь.

Нам в данном случае следует обратить особенное внимание в этом письме П. Нектария на то, что им обвиняется в непокорности, что то же – в гордости, не П. Никон, а его непокорная паства, т.е. Царь, бояре и прочие враги П. Никона. Последний же представляется в письме как обличитель этой гордости, как мужественный безкомпромиссный духовный их глава.

Кстати сказать, эта непокорность или гордость врагов П. Никона возросла до такой степени, что они не только не вернули П. Никона на его

кафедру, но два раза – в 1662 и в 1664 гг., – когда П. Никон сам делал попытки вернуться на свою кафедру и приезжал с этой целью в Москву, – Царь и бояре изгоняли его.

Итак, попытка проф. Соловьева обвинить П. Никона в непомерной гордости, вследствие его ухода в Новый Иерусалим, не имеет под собою никаких достаточных оснований. Поэтому мы должны смотреть на уход П. Никона в Новоиерусалимский монастырь, как на средство его архипастырского воздействия на Царя, имевшее своей целью побудить последнего переменить свое противоканоническое отношение к православной Церкви и установить к ней отношение на почве симфонии. Будем смотреть на его уход, как на исповедничество, так как, если бы он не ушел, то оказался бы в числе тех малодушных людей, которые потворствовали светской власти в ее незаконном и гибельном для государства вмешательстве в церковные дела.

Будем по данному вопросу единомысленны с П. Нектарием, а не с теми, которые в своих обвинениях П. Никона исходили из клеветнических воззрений Лигарида, точнее, из его недоброго сердца, из которого, согласно словам Христа, исходят помышления злая (Мф. 15: 19). Эти помышления всегда видят одно только зло в людях, доброе превращая в злое.

Есть, наконец, и еще одно основание, в силу которого мы должны отметить мнение, что П. Никону была присуща непомерная гордость. Этим основанием является его подвижническая жизнь, увенчанная исповедническими страданиями и дарами Св. Духа.

К строго аскетической жизни П. Никон стремился с самой ранней своей юности. Впоследствии за особенную строгость своих монашеских подвигов П. Никон был избран игуменом Кожеезерской пустыни, и ради тех же своих подвигов сделался известен Царю Алексею Михайловичу, который во внимание к его истинной подвижнической жизни, а также ради его великого ума и красноречия, содействовал назначению его в архимандриты Московского Новоспасского монастыря, затем в митрополиты Новгородские и, наконец, по желанию Царя, Никон был избран Патриархом Всероссийским. Но и будучи Патриархом, Никон продолжал вести аскетическую жизнь, а когда жил в Воскресенском монастыре, то при постройке монастырских зданий сам носил своими руками наряду с работниками камни, известь, воду и прочее, как простой каменщик. Во время своего заточения он носил на теле тяжелые вериги.

Конечно, нравственные страдания, которые испытывал П. Никон от зависти, ненависти и всевозможных клевет со стороны врагов своих, были для него несравненно тяжелее аскетических подвигов. Трудно удержаться от слез при чтении повествование о суде над П. Никоном, на котором не только отсутствовали достаточные обвинения к низложению Патриарха, но имели место и крайне тяжкие оскорбления его невинной личности⁹⁸. На суде

⁹⁸ По требованию Царя, П. Никон явился на Собор, но по чину патриаршему, т.е. с преднесением креста. Не видя для себя по десяти часам простоя на ногах, слушая обвинения из уст Царя и давая на них ответы. Когда Митрополит Крутицкий Павел и Архиепископ Рязанский Иларион стали поносить П. Никона за оставление им Престола с клятвой (П. Никон оставил Престол без клятвы), а Мефодий Епископ Мстиславский поднял даже руку на судимого святителя, тогда слезы потекли из очей Царя. Государь, видя бояр молчащими, требовал улик против Патриарха. Убеденный в своей невинности, П. Никон, обратясь к Государю, сказал: «Государь, девять лет приготовлял то, в чем

присутствовали два восточных патриарха – Антиохийский и Александрийский.

Этот суд П. Никон назвал незаконным, а греческих патриархов – наемниками. Таковым действительно и был этот суд. Все обвинения, в силу которых Собор лишил патриаршей кафедры и святительского сана П. Никона, оставив ему лишь монашество, были известны и Иерусалимскому П. Нектарию. Но последний писал Царю Алексею Михайловичу, что не нашел достаточных причин к обвинению П. Никона, почему и просил вернуть его на патриаршество. Восточные патриархи, бывшие на суде, были задарены русским правительством и, кроме того, их совершенно изолировали от сторонников П. Никона, от которых они могли бы узнать всё беззаконие, совершавшееся над ним. При всем том и они колебались по поводу осуждения П. Никона. Наконец, не все русские епископы были согласны на строгое осуждение П. Никона, в особенности Черниговский Архиепископ Лазарь Баранович, один из самых просвещенных иерархов того времени, уважаемый за свою благочестивую жизнь самим Государем. К нему примкнули на Соборе Симон Архиепископ Вологодский и Мисаил Епископ Коломенский. Поэтому на втором заседании Собора вместо обвинения все безмолвствовали, несмотря на то, что Государь требовал улики против П. Никона. На последнем заседании Собора ему был объявлен приговор, коим он был лишен сана, с сохранением только иночества, и присужден к заточению на вечное покаяние в Белоезерский Ферапонтов монастырь. По прочтении приговора, тут же восточные патриархи сняли с П. Никона святительские знаки и надели на него простой монашеский клобук. П. Никон спрашивал их, зачем в отсутствие Царя и в малой церкви, а не в том соборе Успения, где некогда умоляли его вступить на патриарший Престол, ныне несправедливо и втайне его низлагают. Но ответа не получил.

После суда над П. Никоном его нравственные страдания не прекратились, но еще более стали увеличиваться. Тотчас по снятии с него сана его с ругательствами отвели на земский двор, вручили его приставам, которые осыпали его поношениями. К ним присоединился Архимандрит

хотели сегодня обвинить меня, и никто не может промолвить ни слова, никто не отверзает уст... Если же и еще девять лет будут выдумывать клеветы, то и тогда не найдут ничего против меня». Тогда Арх. Рязанский Иларион опять начал с дерзостью произносить ругательства по отношению П. Никона, на что последний сказал: «Уста пастыря должны произносить одни благословения, а не поношение и неправду». Любящее сердце Царя опять не могло вынести горького положения бывшего друга, иногда возражавшего, иногда безответного. Он сошел с своего Престола, приблизился к П. Никону и тихо стал говорить ему: «О, Святейший... или, думаешь, забыл я все твои заслуги, мне лично и моему семейству оказанные во время язвы, и прежнюю нашу любовь?» Затем стал укорять его за посланную им Константинопольскому Патриарху грамоту, в которой он на него жаловался, наконец, изъявил желание мира, уверяя в своей любви к нему. Так же тихо П. Никон отвечал Царю, извинился за указанную свою грамоту Константинопольскому Патриарху и, несмотря на заверение Царя в его прежней любви к нему, чувствовал, что минувшее уже не возвратимо, тут же предрек Царю свое горькое осуждение от Собора.

Это было последнее свидание П. Никона с царем и последняя с ним беседа. На третьем заседании в Благовещенской церкви над воротами Чудова монастыря 12 декабря 1666 года Царь не имел духа участвовать в осуждении, которое давно уже было предreshено. На этом заседании П. Никону прочитали обвинение, что он «смутил Царство Русское, вмешиваясь в дела не приличные патриаршей власти... оставил Престол свой за оскорбление слуги... распоряжался самовластно в трех монастырях (в Воскресенском, Иверском и Крестном) и давал им наименование Иерусалима, Вифлеме, Голгофы... препятствовал избранию нового Патриарха, предавая многих анафеме... Павла, Епископа низверг самовольно и был жесток к духовенству, жаловался на Царя Восточным патриархам, осуждал соборные правила, оскорбляя патриархов своим высокомерием».

Не лишним считаем отметить, какая страшная судьба постигла судей П. Никона. По свидетельству рукописного сочинения Спиридона Потемкина (в библиотеке Г. Погодина), современника сему происшествию, оба Патриарха, по возвращении своем к пастве, были повешены султаном за то, что без его повеления ездили в Россию. Паисий Лигарид, обличенный во многих злоупотреблениях, лишен был паствы своей и изгнан из России. Иосиф, Архиепископ Тверской, потом М. Астраханский был мучительно убит казаками. Иларион, Митрополит Муромский и Рязанский, был предан суду за некоторые предосудительные поступки и отставлен от епархии. Мефодий, Епископ Мстиславский, был удален от блюстительства Киевской митрополии, и за измену и мятежничество потребован к суду в Москву и под стражею скончался в Новоспасском монастыре («Начертание жития и деяний Никона, Патриарха Московского и всея России», Архимандрита Апололоса, стр. 72–80, изд. 4, М. 1845 г.).

Сергий, который страшно поносил П. Никона и не давал ему совсем покоя своим злословием. С земского двора П. Никон был отправлен в путь в жестокую стужу. По любви к нему с ним отправились в место заточение некоторые из его учеников. Новоспасский Архимандрит Иосиф, провожавший П. Никона до реки Клязьмы, отдал ему свою шубу, чтобы укрыть его от стужи. Прочие, сопровождавшие П. Никона, в течение всего пути не только не имели к нему сожаления, но даже не давали ему хлеба. В силу бедности Ферапонтова монастыря П. Никону были отведены душные, тесные кельи, похожие на темницу; приставники жестоко обращались с ним, они наглухо заколачивали окна его келии и в таком стеснении и содержали П. Никона до кончины Царя Алексея Михайловича.

Последний всю остальную свою жизнь раскаивался в низвержении П. Никона, посылал ему подарки. А пред смертью посылал к нему просить себе отпустительной грамоты, именуя его своим отцом, Великим Господином, Святейшим иерархом и блаженным Пастырем. Однако, вернуть П. Никона Царь не мог, так как бояре и близкие к Государю лица владели его волею. Чтобы не допустить этого возвращения, они выдумывали новые обвинения против П. Никона и даже оклеветали его в сношениях с Стенькой Разиным и в нечистой жизни. Нет ничего больнее для сердца клеветы. Недаром св. Церковь внушает каждому из нас обращаться всегда к Богу с молитвою: избави мя от клеветы человеческия. Поэтому клеветы были для П. Никона высшей мерою всех тех нравственных мук, которые судил Господь ему перенести.

Некогда св. Серафима Саровского спросили, как он мог вынести такой великий подвиг, как стояние на камне в течение трех лет? Он ответил, что только благодать Св. Духа могла укрепить его для несения этого молитвенного подвига... Ясно, что благодать Св. Духа помогла П. Никону нести крест его аскетических суровых подвигов и его тяжких душевных страданий. Без сей благодати он не мог бы перенести в особенности всех тех нравственных унижений, оскорблений, всех гнусных клевет, которые выпали на его долю после его патриаршего величия. Но эта благодать гордым не дается от Бога; напротив, Господь противится гордым, лишая их Своей благодати.

Так, жизнь П. Никона в ее аскетических подвигах и безропотных нравственных страданиях свидетельствует, что обвинение его в непомерной гордости является несостоятельным.

Это обвинение опровергается и его истинною любовью к ближним. Она, как свидетельствует историческая действительность, была в П. Никоне поразительной. Народ русский весьма любил его, в особенности за его благотворение бедным и защиту всех обиженных и несчастных, чем он отличался еще будучи Архимандритом Новоспасского монастыря, ходатайствуя за беззащитных лично пред Государем. Не забыл он бедных и обесдоленных и тогда, когда был Патриархом, о чем свидетельствуют тот плач и рыдание народа, когда П. Никон покидал Москву после 10 июля 1658 года. Этим благотворителем он остался и тогда, когда жил в Воскресенском монастыре, и даже в заточении. Таким образом, эта высшая добродетель

была в нем постоянной и, как таковая, она не могла быть опять без той же благодати Св. Духа, ибо св. Макарий Великий учит, что естественною безблагодатною любовью является та, которая непостоянна, и, напротив, видит сопричастие благодати Св. Духа в той любви, которая не прерывается, исходя из внутренней потребности человеческого сердца всегда любить ближних. Но это сопричастие благодати Божественного Духа чрез любовь его к ближним опять свидетельствует о том же, — что в нем не было гордыни.

Но лучше всего опровергается обвинение в гордости П. Никона теми сторонами его жизни, в которых благодать Св. Духа, несовместимая с гордостью, проявлялась в нем не только чрез подвиги и любовь, а непосредственно и, прежде всего, как особая печать Божественного избранничества. Она отмечалась людьми. Передают, что П. Никон, еще будучи юношей, предаваясь иноческим подвигам в монастыре св. Макария Желтоводского, был под духовным руководством одного благочестивого иерея Анании (в иночестве Антония). Последний предрек Никону Патриаршество. То же самое предрек ему один мордвин, воскликнув: «Ты будешь Царь или Патриарх». О том же получил он предсказание от Новгородского Митрополита Аффония, исполненного святости и благодати, когда был посвящен им в игумена Кожеезерской обители.

Эта благодать Божественного Духа дивно хранила П. Никона с самых младенческих лет. Он был малым ребенком, когда мачеха, видя, что он уснул в печке, заложила ее дровами и запалила их, желая сжечь ненавистного Никиту (так звали П. Никона в миру). Но посторонняя женщина, посланная Богом, услышав крик младенца, вовремя выхватила его из пламени невредимым и тем спасла ему жизнь. Дивный промысл Божий сохранил Никона от потопления на Белом Море, близ Соловецкой обители, пред Онежским устьем. Приставши на своей утлой ладье к острову Кию, он водрузил крест на нем в память своего спасения от потопления. Впоследствии, будучи Патриархом, он построил на о. Кие Крестный монастырь. Та же промыслительная десница Божия спасла его от смерти в 1650 году во время новгородского бунта, когда Никона, уже бывшего в сане Новгородского Митрополита, до такой степени избили камнями и дубьем за укрывательство в архиерейском доме новгородского воеводы князя Хилкова от озверевшей толпы бунтарей, что у него хлынула изо рта, носа и ушей кровь и все считали его уже умершим. Но Господь даровал ему прежнее здоровье и силу.

Благодать Св. Духа проявлялась в П. Никоне и как дар прозорливости. Когда вышеупомянутый Архимандрит Сергей дерзко досаждал ему после суда, он сказал ему с горечью в сердце, что и его сошлют в заточение. И, действительно, Сергей был сослан по повелению Царя в заточение на покаяние в Толгский монастырь. Когда П. Никона, уже умирающего, везли на струге по Волге и причалили к берегу против Толгского монастыря, то Архимандриту Сергию явился П. Никон в сонном видении и сказал: «Встань, брат Сергей, простимся». Архимандрит тотчас поспешил к П. Никону, пал ему в ноги и со слезами испросил себе прощение. Давши

прощение Архимандриту Сергию, П. Никон уже не мог больше говорить и тут же скончался, приняв Св. Тайны от своего духовника. Благодатный дар прозорливости П. Никон обнаружил и пред получением указа от Царя Федора Алексеевича, который возвещал ему свободу и возвращение в любимую им св. Воскресенскую обитель. Об этом указе ни П. Никон и никто из окружающих его ровно ничего не знали; однако, накануне получения указа Патриарх повелел своей братии собираться в путь в Воскресенский монастырь. Наконец, П. Никону был присущ и дар целения недугов. Этот дар проявлялся в нем особенно в период заточения, когда благочестивые люди приходили и приезжали к нему, испрашивая молитв в своих болезнях. Но с особенной силой исцеление стали совершаться после его смерти от его гроба в Новоиерусалимском монастыре.

Ясно, что у П. Никона не могло быть непомерной гордости, ибо она несовместима с благодатию Св. Духа, которая была присуща ему с самых младенческих лет и проявлялась в нем в очевидной и поразительной мере до самой его кончины. Ему были присущи обычные человеческие немощи, которые коренились не в преступной и страстной воле, а в его природном пылком характере. При этом П. Никон отличался строгой взыскательностью к подчиненным, при нарушении ими своих обязанностей. Эта строгость переходила даже в суровость, когда П. Никон сталкивался с прямым нарушением Божественных законов. Все эти черты его личности, проявляясь в отношении к людям недуховным и строптивым, были для них невыносимы. Но если деятельность, сопровождаемая такими чертами, исходит из ревности по Боге, то она высоко ценится в очах Божиих. Такою ревностию и отличался П. Никон, ибо все его действия показывают, что центром его жизни была не личная слава, а слава Божия, благо русской Церкви и государства, о чем свидетельствует и его учение.

Во всяком случае, не гордость и властолюбие П. Никона, коих у него не было, могли быть причиною трагедии, происшедшей в России от его размолвки с царем Алексеем Михайловичем. Истинной причиной смуты было властолюбие бояр, с желанием господствовать в государстве и в Церкви; также личная зависть и ненависть их к П. Никону, который был для них слишком сильным препятствием для осуществления их властолюбивых замыслов.

Таким образом, как деятельность, так и жизнь П. Никона свидетельствуют о том, что нам следует не обвинять его в непомерной гордости, а благоговейно преклоняться перед ним, чтить его вместе с простым верующим русским народом, как праведного и благодатного светильника русской Церкви, и всемерно содействовать тому, чтобы в возрожденной России он был причислен к лику святых Российской Церкви.

В данный же момент и на будущее время, в целях возрождения России, мы должны следовать святым заветам П. Никона, как своего учителя, и стремиться к восстановлению у нас истинной Самодержавной Царской власти, которая будет таковою, если в основу своего отношения к Церкви она положит начала симфонии властей. Иначе сказать, мы должны

стремиться воссоздать ту Царскую Самодержавную власть, которая будет находиться в самом близком единении с православною русскою Церковью, свидетельствуя это единение своею защитою православной веры от всех ее врагов – безбожников, еретиков, раскольников и сектантов, оказывая ей, как господствующей религии в русском государстве, свое почитание, о котором говорится в теории симфонии властей.

Эту Царскую Самодержавную власть мы должны стремиться воссоздать не только потому, что такое стремление будет истинным покаянием в нашем тяжком грехе уничтожения одного из исконных начал русской жизни и попустительством к сему уничтожению. Это стремление одновременно соответствует и истинной русской идеологии, которая есть ни что иное, как православная вера и основанная на ней русская жизнь во всех ее областях, начиная с личной и кончая государственной, почему русское государство и должно возглавляться Царскою Самодержавною властью. Идеология русского человека никогда не допустит, чтобы в основе государственной жизни была власть не Богопоставленная, т.е. не основанная на православной вере, власть конституционная и республиканская.

Конечно, русская идеология в последнее время была весьма сильно извращена, вследствие отступления русского народа от православной веры. Но ныне народ наш возвращается к ней своими великими страданиями. А вернувшись к православной вере, он вернется и к Царской Самодержавной власти, как основанной на этой вере. Русский народ в особенности любил и почитал тех из своих великих князей и царей, которые отображали в своей личной и государственной жизни его идеологию и являлись истинным оплотом православной веры. Поэтому весьма многих из них, чрез Церковь свою, народ причислил к лику святых. И теперь, при возрождении России, народ наш, познавши горьким опытом всю разрушительную силу неверия и зная, что только истинная Самодержавная Царская власть в России может быть могущественным оплотом православной веры, как основы и личного спасения, и процветания государства, восстановит ее, будет ценить ее, будет особенно любить и почитать ее достойных представителей, как выразителей идеологии народа.

Для православного сознания русского человека является неоспоримой истина, что вера православная была основою не только личной духовной жизни, но была в основе могущества и славы нашей родины; отступление же от веры было причиною, как нравственного падения русского народа, так и гибели внешней мощи России. Лишь в православной вере надо искать нам возрождения России.

Вот в чем состоит русская идеология. Если она, по милости Божией, воплотится в жизни, то произойдет истинное возрождение России. Тогда она вновь засвидетельствует пред всем миром о спасительном значении православной веры в нашей жизни во всех ее областях. Тогда, осуществляя свою идеологию и возрождая свою Родину, русский народ покажет на себе всю жизненную силу непреложных, Богооткровенных слов Ап. Павла: Верую сотвори (Моисей) пасху и пролитие крове, да не погубляй

перворожденная, коснется их. Верую преидоша (израильтяне) Чермное море аки по сусе земли; егоже искушение приемше египтяне истопишася. Верую стены Иерихонския падоша, обхождением седмих дней. Верую Раав блудница не погибе с сопротивлявшимися, приемши соглядателей с миром, (и иным путем изведши). И что еще глаголю? Не достанет бо ми повествуящу времени о Гедеоне, Вараце же и Сампсоне и Иеффаи, о Давиде же и Самуиле, и о (другихъ) пророцех, Иже верую победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов, угасиша силу огненную, избегоша острей меча, возмогоша от немощи, быша крепцы во бранех, обратиша в бегство полки чуждих⁹⁸ (Евр. 11: 28–34).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможно, что некоторые из читателей нашей книги сделают такое возражение: если гибель России произошла в силу отступление русского народа от православной веры, вызванного, главным образом, противоцерковными реформами Самодержавного Царя Петра Первого, то зачем же призывать русских людей к восстановлению у нас Царской Самодержавной власти? Ведь может опять на русском Престоле появиться Царь, который, подобно Петру, отступит от православной веры и, пользуясь своею Самодержавною властью, вновь будет содействовать гибели России.

Вот что по этому поводу мы должны сказать. Если не все цари были достойными, и не все соответствовали по своим убеждениям и жизнедеятельности Божественным законам, то это вовсе не значит, что мы должны отрицательно относиться к самому институту Царской власти. Все, что делал и делает Господь для нашего земного благополучия и спасения, является идеальным хорошим, ибо от Господа не может произойти что-либо плохое и несовершенное, почему в Божественном Писании и сказано: Вся, елико сотвори Господь добра зело (Быт. 1: 31).

Царская Самодержавная власть есть Богоустановленное учреждение и, как таковое, является идеальным. Вследствие этого, с нею не может сравниться то или другое демократическое правление, как плод человеческого греховного соизволения.

Если некоторые священнослужители являются весьма недостойными пастырями, то это не значит, что нужно упразднить самое священство, учрежденное Богом для нашего спасения. Некогда Епископ Феофан Затворник в своих письмах говорил, что, если бы благодать всегда искала только достойных пастырей, то люди оставались бы без крещения и лишились вечного спасения. То же самое следует сказать относительно Царя и Царской власти. Недостатки Петра I и других царей не должны

⁹⁸ Русский перевод: Верую совершил он Пасху и пролитие крови, дабы истребитель первенцев не коснулся их. Верую перешли они Чермное море, как по суше, - на что покусившись, Египтяне потонули. Верую пали стены Иерихонские, о семидневном обхождении. Верую Раав блудница, с миром приняв соглядатася (и проводив их другим путем), не погибла с неверными. И что еще скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффе, о Давиде, Самуиле и (других) пророках, которые верую побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угасали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих. (Перевод добавлен в текст Редактором).

быть препятствием для русского народа к восстановлению в будущей России Царской Самодержавной власти, как источника благоденственной и спасительной жизни народа.

К тому же мы должны всегда иметь веру, что действие Божественного наказующего промысла, если мы ими вразумляемся, тем именно и отличаются, что они оканчиваются нам во благо. Наказание за грехопадение прародителей лишением их общения с Богом и райского блаженства окончилось тем, что мы теперь, в силу искупительной жертвы Спасителя, при вкушении Тела и Крови Его, входим в поразительное общение с Ним; и еще в земной жизни соединяемся с Господом нашим Иисусом Христом для вечного райского блаженства. Такого тесного и блаженного единения с Богом, вплоть до нашего обожения, не имели прародители в раю до своего падения. Св. Симеон Новый Богослов свидетельствует, что в евхаристическом таинстве мы получаем от Бога такие блага, о коих в Свящ. Писании сказано: ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его (1 Кор. 2, 9; Творение св. Симеона Нов. Бог., Вып. II, Слово 52-е, стр. 444–445).

Такая вера в действие наказующего Божественного промысла применительно к данному моменту жизни России, конечно, укрепляется нашим сознанием, что русский народ заслуживает подобного отношения к себе со стороны промыслительного Божественного милосердия, так как под влиянием великих страданий он возвращается ко Христу, к своей православной вере.

Разумеется, русский народ не только должен иметь веру в благие последствия для России тяжкого ее наказания Богом. В своей личной, общественной и государственной жизни ему необходимо теперь ревностно оберегать свою православную веру, чтобы не допустить в будущем появления на Самодержавном Престоле Царя, который стал бы ее вновь ниспровергать. Поэтому народ наш должен неуклонно осуждать безбожие и всякие отклонения от православной веры и всемерно способствовать тому, чтобы в его будущем государственном законодательстве в осуществление мысли Епископа Феофана Затворника, был закон, сурово – вплоть до смертной казни – карающий пропаганду атеистических воззрений и в особенности кощунство (Избрание писем Святителя Феофана. Вып. II. Письмо 1144, стр. 142–143. Москва, 1900 г). Тогда Господь, ради такой ревности о Боге, не допустит появления у нас Царя, который своим отрицательным отношением к православной вере поставил бы нашу Родину под опасность ее новой гибели.

В тех же целях предотвращения появления в будущей России подобного Царя, при учреждении в России Царской Самодержавной власти, Церковь может установить правило, при котором Царь свободною волею усугубил бы ограничение своего Самодержавия Божественными Законами, о верности которым он торжественно свидетельствовал при своем короновании чрез исповедание православного учения.

Впрочем, иного выхода для нас, как православных христиан, в данном случае не может быть. Ведь мы должны всё делать на основании своей

православной веры. Последняя же устами Вселенских Соборов требует нашего отношения к Священному Писанию, как к Богодухновенному, и потому повелевает считать его главнейшим руководством не только в области религиозной и нравственной, но и государственной. И если для государственного правления Св. Писание признает одну только форму – Самодержавную власть Царя – Помазанника Божиего, то ни о какой другой власти, как не основанной на Божественном Откровении, мы не должны думать.

Та же самая православная вера побуждает нас желать возглавления нашего отечества этою Царскою властью, когда чрез Божественные заповеди повелевает нам ее почитать, молиться о ней Богу и ей повиноваться Господа ради.

Поэтому без всяких колебаний будем стремиться к восстановлению в будущей России Самодержавной власти Царя Помазанника Божиего.

И так как это стремление наше является основанным на православной вере, то сам Господь будет нашим помощником в этом святом и патриотическом деле. Он Своею Божественною благодатию осуществит его на благо России. Чрез нашу православную веру Он возродит ее и покажет вновь на русском народе всю силу его веры, о которой некогда Его возлюбленный ученик и Апостол Иоанн Богослов сказал: сия есть победа победившая мир, вера наша (1 Иоан. 5: 4).

† Святитель Серафим (Соболев).